

**ВОЙНА И МИР В СУДЬБАХ
УЧЕНЫХ-ЭКОНОМИСТОВ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОЙНА И МИР В СУДЬБАХ УЧЕНЫХ-ЭКОНОМИСТОВ

Очерки

Выпуск 5

Волгоград
2005

ББК 65.02(2)6
В65

Редакционная коллегия:

д-р экон. наук *О.В. Иншаков* (отв. редактор);
д-р экон. наук *М.М. Загорулько*;
чл.-кор. РАН, д-р экон. наук *Е.И. Капустин*;
д-р экон. наук *Н.Д. Колесов*;
д-р экон. наук *Н.К. Фигуровская*;
канд. филол. наук *Е.М. Шептухина* (отв. секретарь)

Война и мир в судьбах ученых-экономистов [Текст] :
В65 очерки / РАН, Ин-т экономики, ВолГУ; редкол.: О.В. Иншаков (отв. ред.) [и др.]. — Вып. 5.— Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. — 248 с.

ISBN 5-9669-0049-3

Серия «Война и мир в судьбах ученых-экономистов» подготовлена к публикации в рамках программы научных исследований НИИ проблем экономической истории России XX века ВолГУ. Собранные в книгах очерки рассказывают о жизни ученых — участников Великой Отечественной войны, знакомят читателей с основными направлениями их исследовательской деятельности.

Представляет интерес для специалистов в области экономики, аспирантов, студентов, а также для всех, кто интересуется историей экономической мысли.

ББК 65.02(2)6

ISBN 5-5-9669-0049-3

© Коллектив авторов, 2005
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2005

|| ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Уважаемые читатели! В эти замечательные майские дни, когда отмечается шестидесятилетие Победы в Великой Отечественной войне, мы поздравляем всех с нашим общим праздником!

К юбилею Победы вышел пятый выпуск серии «Война и мир в судьбах ученых-экономистов», в очерках которой рассказывается об ученых, прошедших суровыми фронтовыми дорогами, одолевших врага на полях сражений; о тех, кто в нелегкие для страны годы руководил государственными структурами самого высокого уровня, решая сложнейшие задачи организации военной экономики, создавая экономический фундамент нашей Победы; о тех, кто приближал радостный миг победы над врагом, работая над созданием новых, современных видов вооружений. По-разному сложились судьбы героев очерков и в мирное время, но где бы они ни работали, какие бы посты ни занимали, главным для каждого из них оставалось стремление делать добро, отдавать все силы служению на благо своей страны, своего народа.

Эта серия была начата в 2003 году, когда отмечалась шестидесятая годовщина победы в Сталинградской битве, и к 60-летию Великой Победы, которое широко празднуется в эти дни, редколлегия планировала завершить публикацию очерков. Однако мы, инициаторы этого издания, получаем все новые и новые материалы о посвятивших свою жизнь экономической науке ученых-фронтовиках. Это не может не радовать, и редколлегия приняла решение о продолжении серии.

Дорогие ветераны, примите самые сердечные поздравления со славным праздником, здоровья вам, любви родных и близких, радости встреч и побед, мирного неба и яркого солнца, плодотворной работы и талантливых учеников! С Днем Победы!

Редакционная коллегия

НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ФЕДОРЕНКО. УЧЕНЫЙ, ГРАЖДАНИН, ЧЕЛОВЕК ¹

Академик Н.П. Федоренко

Имя Николая Прокофьевича Федоренко, известного экономиста, чьи заслуги перед отечественной наукой трудно переоценить, связано прежде всего с Отделением экономики АН СССР, которому ученый посвятил почти пятьдесят лет своей жизни, а двенадцать из них был его руководителем. Н.П. Федоренко пришел в Академию в 1962 году, когда был избран членом-корреспондентом. Осенью того же года Анушаван Агафонович Арзуманян — первый академик-секретарь Отделения экономики, только что выделившегося из состава Отделения экономических, философских и правовых наук, пригласил его к себе заместителем. Со свойственной ему энергией Николай Прокофьевич сразу же взялся за работу, направленную на преодоление сложившейся в то время ситуации, когда экономические институты Академии наук занимались лишь толкованием партийных решений, пресловутой критикой буржуазных теорий и исследованием истории экономических учений, где главное место занимала разработка ленинского наследия в области политической экономии. По мнению А.А. Арзуманяна и Н.П. Федоренко, настала пора академическим институтам заняться настоящим делом. Этого требовало народное хозяйство, «оттаивавшее» после сталинского тоталитарного правления, отставшее в развитии от мировой экономики и нуждавшееся в реформах.

Однако, как рассказывает сам Николай Прокофьевич, от задумок до реализации идей расстояние оказалось непомерно большим. Почувствовав, что руки у него связаны «идеологическими

кураторами» из высшего партийного руководства, и убедившись в невозможности осуществления своих «проектов», он «немного заскучал». И заскучал бы, наверное, совсем, если бы к тому моменту по инициативе группы ученых и при активном участии академика Василия Сергеевича Немчинова не был поставлен вопрос о создании в Академии института экономико-математических исследований. Эта идея захватила Николая Прокофьевича целиком, ее реализации он отдал все свои силы. Он навсегда останется в памяти современников и потомков одним из основателей целого направления в российской экономической науке, создателем научной школы, символом которой стало здание Центрального экономико-математического института с огромной каменной лентой Мебиуса на фасаде.

К руководству Отделением экономики Н.П. Федоренко вернулся в начале семидесятых, но уже в новом качестве — будучи действительным членом АН СССР, известным организатором науки.

Сам Николай Прокофьевич объясняет свой успех в жизни и науке просто: умеи и не ленись учиться, умеи выбирать учителей и не стесняйся питаться их мудростью и опытом. При этом он любит цитировать Исаака Ньютона: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов».

По-видимому, Н.П. Федоренко действительно повезло на учителей. Он часто вспоминает и своего первого наставника в деревенской школе, и таких светил науки, как А.И. Каблуков, В.Р. Вильямс, С.Г. Струмилин и В.С. Немчинов. Но главное, думается, все же в том, что, уже став академиком, Николай Прокофьевич, по его собственному признанию, продолжал учиться не только у опытных руководителей научных коллективов — М.В. Келдыша, Н.Н. Некрасова, Н.Н. Семенова, А.Н. Несмеянова, у научных оппонентов, — но и у младших коллег.

Н.П. Федоренко родился весной 1917 года в бедной крестьянской семье в селе Преображенка на Запорожье, неподалеку от известного местечка Гуляй-Поле. Тяжелым трудом приходилось ему добывать одежку и обувь, чтобы было в чем пойти в школу в соседний городок Орехов. Он чудом выжил в голодную зиму 1932—1933 годов.

Стойкий и свободолюбивый казацкий характер, казацкая изобретательность и смекалка помогали не предаваться унынию

даже в самые трудные минуты. Отсюда, наверное, и принесенная впоследствии в науку независимость мышления, неприятие навязываемых догм и авторитетов. Мстислав Всеволодович Келдыш, человек весьма проницательный, говорил о нем в зале заседаний Президиума АН СССР: «Ну вот, пришел наш махновец, можно начинать». Кстати, Николай Прокофьевич никогда против такого обращения не возражал, кажется, оно ему даже нравилось. Но от покосившейся хаты сельской школы до этого зала нужно было пройти длинный и тернистый путь: выучиться в сельхозтехникуме, преодолеть трудности поступления в Тимирязевскую академию (там Николай Прокофьевич впервые встретился со своим, как он считает, главным учителем В.С. Немчиновым), окончить Московский институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, получить офицерское звание в Ворошиловской академии и, будучи уже капитаном военно-химической службы, отметить в поверженном Берлине в день Великой Победы свой двадцать восьмой день рождения...

В июне 1941 года, будучи студентом Московского института тонкой химической технологии (МИТХТ), Н.П. Федоренко проходил производственную практику на заводе твердых сплавов. Здесь его и застала война. Вместе с другими студентами института он записался добровольцем в народное ополчение и стал командиром отделения в дивизии народного ополчения имени Фрунзе, которую назвали так потому, что она формировалась из добровольцев Фрунзенского района столицы. Пешим маршем дивизия, вооруженная винтовками, была направлена на запад, в сторону Белоруссии, и через некоторое время оказалась вблизи Вязьмы.

К счастью, дивизия не успела принять участие в кровопролитных сражениях под Вязьмой. Поскольку в войсках остро ощущалась нехватка командирских кадров, студентов-ополченцев стали отзывать в тыл и направлять в военные учебные заведения для подготовки инженерно-технического состава вооруженных сил. Студентов-химиков, среди которых оказался Н.П. Федоренко, по разнарядке военкомата направили в Академию химической защиты (позднее она была переименована в Военно-химическую академию), где ополченцы сначала прошли 12-дневные курсы военных химиков-разведчиков. И только после этого Н.П. Федоренко вместе с лучшими студентами МИТХТ был зачислен в Академию

химической защиты в качестве слушателя. Поздней осенью 1941 года Академия химической защиты была эвакуирована сначала в Ташкент, а затем в Самарканд.

Слушателей Академии обучали технике и тактике ведения химической войны, организации химической защиты и взаимодействия с другими родами войск. Кроме теоретических занятий, в пригородах Самарканда слушатели участвовали в учениях, максимально приближенных к условиям войны.

По окончании с отличием Академии Н.П. Федоренко получил звание лейтенанта и был направлен в Москву в Главное военно-химическое управление Красной Армии. В его обязанности входила оценка рационализаторских предложений и изобретений. Как правило, это были усовершенствования фильтрующих устройств для противогазов, а также различные модификации фугасных и ручных огнеметов.

Химическое оружие во Второй мировой войне не было применено ни одной из сторон. Однако вероятность такого развития событий все время оставалась достаточно высокой. Доказательством может служить тот факт, что во время одной из поездок в освобожденные районы Белоруссии Н.П. Федоренко обнаружил немецкий склад с химическими снарядами. Несколько снарядов были отправлены на исследование, остальные уничтожены.

В конце войны Н.П. Федоренко как сотрудник Главного химического управления был командирован в Польшу, только что освобожденную от немецкой оккупации. Состояние химической защиты наступающих войск проверялось особенно тщательно, поскольку существовала реальная угроза химического нападения со стороны агонизирующего фашистского режима.

В Берлин капитан Н.П. Федоренко попал сразу же вслед за наступающими частями Красной Армии. Перед ним была поставлена задача разобраться с химическим хозяйством немецкой ар-

Н.П. Федоренко
в годы войны

мии и обнаруженными научно-техническими разработками в этой области. Он также принимал участие в подготовке предложений по использованию сохранившегося научно-технического потенциала военно-химической отрасли Германии. Одно из заданий состояло в том, чтобы найти разработки боевых отравляющих веществ в химическом центре, расположенном в пригороде Берлина — Шпандау. Результаты таких разработок были обнаружены, после чего вся техническая документация и реактивы были оттуда вывезены. В процессе обследования занятой нашими войсками немецкой территории Н.П. Федоренко удалось обнаружить в Кайзеровском институте Германской академии наук электронный микроскоп. В то время это был единственный в мире экземпляр. С помощью бывших сотрудников института микроскоп был тщательно упакован и отправлен в физико-химический институт Академии наук СССР.

Свой стаж экономиста Н.П. Федоренко отсчитывает с 1946 года, когда он буквально пробился в аспирантуру на кафедре экономики химической промышленности МИТХТ, которую тогда возглавлял будущий академик Н.Н. Некрасов. Поскольку Николай Федоренко имел инженерное образование, Н.Н. Некрасов не хотел брать его в аспирантуру, а когда тот продолжал настаивать, сформулировал ему тему вступительного реферата, как говорится, «на засыпку». Но со сложной темой, связанной с экономическими расчетами комбинированных химических производств, соискатель, к немалому удивлению своего «крестного», справился блестяще. Это был самый первый из множества барьеров на поприще экономической науки, которые Николаю Прокофьевичу приходилось преодолевать.

Н.П. Федоренко защитил кандидатскую диссертацию в 1949 году, однако содержащаяся в ней методика определения затрат и оценки эффективности продуктов, получаемых в комплексных химических процессах, была разработана с такой исчерпывающей глубиной, что вот уже скоро пятьдесят лет как она используется на практике без каких-либо существенных корректировок. Изменились и отношения с Н.Н. Некрасовым, который оставил Н.П. Федоренко «в наследство» и свой курс экономики химической промышленности, и кафедру в МИТХТ. Николай Прокофьевич иногда с улыбкой вспоминает, как в 1968 году,

уже будучи действительным членом АН СССР, заместителем председателя Секции общественных наук Президиума Академии, он, проголосовав за избрание Н.Н. Некрасова академиком, сказал ему: «А помните, Николай Николаевич, как Вы не хотели принимать меня в аспирантуру?»

Пройдя шаг за шагом путь от аспиранта до исполняющего обязанности ректора МИТХТ, Н.П. Федоренко стал ведущим специалистом в области экономики химической промышленности. В частности, на базе широчайшей серии расчетов применительно к области производств органического синтеза им был сделан существенный вклад в практическую реализацию идеи учета затрат в отраслях, сопряженных с химическим производством. Определенным итогом разработки этой проблемы стала докторская диссертация на тему «Основные проблемы экономики современной химической промышленности», защищенная в 1955 году.

Опубликованные Н.П. Федоренко в последующее десятилетие фундаментальные монографии «Экономика промышленности синтетических материалов» (1961) и «Вопросы экономики промышленности органического синтеза» (1967), посвященные сложным вопросам отраслевой экономики, до сих пор актуальны. Руководя Бюро Научного совета АН СССР «Экономические проблемы химизации народного хозяйства СССР», Н.П. Федоренко стал вдохновителем многих научных исследований, а его заслуги в развитии экономической теории были отмечены в 1970 году Государственной премией.

В истории развития отечественной химической промышленности имя Н.П. Федоренко связано не только с научными работами. На рубеже 50—60-х годов ему вместе с нобелевским лауреатом Н.Н. Семеновым удалось убедить тогдашнее высшее руководство развернуть в стране крупномасштабную программу химизации, благодаря чему сегодня Россия и бывшие советские республики имеют современную химическую промышленность. Для достижения этой цели использовались не только научные обоснования, публицистические выступления, но и «казацкие хитрости». Кто знает, не привези Н.П. Федоренко из-за границы в подарок Н.С. Хрущеву несколько нейлоновых рубашек, как задержалась бы организация отечественного производства синтетических волокон!

Новый этап в жизни Н.П. Федоренко начался в 1963 году, когда он возглавил коллектив ученых Центрального экономико-математического института АН СССР (ЦЭМИ), реализуя идеи выдающегося ученого-экономиста В.С. Немчинова. Не следует думать, что Николай Прокофьевич слепо следовал за своим учителем. Тот, кто присутствовал на первом заседании Ученого совета ЦЭМИ, где определялись основные направления исследований, помнят серьезную дискуссию, развернувшуюся между учителем и учеником. И.П. Федоренко настоял на том, чтобы большее внимание уделять прикладным исследованиям, и жизнь подтвердила его правоту.

В первые годы формирования ЦЭМИ, превращения разрозненных группок специалистов, собиравшихся «с бору по сосенке», в единое целое у Н.П. Федоренко появились два завидных прозвища: Собиратель Талантов и Иван Калита. И уже через несколько лет ЦЭМИ занимал пятое место в мировой классификации научных центров. Это произошло во многом благодаря кадровой политике, которую сам Н.П. Федоренко определял просто: «научные заслуги, работоспособность плюс личная порядочность».

Накопление и обобщение опыта решения экономико-математических задач, выработка новых теоретических положений, приемов и методов экономического анализа позволили Н.П. Федоренко и его сподвижникам сформулировать основы и наметить пути поэтапной реализации единой системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Заметим, что некоторые шутивно расшифровывают эту аббревиатуру как Система Оптимизации Федоренко.

Н.П. Федоренко настойчиво отстаивал СОФЭ в научных дискуссиях, в многочисленных выступлениях в печати. Одна из первых фундаментальных работ в этой новой области исследований — его монография «О разработке системы оптимального функционирования экономики» (1968), ставшая значительным событием в экономической науке.

Идеи СОФЭ нашли развитие и в работах, выполненных под руководством Н.П. Федоренко и при его участии: «Комплексное народно-хозяйственное планирование» (1974), «Система моделей оптимального планирования» (1975), десяти томный труд «Вопросы оптимального планирования и управления социалистическим производством» (1975).

тической экономикой» (1982—1985). Его монографии «Вопросы оптимального функционирования экономики» (1980) и «Некоторые вопросы теории и практики планирования и управления» (1979) были удостоены премии имени В.С. Немчинова. Можно сказать, что в этих работах была создана научная база комплексной системы разработки перспективных народно-хозяйственных планов, органически сочетающая программно-целевое, отраслевое и территориальное планирование.

В ряде работ, выполненных в возглавлявшемся Н.П. Федоренко коллективе ЦЭМИ, обобщен опыт, накопленный в процессе проведения теоретических и экспериментальных исследований по ряду дискуссионных вопросов, например, об учете в цене затрат, зависящих и не зависящих от объема выпуска, о глобальном и локальном критериях оптимальности, о принципе построения системы моделей оптимизации, о народно-хозяйственном аспекте размещения производительных сил и оптимизации развития регионов, об эффективности труда и уровнях оптимальных оценок.

Особой сферой исследований Н.П. Федоренко была и остается экономика природопользования. В его книге «Экономические проблема оптимизации природопользования» (1973) впервые сформулированы принципиальные положения планирования качественного использования окружающей среды и управления этим процессом.

Большой интерес и положительный отклик отечественной и зарубежной научной общественности вызвали высказывания Н.П. Федоренко о единстве и взаимовлиянии естественных и общественных наук, об экономике как комплексной динамической системе, где все элементы взаимосвязаны и диалектически развиваются. Именно осмысление связи между природной средой, человеком и машинами как составными частями комплекса подводит нас к пониманию сути взаимоотношений человека, производственных и информационных процессов в завтрашнем мире.

Пусть молодой читатель не думает, что идеи Н.П. Федоренко, его коллег и соратников воспринимались и оценивались двадцать-тридцать лет назад так же, как мы оцениваем их сегодня. Поскольку представители экономико-математического направления решительно выступали против догматизма и начетничества, царивших в ту пору в официальной экономической науке,

они подвергались всяческому преследованиям: их дискриминировали при публикации работ, на них обрушивалась разносная критика и навешивались политические ярлыки, среди которых «антимарксизм», «буржуазный субъективизм» или «рыночный социализм» были не самыми убийственными. Впрочем, от обвинений в «рыночном социализме» Н.П. Федоренко и его коллеги не отбивались. Действительно, тот, кто внимательно читал труды о СОФЭ, мог заметить, что в них проклевывались ростки будущих реформ. И если бы эти ростки не были затоптаны, то наша нынешняя экономическая перестройка, думается, могла бы быть более успешной.

Надо было обладать гражданским мужеством, убежденностью и верой в свою правоту, бойцовским характером, чтобы в тех условиях продолжать исследования, не дезертировать с переднего края науки. И в «столетней» войне с ретроградами из Госплана и ортодоксами от политэкономии, и в битве за присуждение Ленинской премии Л.П. Канторовичу, В.С. Немчинову, В.В. Новожилову, и в «мелких стычках» по защите своих коллег и созданию для них нормальных условий жизни — везде Н.П. Федоренко если не выходил победителем, то не капитулировал, не признавал себя побежденным.

Выдержали Н.П. Федоренко и его команда жестокий идеологический погром, учиненный после июньского Пленума ЦК КПСС 1983 года, на котором главный идеолог КПСС К.У. Черненко обвинил ЦЭМИ в том, что в его деятельности якобы «наглядно проявились недостатки, в той или иной степени свойственные и некоторым другим научным учреждениям: замыкание в собственных “диссертационных” и групповых интересах, мелкотемье, слабость в них партийного влияния»².

«Избиение» проводилось по грязной, но интересной технологии: сначала выдвигались обвинения и делались «оргвыводы», а потом приезжали комиссии для сбора «фактуры», их подтверждающей. Напряжение было предельным, но ЦЭМИ все же перенес и это. Институт, выстояв, возродился «един в четырех лицах»: были сформированы сначала три полноценные «дочерние» структуры, а затем и еще одна. Чего все это стоило Н.П. Федоренко, знает только он и его жена и верная подруга Нина Владимировна. Может быть, когда-нибудь он расскажет об этом сам, но те, кто когда-то пережил эти собы-

тия, навсегда сохранят чувство искренней благодарности своему руководителю.

Трудно переоценить заслуги Н.П. Федоренко как академика-секретаря Отделения экономики и члена Президиума Академии наук. Должность академика-секретаря была и остается до сих пор не столько почетной, сколько хлопотной. Забот, ответственности у Н.П. Федоренко хватало с избытком, поскольку уже тогда хозяйство это было и большое, и беспокойное.

Естественно, основное внимание нужно было уделять координации работы главных центров экономических исследований, какими были академические институты общесоюзного значения. В период работы Н.П. Федоренко в Отделении были созданы новые научные организации: Институт Дальнего Востока, Институт США и Канады, Институт социально-экономических проблем (г. Ленинград), Институт экономики Уральского научного центра (г. Свердловск). К моменту завершения его деятельности на этом посту, по существу, были сформированы или подготовлены условия образования таких объектов, как Институт народно-хозяйственного прогнозирования, Институт проблем рынка, Институт Европы, Институт социально-экономических проблем народонаселения (впоследствии научные организации, занимавшиеся международной тематикой, выделились в самостоятельное Отделение).

В сферу влияния Отделения экономики попадали не только академические институты, но и другие экономические исследовательские организации — институты Госплана, экономические институты функциональных и отраслевых министерств и ведомств страны. Отделение не оставляло без внимания и вузовскую экономическую науку, представленную десятками специализированных экономических институтов и факультетов государственных университетов, многочисленными экономическими кафедрами в инженерно-экономических, технических, сельскохозяйственных, строительных и других вузах страны.

Отделение экономики заботилось и об издании работ, отражающих результаты научных исследований, а значит, нужно было постоянно держать в поле зрения деятельность специализированных издательств и множества журналов.

Решить все задачи, стоявшие перед Отделением экономики, опираясь только на собственный аппарат, включавший по-

людюжину сотрудников, было, конечно, невозможно. Поэтому Н. П. Федоренко большое внимание уделял работе проблемных научных советов, создававшихся для объединения и координации усилий ученых, занимавшихся исследованием наиболее актуальных проблем.

Простой перечень «дополнительной нагрузки», которую Николай Прокофьевич в разное время выполнял, руководя ЦЭМИ и Отделением экономики (а многое он выполняет и по сию пору), занял бы полную журнальную страницу: председатель, заместитель председателя или член восьми научных советов, четырех комиссий и секций Академии наук; главный редактор журнала «Экономика и математические методы»; заместитель председателя Экспертной комиссии по премии имени Н. Г. Чернышевского; председатель Экспертной комиссии по присуждению Золотой медали имени К. Маркса; член Коллегии Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике; заместитель председателя Межведомственного научного совета по проблемам ценообразования Государственного комитета цен Совета Министров СССР и АН СССР; член Пленума Высшей аттестационной комиссии по общественным и гуманитарным наукам; заместитель председателя Научного совета по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования АН СССР и Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике; «и прочая, и прочая, и прочая...»

И это далеко не все. А главное — везде приходилось работать, а не сидеть «свадебным генералом». Так что не так уж легка «шапка академика», как думают некоторые.

Конечно, основное время Н. П. Федоренко отдавал работе в Научном совете АН СССР по комплексной проблеме «Оптимальное планирование и управление народным хозяйством», который был создан в июне 1967 года путем слияния трех советов «Применение математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании», «Научные основы планирования и организации общественного производства» и «Совершенствование методов и показателей народно-хозяйственного планирования». Вновь образованный Совет координировал работу институтов Академии наук СССР, почти всех институтов экономики и кибернетики академий наук союзных республик, НИЭИ

и ГВЦ Госплана СССР, НИИ ЦСУ СССР, НИИ труда, МГУ, ЛГУ, НГУ и многих других высших учебных заведений, научно-исследовательских и проектных организаций практически всех министерств и ведомств.

Н.П. Федоренко исходил из того, что подлинной основой координации работы может быть только комплекс научных идей, способных объединить тысячи специалистов в коллектив, добывающийся единой цели. Такой целью, по его мнению, было создание автоматизированной системы оптимального планирования и управления народным хозяйством страны.

Преимущества организации и координации исследований в рамках проблемных Научных советов заключались в том, что ученые, научные учреждения объединялись, во-первых, на демократических принципах, а во-вторых — на основе общей заинтересованности. Широкий и свободный обмен мнениями, разнообразные форумы: школы, семинары, симпозиумы, всесоюзные конференции, материалы которых регулярно публиковались, — все это способствовало привлечению известных ученых и талантливой молодежи к решению актуальных вопросов экономической науки, поскольку позволяло постоянно быть в курсе всего нового, давало возможность «на людей посмотреть и себя показать», без чего нормальный научный процесс невозможен. Наверное, и поэтому, и благодаря кипучей деятельности Н.П. Федоренко уже в 1968 году число организаций, исследования которых курировались советом, составило примерно 500. Для координации деятельности такого большого научного сообщества совет создал 13 проблемных и 16 территориальных секций, возглавлявшихся известными учеными.

Особой заботой Н.П. Федоренко было содействие развитию экономико-математических исследований по всей стране. Мероприятия совета (в основном это были семинары, школы-семинары, конференции, а также научно-координационные совещания) проводились на Украине, в Армении, Эстонии, Узбекистане, Таджикистане и других республиках. Неудивительно, что в так называемом ближнем зарубежье не только знают труды Н.П. Федоренко, но и хорошо помнят его самого, его зажигательные речи и добрую, лукавую улыбку.

Работы Федоренко широко известны и в дальнем зарубежье. Его монографии и статьи переведены на многие языки. С идеями Н.П. Федоренко знакома научная общественность Франции, США, Финляндии, Канады, Мексики, Кубы, Польши, Венгрии, Германии, Югославии, Японии. Н.П. Федоренко — участник крупных международных научных конференций, в том числе мировых конгрессов Международного эконометрического общества (МЭО) и Международной экономической ассоциации, международных конгрессов и конференций по межотраслевому балансу, по производительности и другим вопросам. Н.П. Федоренко избран почетным членом МЭО, ему присуждена степень доктора *honoris causa* Женевским университетом и Высшей школой планирования и статистики в Варшаве.

Большая роль принадлежит Н.П. Федоренко в подготовке научных кадров. Ставка на молодежь, горячее желание работать с нею всегда отличали его научно-административную деятельность. Им подготовлено более ста кандидатов наук, десять докторов наук. Некоторые из сегодняшних лидеров отечественной экономической науки считают себя его учениками. «Птенцы гнезда ЦЭМИ» успешно работают сегодня на самых высоких должностях и пользуются заслуженным авторитетом не только в России.

Заслуги Н.П. Федоренко отмечены государственными наградами: орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, многими медалями. Он награжден орденом «За заслуги перед Отечеством».

Это награды официальные. А Николай Прокофьевич давно уже имеет еще одну награду, которая, на наш взгляд, не менее, а может быть, и более ценна. Речь идет о его популярности в истинном и буквальном значении этого слова. Думается, что это признание он получил за особое отношение к людям.

Николай Прокофьевич пишет в своих пока еще не опубликованных воспоминаниях: «Необязательно любить всех людей как самого себя, но выискивать в них положительные черты, прощать малые недостатки и невинные слабости, поддерживать в трудную минуту, поощрять полезную для общества деятельность, быть деликатным и тактичным — это правила не только для руководителя, но и для любого, кто работает в коллективе. Еще в раннем детстве я усвоил золотое правило “Будь сам чело-

веком, и вокруг тебя будут люди”. Несмотря на то, что изредка это правило подводило меня (бывают исключения!), я его придерживался, придерживаюсь и буду придерживаться всегда. В конце концов, пример ЦЭМИ эту мою правоту доказал. Наверное, следует признать, что я сам, конечно, далеко не ангел с крыльшками, иногда мне приходилось с некоторыми коллегами и подчиненными, среди которых были и весьма неординарные и талантливые ученые, обходиться довольно круто. Но делал я это всегда вынужденно, скрепя сердце, и только тогда, когда этого требовали интересы общего дела, в том числе интересы моего любимого детища — ЦЭМИ».

Думается, такие слова ученого объясняют многое. Однако следует отметить и еще одно человеческое качество Н.П. Федоренко — готовность прийти на помощь нуждающемуся или незаслуженно обиженному человеку. Николай Прокофьевич никогда не ждал и не ждет, когда кто-то обратится к нему с просьбой, а услышав о чьей-то нужде или беде, всегда спрашивает: «Чем я могу помочь?» Многие помнят, как он кого-то вывел из-под административного или идеологического «топора», кому-то «выбил квартиру», кого-то просто вовремя подержал добрым словом.

Кстати, до сих пор жива в коллективе ЦЭМИ история о том, как Николай Прокофьевич получил в подарок шерстяные носки, связанные институтской вахтершей, которой он помог в лечении тяжело больного сына. Если целы те носки, они достойны лежать на одной полочке с орденами и медалями академика.

Про Н.П. Федоренко говорят, что он жизнелюб, и он с этим согласен. Нередки были в его судьбе трудные дни и критические часы, но он никогда не опускал рук. Как он сам говорит: «Любить жизнь — это значит непрерывно учиться, трудиться и не унывать, а возненавидеть ее можно только вследствие апатии и лени. Я не ждал от жизни подарков, и сам делал ее. Думаю, кое-что получилось, и мне есть что вспомнить».

Уважение и любовь окружающих снискала Н.П. Федоренко та особая простота, которой отличаются выдающиеся личности: простота мудрости, справедливости и демократичности.

Николай Прокофьевич сегодня уже не так часто бывает в созданном им институте, но как только он появляется в кабинете-

те, на двери которого прикреплена табличка «Почетный директор ЦЭМИ», его окружают ученики и коллеги. Кого-то привело дело, а кто-то просто зашел, чтобы еще раз выразить свою симпатию и уважение, пожелать доброго здоровья. В эти дни дверь кабинета не успевает закрываться, деловой шум и добрый смех за нею — как в прежние годы.

Слова известного французского писателя-моралиста Жана Лабрюйера как будто сказаны про Н.П. Федоренко: «Ложное величие неприступно. Так как оно чувствует себя слабым, то прячется или по крайней мере не показывает себя с лица: оно показывает себя лишь настолько, сколько нужно для того, чтобы произвести впечатление и не обнаружить своего истинного ничтожества. Истинное величие свободно, кротно, доступно и популярно»³.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА Н.П. ФЕДОРЕНКО

1. Экономика промышленности синтетических материалов. М., 1961, 1967.
2. О разработке системы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1968.
3. Проблемы оптимального функционирования социалистической экономики / Под ред. *Н.П. Федоренко*. М., 1972.
4. Комплексное народно-хозяйственное планирование / Под ред. *Н.П. Федоренко*. М., 1974.
5. Система моделей оптимального планирования / Под ред. *Н.П. Федоренко*. М.: Наука, 1975.
6. Математика и кибернетика в экономике: Словарь-справочник / Под ред. *Н.П. Федоренко*. М.: Экономика, 1975.
7. Оптимизация экономики. М.: Наука, 1977. (Удостоена премии им Г.М. Кржижановского.)
8. Некоторые вопросы теории и практики планирования и управления. М.: Наука, 1979. (Удостоена премии им. В.С. Немчинова в 1981 году.)

9. Вопросы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1980. (Удостоена премии им. В.С. Немчинова в 1981 году.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При подготовке очерка были использованы следующие материалы: *Федоренко Н.П.* Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М., 1975; *Летенко А.В.* Академик Николай Прокофьевич Федоренко // Экономическая наука в современной России. 1998. № 1. С. 123—132.

² *Черненко К.У.* Народ и партия едины // *Черненко К.У.* Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1984. С. 348—349.

³ *Лабрюйер Ж.* Характеры и нравы этого века. СПб., 1890. С. 74.

А.В. Летенко, кандидат экономических наук;

Р.М. Качалов, доктор экономических наук

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АКАДЕМИКА

Академик А.А. Никонов

Вся жизнь академика Александра Александровича Никонова (19.08.1918—05.10.1995) — видного ученого-экономиста, аграрника, крупного организатора сельскохозяйственной науки, была отдана служению России и российскому крестьянству, которое он считал стеновым сословием государства, а сельское хозяйство — стратегической отраслью экономики страны. Выходец из крестьянской семьи, получивший фундаментальное сельскохозяйственное и гуманитарное образование, большой опыт политической и государственной работы, он все свои знания и духовные силы отдавал этому служению, видя в нем

одно из главных, если не главное, призвание русского интеллигента. Начало научного рассмотрения крестьянского вопроса и разработки мер по улучшению крестьянского дела он относил к первым десятилетиям XVIII века. Анализу этой трехсотлетней традиции он посвятил свою последнюю монографию «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.)»; в рамках этой традиции написаны и другие его работы.

А.А. Никонов родился 19 августа 1918 года в деревне Зайково Вышгородской волости Островского уезда Псковской губернии (в местности на границе с Латвией).

Быт и духовная атмосфера крестьянской семьи сформировали основы его характера, определили в конечном счете жизненный выбор и профессиональные занятия. В автобиографии в

1994 году (за год до трагической кончины) А.А. Никонов писал: «Хозяйство деда и родителей по социальным меркам было средненьким. Батраков не нанимали и сами не батрачили. Хотя работали от зари до зари, все давалось большим трудом. Иногда арендовали на год несколько гектаров для посева льна — основной товарной культуры. Деревня представляла собою типичную крестьянскую общину с регулярным переделом земельных участков, по мере изменения состава семей, считая лиц обоего пола. В 1925 году была проведена земельная реформа по принципам П.А. Столыпина, община упразднена, все семьи вышли на хутора. Я жил на хуторе 15 лет. После раздела дедовского хозяйства у моих родителей было 12,5 га земли, включая пашню, луга, пастбища, лес. Угодья впоследствии были мелиорированы, посеяны травосмеси, созданы культурные луга и пастбища. Посажен сад. Хозяйство состояло в мелиоративном и кредитном товариществе, а также в кооперативе по использованию техники. (Моя деревня с ее хуторами в 70-е годы, как неперспективная, умерла, разделив судьбу 130 тыс. населенных пунктов России.)

С семилетнего возраста пас скот, с 12 лет участвовал во всех полевых и других работах (косил, пахал, заготавливал дрова и др.). Зимой учился. Каждый год на месяц опаздывал к занятиям из-за сельских работ. Это приходилось наверстывать. Окончил вначале четырехклассную школу в соседней деревне, затем шестиклассную и гуманитарную гимназию в городе Абрене (современное Пыталово). Эта была хорошая гимназия с высококвалифицированным преподавательским персоналом, многие из них имели степень магистра наук. Факультативно освоил стенографию, бухгалтерию, машинопись и основы кооперации (занятия проводились для желающих по вечерам)»¹.

Крестьянские университеты дополнялись, таким образом, классическим образованием. В 1939 году А.А. Никонов стал студентом ветеринарно-медицинского факультета Латвийского университета. Характеризуя короткие университетские годы, прерванные войной, он писал: «Мы были воспитаны на русской классической литературе и культуре, уважительно относились к культуре и образу жизни латышского народа. Ежегодно проводились “Дни русской культуры”, обычно совпадавшие с днем рождения А.С. Пушкина. Власти не чинили никаких препятствий культурной деятельности русских общественных организаций. В Латвий-

ском университете были студенческие корпорации “Рутения” и “Фратернитас арктика” (“Северное общество”), а также землячество ОРСЛУ (Общество русских студентов Латвийского университета). Землячество было более демократической и открытой организацией, чем корпорации, и мы с корпорантами не очень дружили. В этом обществе спектр политических взглядов был очень широким: от коммунистов, социалистов до либералов и монархистов при преобладании леводемократических элементов. Нас всех объединяла любовь к своей большой этнической Родине. Она укреплялась по мере обострения международной обстановки и возрастания опасности фашистского нападения на Россию. Особенно же усилилась после создания оси Берлин — Рим, а затем и треугольника Берлин — Рим — Токио. Нам импонировали идеи евразийцев. Мы знали и содержание речей Адольфа Гитлера на нюрнбергских собраниях нацистов, слышали их по радио, читали “Mein Kampf”, представляли себе угрозу для России, а равно и маленькой Латвии. Потому большинство из нас с первых дней войны оказались добровольцами в Красной Армии»².

«Расформированный батальон через Волховстрой, Вологду и Котельнич был направлен в город Нолинск Кировской области, а оттуда через некоторое время — в Гороховецкие лагеря Московского военного округа. В течение августа — октября, пройдя обучение в составе 201-й латышской дивизии, из лагерей мы были направлены под Москву, поначалу в 1-ю Ударную армию, затем в 33-ю армию. Участвовали в боях под Москвой. Прорыв фронта противника под Наро-Фоминском 20—23 декабря 1941 года был очень тяжелым, с огромными потерями. <...> За несколько дней боев под Наро-Фоминском <...> в батальоне (в котором А.А. Никонов был комиссаром. — А. П.), насчитывавшем 20 декабря 450 человек, к вечеру 23-го осталось в строю около 30. <...> За эти дни я получил ранение в руку, контузию и наконец тяжелое ранение с прострелом навывлет правого легкого. После этого потребовалось госпитальное лечение в течение 11 месяцев в Апрелевке, Москве, Архангельском, Владимире и Кирове. Затем — полугодовая служба в запасном латышском полку 30-й Ивановской учебной бригады в тех же Гороховецких лагерях, после чего — шестимесячные курсы переподготовки политсостава МВО в Алешинских казармах»³.

«В декабре 1943 года, — продолжал А.А. Никонов в автобиографии, — я был вызван в Главпул Министерства обороны, и в связи с ограниченной годностью к строевой службе мне было предложено готовиться к работе на территории Латвии. Я был откомандирован в партизанский штаб. В силу неизвестных мне причин немедленная переправка через линию фронта была отложена и я был в оперативной группе при политуправлении 2-го Прибалтийского фронта. Несколько месяцев занимался работой среди войск противника в зоне латышского легиона “СС” в составе двух стрелковых дивизий, базируясь при политотделе 10-й гвардейской армии.

В начале 1944 года был утвержден первым секретарем Абренского укома КПЛ и с началом освобождения территории уезда от войск противника в июле 1944 года приступил к исполнению этих обязанностей. В мае 1945 года утверждался первым секретарем Даугавпилсского укома КП Латвии, где работал в течение полутора лет»⁴.

За бои под Москвой А.А. Никонов был награжден орденом Красного Знамени, который он получил в госпитале из рук секретаря Московского горкома партии Щербакова. Именно этот орден он считал самым ценным и почетным из своих правительственных и общественных наград.

Война стала важнейшим событием в судьбе А.А. Никонова, как и в судьбах миллионов и миллионов советских людей. На протяжении всей жизни он поддерживал связи с однополчанами, неоднократно обращался к военной теме в своем творчестве: Великой Отечественной войне посвящена специальная глава монографии «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.)», где охарактеризована роль крестьянства и сельскохозяйственной науки в войне, проанализированы уроки войны и причины нашей великой Победы.

В ноябре 1946 года А.А. Никонов избирается секретарем ЦК Компартии Латвии по сельскому хозяйству. С января 1951 по март 1961 года работает министром сельского хозяйства Латвии, при этом продолжая оборванную войной учебу. В 1952 году он окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, в 1959 году — агрономический факультет Латвийской сельскохозяйственной академии.

Как вспоминал А.А. Никонов, послевоенные годы в Латвии были трудным временем, как и по всей стране. Трудности послевоенного восстановления осложнялись проведением коллективизации сельского хозяйства, гражданскими распрями. Колхозное строительство, начавшееся весной 1947 года, приняло в марте 1949 крайние формы после высылки за Урал, в Восточную Сибирь и Казахстан членов семей «кулаков».

«Нужна ли была столь жестокая и бесчеловечная акция? — писал А.А. Никонов. — Не только не оправдана она по морально-этическим и юридическим соображениям, но и по чисто хозяйственной целесообразности. Вывезены были зажиточные, опытные, культурные, образованные крестьяне, поставщики товарной продукции. <...> Политической опасности для существовавшего тогда общественного строя эти люди также не представляли. Их нельзя связывать с вооруженным движением “лесных братьев”, которых тогда называли бандитами, а сейчас в республиках Балтии — борцами за свободу против сталинизма»⁵.

А.А. Никонов, находясь на ответственных партийных и хозяйственных постах, занимал позицию смягчения генеральной линии центрального руководства, необходимости учета конкретных условий республики: природных, исторических, демографических, экономических, культурных. «На деле же все подстригалось на один манер, выработанный в московских кабинетах. Это всегда раздражало, обижало и оскорбляло работающих и живущих в отличных от московских условиях»⁶.

А.А. Никонов пишет: «После многократных личных просьб был освобожден ото всех руководящих государственных и партийных постов (министра, члена ЦК КПЛ и его бюро, члена Президиума Совмина республики). Основная причина — резко ухудшившееся состояние здоровья, более глубокая — травля со стороны А. Пельше, тогдашнего первого секретаря ЦК КПЛ, за мое несогласие по многим вопросам аграрной и других направлений проводившейся политики. В 50-е годы у меня произошла существенная эволюция взглядов от революционного романтизма с непоколебимой верой во все, что говорилось и писалось, в сторону критического осмысления действительности. Этому способствовал начатый мною обстоятельный анализ происходившего в деревне не по сводкам, а на основе системного социально-экономического изучения. Кроме того, все более кричащим был

разрыв между словом и делом. Беспардонная некомпетентность и тотальный диктат были нетерпимыми. Свои взгляды и позицию я не скрывал, выражал их письменно и устно, пытаюсь реализовать на практике. Это создавало конфронтационную обстановку. <...> Некоторое время, до февраля 1963 года, работал старшим научным сотрудником отдела экономики Латвийского НИИ земледелия (где в 1962 году защитил кандидатскую диссертацию на тему “Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР”. — А. П.). Но травля продолжалась, я был изолирован от актива, набор моей книги был рассыпан.

В ответ на мое обращение в руководящие органы СССР предоставить работу по специальности за пределами Латвии я был назначен директором Ставропольского НИИ сельского хозяйства, где бессменно оставался до ноября 1978 года, то есть почти 16 лет»⁷.

Работа на Ставрополье стала одним из самых плодотворных периодов в жизни А.А. Никонова. «Приняв в 1963 году расположенный в трех строениях на пустыре институт, в котором работали менее 30 сотрудников и практически отсутствовала опытная и производственная база, Александр Александрович всего за 10 лет сумел превратить эту территорию в цветущий оазис, а учреждение — в мощный научный центр. К концу 70-х годов во вновь отстроенных корпусах института и его сети работали свыше 550 человек, в т. ч. около 90 кандидатов и докторов наук. Было приобретено современное лабораторное оборудование, сформирована великолепная научная библиотека, работала аспирантура, был выстроен благоустроенный поселок с производственной и социальной инфраструктурой, расцвели заложённые на 20 гектарах дендрарий и великолепный парк»⁸. Основным направлением деятельности института стала разработка региона, отраслевых систем земледелия, кормопроизводства, садоводства. В 1973 году за работу «Экономические основы системы сельского хозяйства (на примере Ставропольского края)» А.А. Никонову присуждена ученая степень доктора экономических наук.

Руководителями края — Ф.Д. Кулаковым, Л.Н. Ефремовым, М.С. Горбачевым — предложения института последовательно поддерживались. О работе НИИ Александр Александрович пишет: «Один раз в год в институте проводились выездные заседания президиума краевого исполкома и бюро крайкома партии

с участием всех руководителей районов, и мы отчитывались за свою работу фактически перед всем краем. Это помогало освоению наших разработок. Реализация обоснованных нами принципов позволила стабилизировать хозяйство Ставрополья, существенно поднять его продуктивность, смягчить удары стихии в виде жестоких засух и суховеев»⁹.

Работа по экономическим проблемам разработки систем ведения сельского хозяйства, успехи Ставропольского НИИСХ выдвинули А.А. Никонова в число ведущих экономистов-аграрников страны. В 1975 году его избирают членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, в 1978 году — академиком ВАСХНИЛ и академиком-секретарем Отделения экономики ВАСХНИЛ. В 1982 году он становится первым вице-президентом академии, в 1984 — президентом ВАСХНИЛ и действительным членом (академиком) АН СССР. Работа А.А. Никонова получила признание за рубежом. Он был избран членом Академии сельскохозяйственных наук ГДР (1985), почетным членом академий наук Венгрии (1988) и Латвии (1991), членом ряда научных организаций.

Большую исследовательскую и административную работу А.А. Никонов сочетал с преподаванием, читая лекции в Ставропольском сельскохозяйственном институте, а после перевода в Москву в 1978 году в течение почти девяти лет возглавлял кафедру планирования сельского хозяйства Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Первым крупным проектом, над которым А.А. Никонов работал в Москве, была подготовка Продовольственной программы СССР на 1982—1990 гг.; он руководил экспертной группой ученых, работавших над концепцией и механизмами реализации Программы.

Среди других начинаний и аграрно-политических решений 80-х годов, к которым самым непосредственным образом был причастен А.А. Никонов, следует отметить следующие:

1. *«Меры по повышению производительности труда в сельском хозяйстве на основе внедрения рациональных форм его организации и хозрасчета»* в середине 80-х годов дали толчок широкому подрядному движению и развитию аренды, подготовили почву для возрождения крестьянских хозяйств и реформирования колхозов и совхозов. Вечную проблему колхозно-совхозной формы организации аграрного производства — стимулирование обобщественного труда А.А. Ни-

конов предлагал решать путем изменения «структуры современного колхоза и совхоза. Она должна строиться на принципе кооперации самостоятельных хозрасчетных трудовых коллективов, за которыми на долгие годы... будет закреплена земля»¹⁰.

2. *Реабилитация А.В. Чаянова и его сподвижников в июле 1987 года.* Она не только восстановила историческую преемственность в развитии аграрно-экономической науки и сделала широко доступными труды русской организационно-производственной школы, но и в конечном счете привела к пересмотру многих постулатов марксистско-ленинской аграрной доктрины, начатому рядом советских экономистов-рыночников еще в 60-е годы, а также позволила по-новому взглянуть на историю советского сельского хозяйства и крестьянства.

С реабилитацией А.В. Чаянова закончилось идеологическое единообразие в советской аграрно-экономической науке; правилом стало многообразие точек зрения на аграрный вопрос, что позволило идеологически обосновать развитие многоукладной аграрной экономики.

3. *Принятие новой редакции «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» (февраль 1990 г., Первый съезд народных депутатов СССР).* Это первый правовой документ по денационализации земли, в котором устанавливалось право граждан на пожизненное наследуемое владение землей. Без преувеличения можно сказать, что им было положено начало земельной реформы в Союзе ССР. А.А. Никонов возглавлял рабочую группу, готовившую «Основы...».

Говоря о 80-х годах, следует подчеркнуть, что в то время аграрники-экономисты оказывали весьма заметное влияние на выработку аграрного курса: экономические и социальные проблемы села постепенно решались, а во второй половине 80-х годов сельское хозяйство довольно динамично развивалось.

В 1991 году начался новый этап российской истории. А.А. Никонов глубоко переживал распад Союза ССР. Как президент ВАСХНИЛ, пытался трансформировать академию в межгосударственный научный центр — Академию аграрных наук суверенных государств, возникших на постсоветском пространстве. Его инициатива, выдвинутая в ноябре 1991 года, была поддержана руководителями академий сельскохозяйственных наук России, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыр-

гызстана, Молдовы, Туркменистана, Узбекистана, Украины, но после беловежских соглашений о прекращении существования СССР осталась нереализованной. 30 января 1992 года на базе ВАСХНИЛ и Всероссийской академии сельхознаук Указом Президента РФ создается Российская академия сельскохозяйственных наук, а А.А. Никонов становится директором созданного им еще в 1990 году Аграрного института.

Перу А.А. Никонова принадлежит более 300 печатных трудов. Прежде чем охарактеризовать основные положения творческого наследия А.А. Никонова, обратим внимание на особенности тематики его работ.

Первая из них заключается в нацеленности автора на постановку и решение крупных, фундаментальных вопросов аграрной теории и практики, вопросов, относящихся к разделу «вечных», которыми занимались экономисты разных времен, стран и школ:

- соотношение мелкого и крупного производства в сельском хозяйстве (именно этой теме во многом посвящена кандидатская диссертация А.А. Никонова);
- системы ведения сельского хозяйства;
- организация сельскохозяйственных предприятий;
- роль аграрной экономики и крестьянства в обществе и аграрная политика;
- организация аграрной науки.

Вторая особенность никоновских работ — преобладание в них социально-экономической проблематики, что особенно характерно для его исследований 80—90-х годов. В одной из статей 1989 года А.А. Никонов писал: «Долгие годы мы страдали “техногизмом”, делая ставку в науке и аграрной политике на развитие материально-технической базы, кардинально не меняя производственные отношения...» — и призывал исправить этот недостаток исследований. Мы можем сказать, что большинство работ А.А. Никонова принадлежат к так называемому социально-политическому направлению русской аграрно-экономической мысли, сформировавшемуся еще во второй половине XIX века, представители которого считали, что для преодоления в России перманентного сельскохозяйственного кризиса необходимо изменить основы нашего земельного и аграрного строя, а не производить в сельском хозяйстве технологические и организационные улучшения, хотя и они являются актуальными.

Центральная методологическая идея А.А. Никонова — необходимость применения в процессе экономических исследований сельского хозяйства системного подхода, что вытекает, с одной стороны, из самой природы отрасли, являющейся сложной, вероятностной, динамичной производственной системой, а с другой — из того, что она испытывает влияние большого числа внешних факторов. «Сельское хозяйство как система, — пишет А.А. Никонов, — состоит из большого количества компонентов, находящихся в различных взаимоотношениях, часто противоречивых и антагонистических. Каждая отрасль и отдельное предприятие находятся в горизонтальных и вертикальных связях с другими отраслями и предприятиями. Если сельское хозяйство в целом принимать как систему, народное хозяйство можно назвать суперсистемой, или надсистемой, отдельные отрасли сельского хозяйства (растениеводство, животноводство) по отношению ко всему сельскому хозяйству — подсистемами, имеющими, в свою очередь, собственные подсистемы, которые можно в иерархическом порядке продолжать по вертикали вниз, а также и вверх. В сельском хозяйстве постоянно происходят процессы дифференциации и интеграции. Оно находится в состоянии последовательного динамичного развития».

Всю совокупность факторов, влияющих на развитие сельского хозяйства, А.А. Никонов разделил на 5 групп: 1) общественный строй страны, то есть господствующие производственные отношения; 2) потребности общества; 3) аграрная политика и методы руководства сельским хозяйством; 4) уровень научно-технического развития; 5) природные условия.

Основываясь на этом, если так можно выразиться, «пан-системном» подходе, коллектив Ставропольского НИИСХ под руководством А.А. Никонова (как уже отмечалось) разработал систему ведения сельского хозяйства Ставропольского края (1980 год), которая стала эталоном для аналогичных работ в других регионах, а в масштабе страны вылилась в подготовку Программы государственной программы СССР.

Второй по счету, но не по значимости методологический принцип А.А. Никонова — использование исторического анализа при рассмотрении любой крупной проблемы, которая попадала в поле его научных интересов. Например, при исследовании систем ведения сельского хозяйства он обращается к работам эконо-

номистов XIX века Тэера, Тюнена, Аэробоэ, Гольца, Людоговского, Скворцова, Ермолова и других. Анализируя проблему устойчивости, рассматривает труды Докучаева, Костычева, Советова, Измаильского, Стебута, Вавилова, Тулайкова, Дояренко.

Обращение к истории вопроса не было следствием любопытства или демонстрацией эрудиции автора. Проблема в историческом плане рассматривалась по существу, то есть преследовалась цель выяснить, как она трактовалась предшественниками при определенных исторических обстоятельствах, что помогало ее современному осмыслению.

Наиболее ярко исторический подход к изучению аграрной экономики воплощен в последней монографии А.А. Никонова, обобщившей 300-летнюю историю аграрной политики в России.

По нашему мнению, этой книгой А.А. Никонов открыл новое направление в российской аграрно-экономической науке — историческую аграрную экономику и продемонстрировал продуктивность трансформационного подхода к анализу сельскохозяйственных проблем.

Следующим методологическим принципом А.А. Никонова было обращение к мировому опыту решения того или иного вопроса. Он любил повторять слова великого Н.И. Вавилова, что ученый должен «стоять на шарике», то есть знать мировую литературу и применять эти знания в своей практике.

Творческим достижением А.А. Никонова в области методологии является, на наш взгляд, широкое использование социально-экономических экспериментов по совершенствованию производственных отношений и хозяйственного механизма в АПК. Подобного рода эксперименты проводились и ранее, но А.А. Никонов внес в эту практику существенные элементы новизны. Во-первых, если ранее в ходе экспериментов на отдельных предприятиях разрабатывались лишь элементы хозяйственного механизма, то под руководством А.А. Никонова проводились комплексные работы по совершенствованию всех его составляющих; в них вовлекались не отдельные предприятия, а целые сельскохозяйственные районы (экспериментальная работа по организации районных агропромышленных объединений в Прибалтийских республиках, Глазуновском районе Орловской области, Новомосковском районе Тульской области).

Во-вторых, эксперимент выступал не только формой апробации определенной научной концепции или идеи — главная его цель заключалась в получении новых знаний, в нахождении новых путей решения экономических проблем. В ходе эксперимента зарождались хозяйственные формы, которые не вписывались в существующую систему производственных отношений. *Эксперимент выступал, таким образом, локальной реформой аграрных отношений.* Так было, например, в Пыталовском районе Псковской области, где в недрах подряда зародилось фермерское движение и была организована первая в России районная ассоциация фермерских хозяйств. Аналогичные процессы развивались в ходе экспериментальных работ Аграрного института в Нижегородской области, где с благословения А.А. Никонова работал профессор В.Я. Узун.

Главной темой творчества А.А. Никонова, безусловно, была аграрная политика, ее история, стратегия и тактика, формы организации, критерии эффективности. По существу, в каждой работе ученого затрагивался тот или иной аграрно-политический аспект, так как А.А. Никонов был деятельной натурой и стремился увидеть осуществление своих научных концепций на практике.

В одной статье возможно остановиться лишь на основных (с точки зрения А.А. Никонова) принципах построения рациональной аграрной политики. К ним относятся:

- *системность*: раз сельское хозяйство — система, то воздействие на нее должно носить системный характер, затрагивать все аспекты сельскохозяйственной деятельности;
- *приоритет человека, крестьянина* при определении как целей политики, так и механизмов их реализации;
- *опора на науку* в ходе разработки стратегии и тактики политических решений, а также результатов их осуществления, что обеспечивает реалистичность политики.

Степень соответствия аграрной политики этим критериям обуславливает ее эффективность. Драма России, по мнению А.А. Никонова, состояла в том, что ни одна аграрная реформа (как частный случай политики) далеко им не соответствовала. Лишь в отдельные периоды нашей истории удавалось достигнуть адекватных аграрно-политических решений, и тогда в сельском хозяйстве наблюдался определенный прогресс.

Исходя из этих принципов, А.А. Никонов давал жесткие и отнюдь не положительные оценки аграрной реформе 90-х годов в России, хотя видел и обосновал ее необходимость. На Международной конференции в Орле 3 июля 1993 года он говорил: «Что же представляла собой наша аграрная сфера (до реформы 90-х гг. — А. П.)? Агропромышленное производство было крайне затратным, экстенсивным, дефицитным, со все возрастающим импортом продовольствия и огромными потерями собственной продукции. Оно нуждалось в глубоком реформировании. Наше село всегда было внутренней колонией и донором людских и материальных ресурсов для других сфер производства. Хотя вопросы сельского хозяйства всегда были в центре внимания всяких инструкций, принималась масса крупных и мелких решений, но в них было больше риторики. Наше сельское хозяйство долгие десятилетия “поднимали”, “развивали”, “модернизировали”, коллективизировали, “индустриализировали”, специализировали, концентрировали, ему “помогали”, над ним “шефствовали”, его опекали... А надо было просто не мешать крестьянину».

В 1989 году А.А. Никонов так формулировал основное содержание предстоящих преобразований: «Суть современной аграрной политики состоит в возвращении на землю крестьянина в классическом значении этого слова, который сочетал бы в себе качества инициативного работника и ответственного хозяина, в установлении прямой зависимости его материального положения от результатов собственного труда... в повсеместной замене бюрократических, командных методов управления методами экономического регулирования при полном использовании возможностей кооперации, хозрасчета и рынка»¹¹.

В докладе 1987 года А.А. Никонов писал: «Сущность современной аграрной реформы состоит в создании нового аграрного строя на основе приватизации земли и других средств производства с формированием широкого слоя самостоятельных крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов, реорганизации колхозов и совхозов с заменой директивного планирования экономическим регулированием и переходом на рыночные отношения. Мы не мыслим устранения государственного регулирования, но характер его принципиально меняется в сторону ухода от командования к созданию для предприятий благоприятных экономических, научно-технических и социальных условий»¹².

Однако уже первые два-три года реформы показали, что ее цели не реализуются. И одним из первых об этом стал писать в своих работах А.А. Никонов. Он назвал происходящее в 90-е годы в России не реформой, а *смутой* — системным кризисом, проанализировал основные его проявления, наметил пути преодоления.

Именно в его работах отмечены главные недостатки аграрного реформирования, о которых затем стали писать и другие экономисты. Речь идет о неэффективности государственного регулирования АПК, ценовом диспаритете, нерешенности финансово-кредитных, налоговых и бюджетных вопросов, неразвитости рыночной инфраструктуры (и прежде всего — вертикальной сельскохозяйственной кооперации), ослаблении внимания к социальным проблемам деревни, формальной реорганизации колхозов и совхозов и т. д.

Еще одной крупной темой творчества А.А. Никонова было науковедение. Он много размышлял о роли аграрной науки в обществе, занимался ее теорией, организацией и управлением научными коллективами и другими науковедческими проблемами.

Особенно важны выводы, к которым пришел А.А. Никонов, обобщая историю аграрных исследований в России:

«1. Не допускать ни в какой форме монополизма какого-то одного направления.

2. Чутко прислушиваться к жизни, своевременно замечать ростки нового, пусть слабые, одинокие, но назревшие, с богатыми задатками.

3. Активнейшим образом использовать мировой опыт.

4. Ценить и беречь людей науки, заботливо их воспитывать, рационально использовать их труд, вовремя... поощрять»¹³.

Формой развития науки и одновременно свидетельством ее благополучия он считал наличие лидеров и научных школ. «Формирование научных школ — дело не одного дня или года, их не откроешь приказом по ВАСХНИЛ, министерству или агропрому, — писал он в 1989 году, — они могут вырасти в условиях демократичного, открытого, высокообразованного и культурного общества, где плюрализм мнений, свобода дискуссий, взаимное обогащение знаниями, умение слушать друг друга являются нормой жизни. Именно в такой среде родились Тимирязев, Вавилов, Чайанов, Кондратьев. Командно-бюрократическое управле-

ние обществом и наукой исключает саму возможность существования такой среды, а следовательно, и научных школ. Демократизация общественных отношений и создание правового государства в корне изменяют ситуацию. И мы должны воспользоваться этим, возродить лучшие традиции отечественной науки, поддерживать все талантливое, формировать научные школы и направления»¹⁴.

Эти установки не всегда удается претворить в жизнь, что подтверждается и опытом работы А.А. Никонова на посту президента ВАСХНИЛ. Академия стремилась укрепить свой статус независимой научной организации, но тематика ее сессий и проблематика исследовательских программ определялась в значительной мере в ЦК КПСС; в научных организациях (вслед за производственными коллективами) демократизировалось управление, развивался хозрасчет, но одновременно вместо отделений академии в конце 80-х годов были созданы отраслевые научные комплексы, управляемые головными институтами, которые стремились занять монопольное положение в науке; приоритетным направлением работы ведущих институтов объявлялись фундаментальные исследования, но нередко их сотрудники «бросались на прорыв» — на выполнение заданий директивных органов.

А.А. Никонов глубоко переживал эту ситуацию и стремился ее исправить.

Определенным воплощением его представлений и идей об организации научной деятельности стало создание в 1990 году Аграрного института. Принципы, положенные в основу его структуры и организации, были в тех условиях новаторскими, не потеряли они своего значения и сегодня:

- ориентация на исследование теоретических (фундаментальных) проблем аграрных отношений;
- развитие новых методов экономических исследований (социально-экономический эксперимент, мониторинг);
- «минимум персонала» при привлечении к работе сотрудников разных поколений, сочетание опыта и молодости;
- гибкая организационная структура, при которой основной исследовательской единицей института является творческая рабочая группа, временный научный коллектив, создаваемый лидером для решения определенной исследовательской задачи;

- постоянное повышение компетентности, культуры и электровооруженности труда сотрудников;
- широкая кооперация с научными коллективами России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья;
- участие института в различных научных и научно-просветительных организациях.

Созданный А.А. Никоновым Аграрный институт работает и по сей день. В 1996 году он был объединен с Всероссийским НИИ кибернетики АПК и носит название Всероссийский институт аграрных проблем и информатики. В 2002 году институту было присвоено имя его основателя — академика А.А. Никонова.

А.А. Никонов и его институт

Институтом проделана определенная работа по сбережению научного наследия А.А. Никонова и увековечению памяти ученого.

Создан личный фонд академика А.А. Никонова в Государственном архиве экономики (бывший ЦГАНХ СССР) объемом свыше 4 тыс. единиц хранения. В ЦНСХБ и ТСХА в специальные фонды сданы книги личной библиотеки ученого.

Монография А.А. Никонова «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII—XX вв.)» разослана

во все ведущие исследовательские институты академии и все сельскохозяйственные вузы страны.

Проведено несколько семинаров и конференций, посвященных памяти А.А. Никонова, в том числе за рубежом (в 1996 году Американская ассоциация экономистов-аграрников провела специальное заседание, посвященное творчеству А.А. Никонова).

На могиле ученого на Новодевичьем кладбище установлен памятник работы скульптура В.М. Клыкова (за счет средств РАСХН и хозрасчетных ресурсов института). Мемориальные доски в честь А.А. Никонова открыты на учебных корпусах Ставропольского аграрного университета и Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.

Ежегодно проводятся Никоновские чтения, на которых обсуждаются актуальные аграрно-политические проблемы и намечаются планы исследовательских работ.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА А.А. НИКОНОВА

1. Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР: Дис. ... канд. экон. наук. М., 1961. Рукопись. Архив Всероссийского института аграрных проблем и информатики.

2. Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1962.

3. Производственные типы колхозов и совхозов Ставрополья. Ставрополь: Кн. изд-во, 1973.

4. Экономические основы системы сельского хозяйства. Ставрополь: Кн. изд-во, 1976 *.

5. Система ведения сельского хозяйства Ставропольского края: Сб. / Под ред. А.А. Никонова; Ставропольский НИИСХ. Ставрополь: Кн. изд-во, 1980. (А.А. Никоновым написано шесть глав) *.

6. Продовольственная программа СССР, ее задачи и пути реализации // Экономические науки. 1982. № 10.

7. Основные направления развития сельскохозяйственной науки в СССР // Достижения сельскохозяйственной науки. М., 1987 *.

* Звездочкой обозначены работы, отмеченные А.А. Никоновым в Curriculum vitae 12.07 1994 г. как наиболее существенные.

8. Развитие кооперации и решение продовольственной проблемы // Вопросы экономики. 1988. № 2.
9. Научное наследие А.В. Чаянова и современность // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 7.
10. Исторический путь ВАСХНИЛ и ее вклад в аграрную науку. М.: Энциклопедия российских деревень, 1993*.
11. Социально-экономические проблемы второго этапа аграрной реформы в Российской Федерации // Аграрная наука. 1994. № 1*.
12. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII — XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никонов А.А. Автобиография // Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50—80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве. М., 2000. С. 213—214.

² Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995. С. 245—247.

³ Никонов А.А. Автобиография. С. 214.

⁴ Там же.

⁵ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы... С. 285.

⁶ Там же. С. 287.

⁷ Там же. С. 216 —217.

⁸ Абалдов А.Н. А.А. Никонов — выдающийся организатор аграрной науки Ставрополя // Человек. Ученый. Патриот. Михайловск, 2003. С. 14—15.

⁹ Никонов А.А. Автобиография. С. 217.

¹⁰ Никонов А.А. Улучшить качество продовольственного снабжения // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 8. С. 4.

¹¹ Никонов А.А. // Вестник сельскохозяйственной науки. 1989. № 5. С. 19.

¹² Никонова А.А. Переходный период в сельском хозяйстве России и других государств бывшего Союза ССР: [Рукопись]. Подготовлена для выступления на ежегодной конференции экономистов-аграрников США в Балтиморе 10 августа 1992 г. Архив Всероссийского института аграрных проблем и информатики.

¹³ Никонов А. Наука на путях перестройки // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 2. С. 15.

¹⁴ Там же.

А.В. Петриков,
ученик А.А. Никонова, академик РАСХН,
директор Всероссийского института
аграрных проблем и информатики

ВИКТОР НИКИТИЧ ЧЕРКОВЕЦ. НА ФРОНТАХ ВОЕННЫХ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ

І. Слово товарищей, КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ — к 80-летию ученого ¹

Профессор В. Н. Черковец

Виктор Никитич Черковец родился 26 марта 1924 года на Черниговщине в семье служащих. В 1941 году он окончил с отличием среднюю школу в городе Бельцы (Молдавия). В эвакуации поступает учиться на историко-филологический факультет Казанского университета, где слушает лекции эвакуированных из Москвы профессоров — корифеев исторической науки.

В самом начале лета 1942 года Виктора Никитича призывают в Красную Армию и направляют в Астраханскую военно-авиационную школу механиков. В качестве механика штурмового авиационного полка он — участник Великой Отечественной войны на трех фронтах, боевых действий на Курской дуге, за освобождение Украины, Белоруссии, Варшавы, за взятие Берлина.

После демобилизации из Советской Армии в 1950 году Виктор Никитич поступает на второй курс экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С МГУ будет связана вся его жизнь. Окончив с отличием факультет в 1954 году, затем аспирантуру на кафедре политической экономии (научный руководитель — член-корреспондент АН СССР А.И. Пашков), он в 1957 году остается на кафедре препода-

давателем, в 1959 году защищает кандидатскую диссертацию. Пройдя путь от ассистента до профессора (с 1967 года) и декана экономического факультета МГУ (1980—1987 гг.), в настоящее время работает главным научным сотрудником кафедры политической экономии.

Уже со студенческих лет Виктор Никитич проявил яркий талант исследователя, всегда смело берясь за работу над самыми острыми и дискуссионными методологическими и теоретическими вопросами политической экономии. В своей дипломной работе он анализирует характер экономических законов, а свою кандидатскую диссертацию посвятил предмету политической экономии, споры вокруг которого продолжаются до сих пор. Интерес молодого ученого к фундаментальным проблемам политической экономии удачно совпал с периодом ее обновления в конце 50-х годов, которое коснулось прежде всего политической экономии социализма. Особенно бурно и плодотворно этот процесс шел на экономическом факультете МГУ после 1957 года, когда новым заведующим кафедрой стал выдающийся политэконом Н.А. Цаголов, с которым Виктор Никитич был связан тесным сотрудничеством до самой кончины Николая Александровича в 1985 году.

Под руководством профессора Н.А. Цагорова на кафедре политэкономии сложился сильный коллектив талантливых ученых, взявшихся за решение очень сложных задач углубления политической экономии капитализма и обновления всего облика политической экономии социализма. В этом созвездии талантов Виктор Никитич заслуженно и общепризнанно был в первом ряду: им лично и в соавторстве были написаны работы, посвященные методологическим проблемам разработки принципов анализа категорий и законов политической экономии, исследования основополагающих отношений экономической системы социализма. Интенсивный научный поиск в этой области завершился выходом в свет знаменитого «Курса политической экономии» в двух томах под редакцией Н.А. Цагорова (первое издание было осуществлено в 1963 году), в создании которого Виктор Никитич участвовал не только как автор, но и как научный редактор значительной его части. В содержательных научных дискуссиях, связанных с созданием этого учебника, рождались и апробировались идеи, которые были положены в основу доктор-

ской диссертации В.Н. Черковца на тему «Категория планомерности и вопросы системы политической экономии социализма», защищенной им в 1965 году.

Одновременно с работой над «Курсом политической экономии» им велись активные исследования, результаты которых нашли отражение в вышедших в свет двух важнейших монографиях В.Н. Черковца — «О методологических принципах политической экономии как научной системы» (1965 г.) и «Планомерность социалистического производства» (1965 г.). Идеи этих книг и докторской диссертации были реализованы и развивались затем в двух последующих изданиях «Курса политической экономии» (1970 и 1973—1974 гг.), в ряде других монографий и в многочисленных статьях.

Виктор Никитич Черковец читал лекции и вел семинары практически по всем разделам политической экономии, отдавая предпочтение спецсеминарам по «Капиталу» К. Маркса, тонким и большим знатоком и ценителем которого он остается до сих пор, и по политической экономии социализма. В.Н. Черковец много сил отдавал работе со студентами, аспирантами, докторантами.

В 1972—1981 годах и (как совместитель) с 1981 по 1984 год, не оставляя работы в качестве профессора экономического факультета МГУ, он работает в Институте экономики АН СССР заместителем директора по научной работе, одновременно возглавляет в нем отдел общих проблем политической экономии социализма и сектор системы экономических категорий и законов социализма. Виктору Никитичу удалось организовать слаженную работу очень сильного коллектива научных сотрудников и лично работать в контакте с такими известными учеными, как академик Т.С. Хачатуров, члены-корреспонденты АН СССР А.И. Пашков, Л.М. Гатовский, Г.М. Сорокин, А.И. Ноткин, Е.И. Капустин, доктора наук Я.А. Кронрод, В.Г. Венжер, С.А. Хейнман. С его активным участием и под его руководством было написано несколько интересных работ, среди которых следует выделить фундаментальный трехтомный труд «Экономический строй социализма» (1984), в создании которого он принимал участие не только в качестве одного из авторов, но и как член редколлегии всего издания и ответственный редактор первого тома.

В. Н. Черковец был на протяжении многих лет видным организатором и руководителем экономической науки и высшего экономического образования в СССР. С 1961 по 1971 год он работал заместителем заведующего кафедрой политической экономики и заместителем декана экономического факультета МГУ по научной работе, с 1972 по 1981 год — в АН СССР. В конце 1980 года он был избран деканом экономического факультета МГУ, работал на этом посту и одновременно профессором кафедры политической экономики до 1987 года. С 1987 по 1998 год он — заведующий лабораторией совершенствования производственных отношений (впоследствии — проблем собственности) экономического факультета.

На протяжении десятилетий В. Н. Черковец входит в состав редколлегии таких известных экономических журналов, как «Вестник Московского университета. Серия экономики» (заместитель главного редактора и главный редактор), «Вопросы экономики». В этих и других авторитетных журналах («Экономист», бывший журнал «Плановое хозяйство»; «Известия Академии наук СССР», «Общественные науки», «Российский экономический журнал», бывший журнал «Экономические науки», и другие) им было опубликовано много статей по актуальным проблемам экономики и политической экономики. Он долгие годы был и остается председателем и/или членом ученых советов экономического факультета МГУ, Института экономики АН СССР, ряда докторских и кандидатских диссертационных советов, научных советов АН СССР. В разное время Виктор Никитич Черковец был председателем экспертной комиссии ВАК по политической экономике, членом Пленума ВАК, членом экономической секции Комитета по присуждению Ленинской и Государственной премий СССР.

Под руководством Виктора Никитича подготовлено большое число дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций. Среди его учеников не только российские граждане, но и представители многих зарубежных стран. Его воспитанники работали и работают в разных вузах и учреждениях нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья преподавателями, заведующими кафедрами, научными сотрудниками, министрами.

Им опубликовано свыше 300 научных работ общим объемом более 400 печатных листов только авторского текста. По его

инициативе, под его руководством, им самим и в соавторстве изданы десятки монографических исследований, многие из которых до сих пор сохраняют свою методологическую и теоретическую ценность. Кроме уже упомянутых работ, стоит назвать еще некоторые монографии: «Два подразделения общественного производства» (1971), «Экономика развитого социалистического общества» (1977), «Проблемы развитого социализма в политической экономии» (1977), «Метод политической экономии социализма» (1980), «Социализм как экономическая система» (1982), «Отношения производства и воспроизводства» (1982 г.), «Единый народно-хозяйственный комплекс» (1984), «Всемирная история экономической мысли» в шести томах (1987—1997), «Собственность и реформы» (1995 г.), «Собственность в экономической системе России» (1998 г.), «“Капитал” и экономикс» (1998), «Воспроизводство и экономический рост» (2001 г.), «Государственная собственность в экономике России и других стран» (2002), «Проблемы и противоречия воспроизводства» (2004).

Виктор Никитич всегда очень активно использовал такую форму научной работы, как участие в конференциях и дискуссиях не только на экономическом факультете МГУ, но и в других вузах страны и бывших социалистических стран, в Институте экономики АН СССР, в академиях наук бывших союзных республик. Его выступления всегда привлекали большое внимание слушателей благодаря методологическому мастерству и ярко выраженному стремлению к выявлению истины.

В.Н. Черковец руководит созданным им в 1965 году таким специфическим научным образованием, как проблемная группа кафедры политической экономии, которая сейчас называется «Воспроизводство и экономический рост». В рамках этой проблемной группы было создано немало интересных научных работ, в написании которых принимали и принимают участие многие известные экономисты и практики не только экономического факультета МГУ, но и других вузов и организаций страны и ближнего зарубежья. Тем самым проблемная группа не только решает сугубо научные задачи, но и является формой поддержания научных отношений многих выпускников экономического факультета МГУ с альма-матер.

Виктора Никитича всегда отличала самая высокая требовательность как к собственным научным работам, так и к ра-

ботам коллег и учеников. Талант методолога, теоретика, преподавателя признается всеми, кому приходилось сталкиваться с В.Н. Черковцом в научной, публицистической и преподавательской деятельности, в том числе и теми, кто не разделял не только его методологических и теоретических, но и политических взглядов. Он остается сторонником социальной справедливости, самым последовательным выражением которой в экономической теории, по убеждению ученого, является марксистская политическая экономия. И сегодня, как и всегда, он отстаивает неизбежность и необходимость активного участия государства в процессе обобществления как социалистического, так и капиталистического производства, резко негативно оценивая обвальную и хищническую приватизацию, проводившуюся в 90-е годы без оглядки на социальную цену этого процесса.

В.Н. Черковец награжден орденами и медалями СССР, Российской Федерации и города Москвы, отмечен премией Минвуза СССР «За лучшую научную работу». Доказательством общественного признания его научных заслуг могут служить и такие факты, как публикация статьи о нем в «Экономической энциклопедии. Политическая экономия» (Т. 4. С. 396), упоминание его имени в Большой Советской Энциклопедии (Т. 22. С. 381) и ряде других подобных изданий, многочисленные ссылки на его труды в научных публикациях, присвоение званий Заслуженный деятель науки РСФСР (1984), Почетный работник высшего и профессионального образования Российской Федерации (2001), а также Почетный сотрудник Института экономики РАН (2004).

Доктора экономических наук, профессора *А.П. Бабаев* (Баку),
Н.К. Водомеров (Вологда), *Г.М. Григорян* (Харьков),
Заслуженный деятель науки Российской Федерации *Э.П. Дунаев*,
Р.К. Иванова, *А.Ф. Кожухарь* (Кишинев), *В.М. Кульков*,
А.И. Минин (Самара), *П.А. Покрытан*, *В.Д. Руднев*, *И.И. Столяр*
ю.В. Тарануха, *Н.К. Фигуровская*, *К.А. Хубиев*;
кандидаты экономических наук, доценты *А.М. Белянова*,
В.А. Бирюков, *З.А. Грандберг*, *Р.П. Малахинова*

II. СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

В моей не героической, но и не легкой военной молодости Сталинградская область, где теперь издается интересная и уникальная серия «Война и мир в судьбах ученых-экономистов», по просьбе редколлегии которой я пишу этот очерк, заняла заметное место.

Лишь за несколько дней до начала Великой Отечественной войны я окончил среднюю школу в молдавском городе Бельцы, расположенном в 40 км от советско-румынской границы. Всего восемь месяцев прожила наша семья в Молдавии, образованной в 1940 году после включения Бессарабии в состав СССР. Туда мой отец Никита Григорьевич Черковец был направлен из города Шостка Сумской области (Украина) для работы в финансовых органах. Родился же я на Украине в Городне Черниговской области в марте 1924 года в семье финансового инспектора (бывшего райпродкомиссара) и учительницы начальных классов Надежды Петровны Щипановой — выпускницы женской гимназии Шацка (теперь это Рязанская область). Мой дед по отцу Григорий Иванович — выходец из крестьянской семьи украинских казаков Стародубского уезда (ныне — Брянская область), а дед по материнской линии Петр Петрович — из мастеровых, работал при паровой машине на предприятиях печально известного теперь Чернобыля Киевской губернии, а также на заводах тогдашних Костромской и Рязанской губерний. Моего отца постоянно переводили («переврасывали») из одного города в другой: Городня, Конотоп (здесь родилась моя сестра Валерия), Сосница, Кролевец (здесь мы с сестрой пошли в школу — украинскую, русской не было), Шостка с ее крупными военными заводами и известной фабрикой киноплёнки «Свема», с огромным Дворцом культуры в современном для той поры архитектурном стиле, с тогдашней новинкой — звуковым кино, с хорошими библиотеками и популярным в городе спортом, особенно футболом. Там я общился к конькам, велосипеду, шахматам, фотоделу. Шосткинский аэроклуб выпустил в небо трижды героя Советского Союза Ивана Кожедуба. Здесь мы учились уже в русской школе, и каждое лето отдыхали в Пироговских пионерских лагерях на Десне.

С началом войны наша семья, по разным обстоятельствам разрозненно, преодолевая немалые трудности, эвакуировалась в Сталинградскую область. Первым там оказался я, семнадцатилетний, с аттестатом об окончании с отличием бельцкой средней школы № 10. Ехал в Москву поступать в знаменитый тогда Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ), а попал с эшелоном эвакуированных в Лемешкинский район Сталинградской области, в село Козловка с богатым, помню, колхозом, в котором я проработал июль — август, а затем поступил без экзаменов на I-й курс историко-филологического факультета (историческое отделение) Казанского университета — самого прославленного на Волге.

Там мне посчастливилось слушать лекции эвакуированных из Москвы знаменитых ученых, звезд исторической науки — академиков Е.В. Тарле, Б.В. Грекова и других известных исследователей. Однако учились мы мало: студенты, среди которых было немало москвичей с громкими фамилиями, помогали татарским колхозникам Прикамья убирать хлеб, картофель, а в ноябре — декабре пришлось копать противотанковый ров западнее Волги, на территории Чувашии. Каждое утро, в рано пришедший в том году мороз, с темным рассветом длинная университетская колонна во главе с ректором доцентом Ситниковым, высокая шапка которого (да и сам он был немало роста) колыхалась впереди, как знамя, медленно двигалась из села, где мы жили в крестьянских избах. Там же на земляных работах встретили сообщение ТАСС о разгроме немцев под Москвой.

Вернувшись в Казань, из-за болезни я не смог окончить курс, и в июне 1942 года был призван в армию Мачешанским райвоенкоматом Сталинградской области, к которому был приписан в соответствии с местом тогдашнего пребывания моих родителей.

Связь со Сталинградом на этом, однако, не закончилась. Я был направлен в Астраханскую военно-авиационную школу механиков (АВАШМ), готовившую специалистов по самолетам ПЕ-2 (бомбардировщик) и ИЛ-2 (штурмовик). Тогда Астрахань относилась к Сталинградской области, а войсковые части и военные училища — к Северо-Кавказскому военному округу.

Вскоре произошли события, в водовороте которых оказался и я. Немцы были на подступах к Сталинграду, южнее его заняли

Элисту — столицу Калмыкии, двигаясь на восток в направлении Астрахани. На оборонительные рубежи в калмыцкие степи были брошены части 38-й армии сформированного в августе Юго-Восточного фронта, в его состав входил и сводный курсантский стрелковый (пехотный) полк астраханских военных училищ (командир — полковник Шапкин), в том числе и 1-й батальон нашей школы, курсантом которого я был.

Первого августа нас, курсантов и командиров, по боевой тревоге с полной выкладкой (винтовка, скатка, противогаз) построили на плацу, где начальник школы инженер-подполковник Сипачев зачитал полный трагического смысла приказ Сталина № 227, известный как «Ни шагу назад!»². Далее последовали команды «Направо!» и «Шагом марш!». Мы пошли прямо на переправу через Волгу возле 17-й пристани. А на том берегу нас сходу, в бешеном темпе марш-броска направили по грунтовой дороге на запад.

Шли непрерывно в течение второй половины дня и всю ночь с пятиминутными интервалами для отдыха каждый час. Примерно в 40 км западнее Астрахани в голой степи нам была намечена линия обороны, направленная к северу от шоссе на Элисту и от проходившей где-то поблизости только что отстроенной железной дороги Астрахань — Кизляр. (С этой дорогой память связывает один из многих курьезных и веселых эпизодов, дающий представление о курсантской «изобретательности»: обнаружив, что на путях стоит никем не охраняемая цистерна с дагестанским вином, ее продырявили выстрелом из винтовки и рационально использовали забившую фонтаном винную струю.) С начала августа и до 20 сентября, при изматывающей жаре, не имея возможности даже умыться, курсанты вырыли в твердокаменной степной земле окопы полного профиля для своих рот, взводов и отделений, связанные ходами сообщения. Землянок не строили, и поэтомы спали (благо, не было дождей) на дне окопа, постелив и укрывшись шинелью, подложив под голову сумку с противогазом (вот для чего он пригодился!) и обняв винтовку. Иногда утром в окопе обнаруживались свернувшиеся клубком почему-то мирные экзотические змеи. В общем, покрытые толстым слоем долго не смываемой земляной пыли, мы готовились защищать город, иногда наблюдая издали за налетами на него немецкой авиации. Нас поставили даже на фронтное довольствие, но у немцев, завязших в Сталинграде, уже не хва-

тало сил для наступления на астраханском направлении, и в конце сентября все курсанты были отозваны с оборонительного рубежа для продолжения учебы.

Под аккомпанемент бомбовых ударов с воздуха (во время одного из налетов большая бомба угодила прямо в курилку возле курсантской столовой и, разрушив стену, унесла жизни многих наших товарищей) военно-авиационная школа, погружившись на огромные баржи, эвакуировалась вниз по Волге до ее устья, а затем по Каспию до Гурьева, далее в товарных вагонах («теплушках») железной дорогой через Алма-Ату по Турксибу в далекий Восточный Казахстан — в город Усть-Каменогорск на Иртыше³.

Пятого ноября 1942 года нас, курсантов и командиров, с оркестром строем провели с вокзала через весь заснеженный город в старинную крепость «на высоком берегу Иртыша» и разместили в бывших казармах, в которых затем, говорили, располагались заключенные. Как оказалось, эти большие двухэтажные с толстыми каменными стенами казармы не имели ни отопительной, ни канализационной систем. Отапливались мы печками-«буржуйками», что создавало немало проблем в очень холодную сибирскую зиму с морозами свыше 50 градусов. Здесь же, в крепости, находились столовая (в бывшей церкви) и учебные мастерские по слесарному, столярному, медницкому делу. Занятия по изучению теории полета, теории двигателей и другие проходили в городе в одной из средних школ, здание которой было передано АВАШМ. С теорией и практикой эксплуатации самолетов нас знакомили на учебном аэродроме.

На этом моя сталинградская «эпопея» не завершилась. В июне 1943 года группа курсантов (и я в том числе) была направлена на боевую стажировку во 2-ю Воздушную армию Воронежского фронта. Оказались мы в 61-м штурмовом авиационном полку 291-й Воронежской (позднее — 10-я гвардейская Воронежско-Киевская) штурмовой авиационной дивизии. С ней я прошел боевой путь от железнодорожной станции Шумаково (между Курском и Белгородом) через сражение на Курской дуге в районе известной теперь Прохоровки (наш полк базировался в Долгих Будах, Грайвороне), а затем уже в Сумской области, по Украине — от Большой Писаревки до Лебедина, откуда мы,

курсанты, в 20-х числах сентября и были возвращены в свою военную школу.

Помню, что там, в Лебедине, где немцы впопыхах оставили в хорошем состоянии стационарный аэродром, я узнал о том, что 23 сентября освобождена Шостка, в которой прошли мои детские и юношеские годы. Там я познакомился с моей будущей женой Александрой Николаевной Звонковой, впоследствии окончившей филологический факультет Киевского университета. Туда, в Шостку, по вызову украинских руководителей из Мариинска Кемеровской области — последнего места эвакуации — вернулся с семьей мой отец. После освобождения Молдавии в 1944 году отец был назначен заведующим райфо в городе Рыбница, где они вместе с моей матерью работали до 1952 года. Затем его утвердили заведующим финансовым отделом исполкома Тираспольского округа, вновь образованного из шести районов Молдавии. Отец был награжден орденом Ленина и другими советскими орденами, мать — «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и «За трудовое отличие». Тирасполь, бывшая столица Молдавии в составе Украины, крупный промышленный центр со смешанным национальным составом населения (молдаване, русские, украинцы), теперь — снова столица, но уже отделившейся после распада СССР от независимой Молдавии самопровозглашенной Приднестровской Молдавской республики со своим парламентом, президентом, правительством и собственным университетом. Мне нравится этот город, я привязан к нему. В тираспольской земле покоится прах моей матери. Отец умер и похоронен в Москве.

В сентябре 1943 года, возвращаясь с фронта в свою военную школу, мы, курсанты, отправились уже не в Усть-Каменогорск, а снова на Сталинградскую землю, к родным пенатам, в Астрахань, куда школа к тому времени реэвакуировалась из Казахстана. Она вновь разместилась в своем военном городке, недалеко от 17-й пристани. Отсюда в декабре 1943 года я был выпущен сержантом технической службы. В феврале следующего года я стал авиамехаником — уже не стажером, как на Курской дуге, а штатным специалистом 3-й эскадрильи 904-го штурмового авиационного полка 300-й штурмовой авиадивизии, находившейся в то время в Туле в резерве верховного главнокомандования. А в Сталинграде и Астрахани в очередной и последний раз я побы-

вал уже только в 1966 году как любознательный турист с ностальгическими воспоминаниями.

В Туле наша эскадрилья располагалась на летном поле аэродрома, что называется, визави, со знаменитым полком французских летчиков и советским техническим составом «Нормандия» (впоследствии «Нормандия — Неман») ⁴.

В.Н. Черковец в годы войны

Запомнилось еще одно «историческое» соседство с авиацией наших союзников в том же году. В апреле 1944 года группе механиков было поручено сопровождать около десятка ИЛов в Полтаву, где надо было их передать какой-то части. Летели с одной посадкой в Харькове, очень низко над полем героической Полтавской битвы и над памятным огромным черным крестом. На полтавском аэродроме мы оказались соседями с американцами, устроившими здесь свою базу для бомбардировщиков — «летающих крепостей», совершавших так называемые челночные рейды Италия — Полтава и бомбивших румынские нефтяные промыслы в Плоешти. Советские и американские военные жили рядом, вблизи летного поля, но в разных домах. Удивляла чрезмерная, необычная для наших представлений об армии раскованность американцев, больше даже развязность, какая-то разухабистость. Ходила молва об их популярности у местных девчат. Но их подстерегала и опасность: немцы, знаящие, конечно, об этой базе, готовили, как показали последующие события, карательные акции. Сначала еще при нас каким-то образом были обнаружены в замурованных подвалах служебных и жилых зданий оставленные немцами огромные тысячекилограммовые авиабомбы со взрывателями, настроенными на определенную радиоволну. По боевой тревоге были произведены эвакуация всего советского и американского персонала, нейтрализация и вывоз бомб. Это был предостерегающий сигнал. А за ним последовал, возможно, после полученной немцами от их агентов информации о срыве подготовленной операции, мощный ночной удар с

воздуха большими силами фашистской авиации, в результате чего было сожжено много «летающих крепостей», вернувшихся из очередного рейда, разрушены помещения, погибло немало людей. Эта трагедия, о которой сообщалось в печати и о которой до сих пор помнят полтавчане, случилась уже без нас, в июне месяце.

А мы в этом месяце уже готовились к предстоящей операции «Багратион» на 1-м Белорусском фронте, куда наш полк в мае — июне 1944 года перебазировался из Тулы. Летели мы на ИЛ-ах с одной посадкой в Новозыбкове на полевом кочковатом аэродроме. Место базирования полка перед наступлением было определено в Белоруссии, на полевом аэродроме Свиридовичи южнее города Речица Гомельской области, в 6 км западнее Днепра. В составе 16-й воздушной армии наш полк участвовал в боях под Бобруйском, а затем вместе с другими полками 300-й штурмовой авиадивизии был переброшен на левый фланг фронта в Западную Украину, под Луцк, а потом в Польшу в район Люблина, ставшего ее временной столицей. Здесь на аэродроме у города Любартов (недалеко от Вислы, где проходила линия фронта) мы, механики, встретили новый, 1945-й год, устроив ночью прямо на стоянке самолетов у нашей землянки хоровод вокруг красивой елки, воткнутой в сугроб снега.

Отсюда же в середине января начался и пролегал дальше маршрут нашего авиаполка в боях за освобождение Варшавы, Лодзи, Познани, а в апреле — за взятие Берлина. Последний этап по дороге к столице Германии — сражения за Одер, Зееловские высоты, над которыми был сбит наш ИЛ — погибли его командир лейтенант Василий Ашихмин и воздушный стрелок младший сержант Петр Мурашко.

Этот финальный отрезок боевого пути, начавшийся для всего 1-го Белорусского фронта 16-го апреля 1945 года, 904-й штурмовой авиаполк отметил взятием Реппена, расположенного немного восточнее Одера и отошедшего после войны к Польше, Фюрстенвальде — на полпути между Франкфуртом-на-Одере и Берлином, наконец, Шенефельда — аэродрома на окраине самого Берлина! Здесь, в Шенефельде (бывшем заводском аэродроме в окружении цехов известной авиационной фирмы «Хеншель»), наш полк и все мы, кто в нем служил, завершили, так сказать, официально, свое участие в Великой Отечественной войне. В ночь

с 8-го на 9-е мая я был в наряде — начальником караула на аэродроме, когда по телефону мы получили сообщение о капитуляции Германии, подписанной в «соседнем» Карлсхорсте. Наш полк был награжден орденом Суворова III-й степени с присвоением звания «Берлинский»⁵.

Шенефельд стал главным аэропортом ГДР, и мне несколько раз приходилось пользоваться его услугами. Последний раз — в 1988 году, в канун скоропалительного объединения когда-то поверженной Германии. Как декан и заведующий научно-исследовательской лабораторией по проблемам совершенствования социалистических производственных отношений экономического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова я имел научные контакты с экономическими факультетами Берлинского университета им. В. Гумбольдта и Лейпцигского университета им. К. Маркса. К 1990 году был подготовлен окончательный вариант совместной монографии политэкономов этих университетов с участием также ученых Тбилисского университета «Объективные основы совершенствования социалистических производственных отношений (на материалах СССР и ГДР)» под редакцией профессора В. Майвальда (Лейпциг) и профессора В.Н. Черковца (Москва). Однако под влиянием событий в ГДР и известной «перестроечной» линии советского партийного руководства издательство Московского университета, готовившее книгу к печати, не решилось выпустить ее в свет.

Мои германские впечатления — особая тема, я опускаю ее. Только в 1950 году, после восьми лет срочной (!) службы в армии (такова оказалась цена, которую заплатили пять процентов поколения мужчин 1924 года рождения за то, что война не отняла их жизни), я покинул Группу Советских оккупационных войск в Германии и стал студентом 2-го курса экономического факультета МГУ. С этого момента начинается совершенно новый, я считаю, третий этап моей жизни. Первый этап — до 22 июня 1941 года. Второй — война и первое послевоенное пятилетие, которое прошло для меня в Восточной Германии (с 1-го октября 1949 года в ГДР). В июне 1945 года наш полк перебазировался из Берлина в город Коттбус на юго-востоке страны, где и был в связи с сокращением вооруженных сил расформирован. Число авиаполков сократилось, но материальная часть и численность личного состава были сохранены. Наша эскадрилья в пол-

ном составе была передана в 11-ю гвардейскую штурмовую авиадивизию 175-му (впоследствии 830-й) гвардейскому Слуцкому штурмовому авиаполку, находившемуся в Ютербоге южнее Берлина. Позднее часть дивизии, в том числе и наш новый полк, были переведены в Коттбус и Финстервальде, а оттуда в 1949 году в самый пик напряжения, вызванного блокадой Западного Берлина, включенного без согласования с СССР в Федеративную республику Германию (ФРГ), наша дивизия была переброшена на аэродромы в западных окрестностях Берлина. Мы — в Эльшталь, рядом с Олимпшесдорфом, где в 1936 году Гитлер разместил участников состоявшихся в Германии Олимпийских игр. Днем и ночью американские самолеты с грузами и пассажирами летали в Берлин и обратно прямо над нами до тех пор, пока не было заключено соглашение между бывшими союзниками, упорядочившее связь между Западным Берлином (так и не признанным СССР столицей ФРГ) и Западной Германией.

Еще в средней школе меня заинтересовали социально-философские, а затем и политэкономические работы К. Маркса и Ф. Энгельса, опубликованные в известном двухтомнике их избранных сочинений: «Манифест коммунистической партии», Предисловие к работе «К критике политической экономии», «Наемный труд и капитал», «Заработная плата, цена и прибыль» и другие. Ключевым из воспринятого мною в юности — и это осталось на всю жизнь — было материалистическое понимание истории («исторический материализм»), которое Энгельс в своей речи на могиле Маркса в 1883 году назвал первым из двух величайших его открытий, сравнимым с эволюционной теорией Дарвина⁶. И не случайным поэтому было мое желание еще в 1941 году поступить в ИФЛИ. Уже после войны в гарнизонном доме офицеров в Олимпишесдорфе я обнаружил хорошую библиотеку, а в ней «Капитал» Маркса. Внимательное чтение этого труда помогло найти то, что мне было нужно для профессионального образования, — политическую экономию, которая и предопределила мой выбор. По справочникам я выяснил, что ИФЛИ уже не существует, а специалистов по политической экономии готовит экономический факультет Московского университета, куда я и поступил в 1949 году на первый курс заочного отделения. Впоследствии оказалось, что факультет-то ифлийский, переведен из этого института в декабре 1941 вместе с фи-

лософским факультетом в МГУ, находившемся тогда в эвакуации в Ашхабаде. Некоторые студенты-ифлийцы, пришедшие с войны, продолжили учебу уже в МГУ и стали известными его профессорами-экономистами (Е.И. Капустин, Н.В. Хессин и другие). С декабря 1941 года начинается и история экономического факультета в Московском университете. Теперь, оглядываясь назад, я думаю о том, что если бы не было специальности «Политическая экономия» (она записана в моем дипломе), да еще с полноценным пятилетним обучением, я, наверное, не выбрал бы экономический факультет, тем более с таким направлением подготовки специалистов, которое сложилось сейчас. Но и теперь я не утратил интереса к политической экономии как науке, ставшей моей профессией.

Сегодня, когда отмечается 200-летие ее изучения в Московском университете (в 1804 году его уставом была предусмотрена кафедра дипломатики и политической экономии), приходится сожалеть о том, что политическая экономия отсутствует среди стандартов вузовских дисциплин в России и, по меньшей мере, удивляться той административной легкости, с какой это было сделано в 90-е годы прошлого века. А тогда, в начале 50-х, на экономическом факультете МГУ это была базовая дисциплина, по которой готовили экономистов с престижной специальностью, дающей право преподавать политическую экономию в вузах, участвовать в научно-исследовательской работе в институтах Академии наук, работать в государственных учреждениях разных уровней, в том числе и высокого ранга, на дипломатическом поприще. Только трем университетам страны было поручено вести подготовку таких специалистов: Московскому, Ленинградскому и Киевскому.

Поступив на факультет, я, что называется, засел за изучение политической экономии, исторического материализма и истории экономических учений. «Капитал» К. Маркса и работы Г.В. Плеханова определили главное направление в формировании моей мировоззренческой позиции в экономической теории, ставшей моим призванием.

Моя первая курсовая работа была посвящена учению Адама Смита о производительном и непроизводительном труде. На мой нынешний взгляд, оно не утратило своей обоснованности, научности и актуальности до сих пор, несмотря на громадные изме-

нения в характере общественного труда, произошедшие за последние двести с лишним лет со времени выхода гениальной книги А. Смита «Исследование о причинах и природе богатства народов». Все население страны участвует так или иначе в распределении и потреблении национального богатства, но не все ее граждане непосредственно заняты его созданием, производством. Следовательно, остается вопрос: что такое национальное богатство, каков его состав и кто непосредственно его создает. Защитники устоев капиталистического общества, его идеологи уже давно уходят от этого острого социального вопроса. Статистика международного капитала разработала показатель валового внутреннего (национального) продукта, в котором суммируются доходы всех граждан, якобы и являющихся их производителями фактически независимо от того, какой деятельностью они занимаются. Вопрос об источнике богатства, как и вопрос об источнике прибыли, процента и ренты, подменяется вопросом о факторах их роста и т. д. Современная западная политическая экономия не хочет изучать внутренние связи производства, включая в поле своего зрения лишь внешние, поверхностные формы движения производственных отношений. Адам Смит как гора возвышается над полем, усеянным многомиллионными тиражами многостраничных «экономиксов», в которых читатель не находит ответа ни на «старые» фундаментальные вопросы, ни на новые социально-экономические вопросы современного мира. Тем не менее именно «экономиксы» формируют сегодня базовую часть высшего экономического образования, в том числе и университетского.

Изучение политической экономии социализма побудило меня разобраться в специфике колхозного производства как оперативного предприятия с особой формой собственности. Я решил конкретно и детально исследовать, как распределяется его валовая продукция, формируются доходы колхоза и в целом осуществляется в нем процесс простого и расширенного воспроизводства. Меня интересовало реальное положение дел, отраженное в первичных документах, и я записался на производственную практику в один из колхозов Московской области, где мне предоставили необходимые материалы. Главная трудность, с которой я столкнулся при анализе, состояла в том, чтобы всю продукцию колхоза представить в едином стоимостном выраже-

нии, поскольку ее реализуемая часть измерялась разными ценами — заготовительными, закупочными, рыночными, а натуральная часть вообще не имела денежного измерения. Необходим был пересчет в единых ценах. Решив в определенной мере эту задачу, я смог разработать некую «модель» воспроизводства, которую и представил как свою курсовую работу⁷. С тех пор проблемы воспроизводства, темпы, пропорции и эффективность общественного производства стали одним из направлений моих научных изысканий. По этой тематике работала организованная мною в конце 1965 года на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ проблемная группа с участием профессоров, преподавателей, научных сотрудников и аспирантов кафедры и представителей других кафедр, лабораторий факультета, а также других вузов Москвы. Эта проблемная группа работает до сих пор и называется теперь «Воспроизводство и экономический рост». В течение всех прошедших тридцати лет на ее заседаниях обсуждались дискуссионные теоретические и актуальные практические проблемы, на базе проблемной группы проводились научные конференции, совещания, результаты которых находили отражение в печати, в учебном процессе, в диссертационных работах. Под моей редакцией и с авторским участием был опубликован ряд монографий по названной тематике: «Два подразделения общественного производства» (М.: Мысль, 1971); «Отношения производства и воспроизводства» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982); «Воспроизводство и экономический рост» (М.: ТЕИС, 2001); «Проблемы и противоречия воспроизводства в России в контексте мирового экономического развития: (Теория. Сопоставления. Поиски)» (М.: ТЕИС, 2004).

Вместе с тем рос мой интерес к общим методологическим проблемам, приведший меня к дипломной работе о характере экономических законов, а затем к кандидатской диссертации «Предмет политической экономии» (научный руководитель — чл.-кор. АН СССР А.И. Пашков). В те годы, после известной всесоюзной экономической дискуссии, проведенной по инициативе и под эгидой ЦК ВКП(б) в ноябре 1951 года, после выхода в 1952 году работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», после первого издания учебника «Политическая экономия», созданного авторским коллективом во главе с академиком АН СССР К.В. Островитяновым, и опублико-

вания материалов XX-го съезда КПСС тема моего диссертационного исследования была весьма актуальной, востребованной. Изучая ее, я «проник» в находившуюся в закрытом фонде Ленинской библиотеки богатейшую литературу 20-х годов. Работы того времени отражали специфику переходного периода от капитализма к социализму и серьезные противоречия в трактовке теоретиками-марксистами как фундаментальных проблем философии и политической экономии, так и вопросов о конкретных путях социалистических преобразований в СССР. Я имею в виду, прежде всего, материалы дискуссий об исторических границах политической экономии, о соотношении производительных сил и производственных отношений в предмете политической экономии (дискуссия между «механистами» и «идеалистами»), о «законо-регуляторе» советской экономики, о месте и роли в ней товарно-денежных отношений, о темпах, факторах роста и ее эффективности, о путях индустриализации народного хозяйства, развития сельского хозяйства и приобщения крестьянства к социализму. И сегодня, полагаю, не угас интерес к изучению этих работ, причем не только с исторической, но и с точки зрения методологии и уровня теоретического анализа, в сравнении с которыми вряд ли выдержат конкуренцию современные «мейнстримные» претензии. Да и требования, предъявляемые к качеству теоретических исследований в тот период, отличаются от сегодняшних, и не в пользу последних. Трудно даже перечислить ученых того периода, внесших несомненный вклад в отечественную экономическую науку, в развитие марксистской политической экономии и дисциплин конкретной экономики. А.А. Богданов, Б.С. Бородин, Н.И. Бухарин, Ш.С. Двойлацкий, А.Ф. Кон, Н.Д. Кондратьев, Л.А. Леонтьев, В.П. Милютин, Ф.И. Михалевский, А.И. Ноткин, Д.И. Розенберг, И.И. Рубин, И.И. Скворцов-Степанов, С.Г. Струмилин, Г.А. Фельдман, А.В. Чаянов — только часть огромного списка.

До 1953 года на экономическом факультете МГУ курс политической экономии обеспечивала общеуниверситетская кафедра политической экономии, впервые созданная в 1934 году как специальная кафедра (без сочетаний с «дипломатикой» и статистикой). Ее возглавлял профессор И.Д. Удальцов, ставший в 1941 году первым деканом экономического факультета. Во главе с профессором Л.С. Выгодским (с 1941 по 1943 год) кафедра

перешла с исторического факультета на новый, экономический факультет. Затем заведующим стал профессор К.В. Островитянов (с 1943 по 1948 год), которого сменил профессор А.И. Пашков.

1953 год — год «великого перелома» в МГУ. Вошло в строй новое высотное здание на Ленинских горах, рядом с ним в едином ансамбле здания физического, химического и биолого-почвенного факультетов, оснащенные новым оборудованием, общежития студентов и аспирантов и жилые профессорские корпуса. Гуманитарные факультеты разместились почти на всех площадях знаменитых старых зданий университета на Моховой. Экономическому факультету (а позднее и кафедре политической экономики) был предоставлен считавшийся прежде лучшим «новый» корпус с памятником М.В. Ломоносову (сейчас в нем находится факультет журналистики) рядом с библиотекой им. М. Горького и Домом культуры МГУ (ранее и ныне церковь) на ул. Герцена (теперь Большой Никитской). Кафедра политической экономики разместилась рядом с главной — Коммунистической — аудиторией на втором этаже ⁸.

Но теперь это была уже другая кафедра. Коренное изменение материально-технической базы университета обусловило реорганизацию и факультетских структур. Были открыты новые кафедры, разукрупнены и профилированы в соответствии со спецификой обслуживаемых факультетов общеуниверситетские кафедры. Кафедра политической экономики разделилась на три, к которым добавилась и четвертая — кафедра политической экономики Института повышения квалификации преподавателей общественных наук (ИПК) при Московском университете. Сформировались, таким образом, кафедра экономического факультета (заведующий — чл.-корр. АН СССР А.И. Пашков), кафедра естественных факультетов (заведующий — доцент Н.С. Спиридонова), кафедра гуманитарных факультетов (заведующий — доцент М.П. Осадько), кафедра ИПК (заведующий — доцент Я.С. Кумаченко).

Все эти кафедры ведут, следовательно, свою родословную от общеуниверситетской кафедры, а их собственная история в точном смысле слова начинается с 1953 года. Следовательно, в 2003 году им исполнилось 50 лет ⁹.

Что касается кафедры политической экономики экономического факультета, то начиная с 1953 года она заняла факти-

Выступление
на одной из конференций

чески ведущее положение среди других кафедр политической экономии и среди кафедр экономического факультета, призванного тогда осуществлять подготовку специалистов по политэкономии усилиями всех своих кафедр. Это была роль, аналогичная той, какую играли на философском факультете кафедры диалектического и историческо-

го материализма, а позднее и научного коммунизма.

В 1954 году выпускниками кафедры политэкономии стали студенты двух академических групп, в том числе и я. Кроме «чистой» политэкономии в рамках той же специальности (единственной на факультете) существовали специализации: были группы статистиков и «восточников» (студентов, изучавших экономику Японии, Китая, Индии, Вьетнама, Кореи). Сохранялась как бы модифицированная старая университетская традиция сочетания политической экономии со статистикой и мировой экономикой. Наш курс оказался амбициозно-плодовитым. Из 90 выпускников 21 стали профессорами и докторами наук¹⁰.

С приходом в качестве заведующего кафедрой Н.А. Цаголова (1957 год) широко развернулся фронт научных исследований фундаментальных проблем политической экономии. В период 1957—1958 годов кафедра превратилась в один из общепризнанных центров экономической теории в стране¹¹.

Она сразу вышла на арену общенаучных дискуссий всесоюзного и министерского масштаба, развернула полемику с академическими институтами по фундаментальным и судьбоносным для страны вопросам. В научных изысканиях кафедры стало формироваться триединство методологии, теории и практики. Каждой из этих ипостасей было определено лицо кафедры, обозначена ее собственная позиция во всем сообществе политэкономов страны — не только России, но и союзных республик, более того — других стран, входивших в мировое социалистическое

содружество. Речь идет не о согласии всего этого сообщества с политэкономическими концепциями ученых кафедры. Внутри него — и это хотелось бы подчеркнуть — велась перманентная полемика, скорее, острейшая борьба на почве, казалось, общих идеологических критериев. Парадокс, конечно, но тем не менее научных дискуссий того накала и глубины на почве нынешнего либерального «мейнстрима», неоклассической «современной экономической теории», утвердившейся в сфере науки и образования и исповедующей, во всяком случае формально, принципы гласности и демократизма, теперь уже, к сожалению, нет.

Что касается кафедры политической экономии конца 50-х — первой половины 60-х годов, то острейшая полемика была не только формой ее собственного бытия. Кафедра была организатором проведения всесоюзных и межвузовских конференций по актуальнейшим проблемам того времени с широким участием ведущих ученых страны. Дискуссии завершались рекомендациями самым высоким управляющим органам и публикациями, выходящими в авторитетных издательствах большими тиражами, которые не залеживались на полках магазинов.

Когда я говорю о принципе «триединства», к которому стремилась кафедра, о связи теоретико-методологических исследований с практикой, то имею в виду, конечно, не ориентацию политической экономии на хозяйственную (экономическую) политику как на якобы предмет ее исследования¹². Речь идет о «теоретической экономии», которая отражает практику, во-первых, сквозь призму реальных экономических, общественно-производственных отношений, являющихся для нее непосредственным предметом изучения в единстве «сущности» и «форм ее проявления, движения». Во-вторых, политическая (теоретическая) экономия рассматривает эти отношения как действительные формы бытия экономической системы во взаимодействии не только с производительными силами, но и с правовой системой, с экономической политикой и с другими социальными отношениями в широком смысле с учетом национально-исторических особенностей стран и регионов. В-третьих, политическая экономия включает в поле своего зрения социально-экономические проблемы крупного масштаба, относящиеся как к макроэкономическому (народно-хозяйственному, общенациональному, общегосударственному), так и к микроэкономическому уровню, рассматриваемому во взаимосвя-

зи с макроэкономическим уровнем и внутри целостной экономической системы. Однако ее предмет не вторгается в область конкретно-экономических, отраслевых, межотраслевых и специальных экономических дисциплин, решающих свои, адекватные предмету анализа задачи, позволяющие выходить на алгоритмы соответствующих хозяйственно-управленческих решений, принимаемых участниками экономического процесса. В-четвертых, связь с практикой политическая экономия осуществляет также (во многом аналогично таким фундаментальным естественным наукам, как физика, химия, биология) через теоретическую подготовку экономических и неэкономических кадров (с учетом их специфики), через формирование общественного мнения по тем или иным крупным вопросам экономической жизни и социально-экономической политики государства и путем влияния на мировоззренческое воспитание граждан.

Учитывая перечисленные особенности связи политэкономии с практикой, можно сказать, что кафедра стремилась реализовать свою «прикладную» функцию¹³.

Структуру исследований кафедры политической экономии может в какой-то степени отразить краткий перечень (с небольшими комментариями) проведенных в указанные годы научных конференций всесоюзного и межвузовского уровня.

Две крупнейшие конференции по взаимосвязанным глобальным проблемам советской экономики были проведены в 1958 году. В январе на конференции по проблеме товарного производства затрагивались вопросы: о причинах его сохранения в условиях общественной собственности, об основе цен, методах ценообразования, укрепления хозрасчета. Это была первая в стране научная конференция высокого уровня, на которой обсуждалась тема, находившаяся в центре экономической дискуссии 1951 года и освещенная в работе И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952). В ходе конференции были выявлены глубокие противоречия, лежащие внутри государственного сектора, что способствовало преодолению точки зрения, согласно которой товарное производство в советской экономике связывалось только с двумя формами собственности. Подходы, применявшиеся тогда к анализу природы товарно-денежных отношений, думается, не утратили своего значения и в современных условиях движения России к рыночной экономике. На состояв-

шейся осенью 1958 года второй конференции было продолжено обсуждение этой темы применительно к вопросу о земельной ренте в сельском хозяйстве. Высказанные в ходе дискуссии идеи и предложения руководству плановыми структурами страны по использованию дифференциальной земельной ренты могут быть полезны и в сегодняшней ситуации присвоения «природной ренты» российскими естественными монополиями.

В 1960 году кафедра провела всесоюзную конференцию по проблемам развития колхозного производства и колхозной собственности, выступив против идеи дальнейшего укрупнения колхозной собственности до уровня «единой общеколхозной собственности», за перенос центра тяжести ее развития на подъем материально-технической базы колхозов, увеличения концентрации и углубления специализации производства, обратив внимание на вопросы оплаты труда в колхозах и усиления их участия в товарно-денежных отношениях.

В июне 1965 года, накануне известной реформы хозяйственного механизма, кафедра организовала представительную конференцию по проблемам совершенствования планомерной организации и управления общественным производством.

Конференции внесли определенный вклад в поиск концептуальных путей преобразования хозяйственного механизма страны с целью повышения его эффективности, работая на принятие известных высоких решений по его реформе в промышленности (сентябрь 1965 г.) и в агропромышленном комплексе (1966 г.).

В 1965 году, накануне реформы, вышла из печати моя книга «Планомерность социалистического производства» (М.: Экономика), в которой была предпринята попытка более детально раскрыть объективные основы планомерности как производственного отношения. Она выражает всеобщую форму функционирования и развития общественной экономики в условиях социализма как естественного преемника капитализма в его «исторической миссии» по созданию и развитию крупного машинного производства и его обобществлению.

Главный упор был сделан на исследовании внутренних противоречий плановой экономики социализма в его исходной, непосредственно-общественной стороне, где выясняется, прежде всего, проблема соотношения объективного и субъективного,

возможности и способы сознательного использования экономических законов. Рассматривались также и те стороны, которые связаны со спецификой возникновения социализма на современном историческом этапе, с конкретной структурой производственных отношений в советском варианте его существования. Сделан вывод о том, что основным из конкретно-специфических следует признать противоречие, заложенное сосуществованием в системе плановой экономики непосредственно общественных (плановых, не товарных по своей природе) и товарно-денежных, рыночных отношений. С «разрешением» этого противоречия в практике хозяйствования связан хозрасчет как определенная подсистема, соединяющая те и другие начала.

В докладе на научной конференции в честь 100-летия выхода в свет первого тома «Капитала» К. Маркса, состоявшейся в Белграде в 1967 году (там я познакомился со многими югославскими экономистами-теоретиками, с известным польским политэкономом-«рыночником» Б. Брусом, окончившим, кстати, Саратовский университет, с немецким марксоведом Ф. Беренсом), в статье «Товарные отношения при социализме: обусловленность, сфера и механизм действия» (Вестник Московского университета. Серия экономики. 1968. № 4) и в докладе на научной конференции «Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства» в 1969 году я продолжил анализ причин сохранения товарно-денежных отношений при социализме. Относительная экономическая обособленность государственных предприятий в рамках общенародной собственности на фабрики, заводы и землю является главной социальной причиной этого и приводит к объективной необходимости признания прибыли в качестве специфической хозрасчетной цели данных предприятий. Обоснованию прибыли как категории политической экономии социализма посвящена написанная мною глава с таким же названием в коллективной монографии кафедры «Метод “Капитала” и вопросы политической экономии социализма» (под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968). Наконец, новые подходы к раскрытию экономического содержания планомерности и ее логического аспекта представлены в моей статье «Планомерность как категория политической экономии социализма» (Известия АН СССР. Серия экономическая. 1971. № 5), в монографии «Социализм как экономическая система» и ряде других работ 80-х годов.

Концентрированную, коллективно систематизированную и дополнительно существенно развитую форму все эти разработки получили в главном научном труде кафедры периода конца 50-х — начала 60-х годов — в двухтомном «Курсе политической экономии», подготовленном под руководством и под редакцией Н.А. Цаголова и вышедшем в первом издании с министерским грифом учебника для экономических факультетов и вузов в 1963 году. В 1970 и в 1973/1974 гг. выпущены его второе и третье издания с грифом учебного пособия¹⁴.

Как известно, вокруг «Курса» развернулась в советской литературе большая многолетняя полемика. Она продолжалась и после кончины Н.А. Цаголова в 1985 году, в годы так называемой перестройки, когда все оппоненты «Курса» воспрянули духом в обстановке яростной критики марксизма-ленинизма, приведшей в конце концов к отказу самого руководства правящей партии от своей идеологии и государственной идеи. Многие из оппонентов «Курса», который полемизировал с неоклассической доктриной западной политической экономии и ее ответвлениями, оказались, как по мановению волшебной палочки, сторонниками этой доктрины. Другие оппоненты «Курса», исходившего из доказанности факта исторической ограниченности капиталистической системы и вызревания в ее недрах материальных, экономических и социальных предпосылок перехода к иному общественно-экономическому строю — социализму, вообще объявили об устарелости понятий «капитализм» и «социализм», о вечности товарно-денежной, рыночной экономики и частной собственности на средства производства. Такова эволюция позиции противников «Курса», ставших на путь отрицания научности марксистской политической экономии и согласившихся затем с изгнанием политической экономии вообще из образовательного процесса и из сферы официально признаваемой науки.

С разъяснениями и обоснованиями методологических принципов системного анализа и новых теоретических положений, разработанных в «Курсе», особенно во втором томе, посвященном политической экономии социализма, мне приходилось не один раз выступать в печати¹⁵. Отмечу лишь то, что парадигмальным основанием политической экономии как научной системы был принят метод «Капитала» К. Маркса не только в разделе «Капитализм» (что давно имело место в советских учебниках

по политической экономии), но и в разделе «Социализм». Имеется в виду, во-первых, заложенное в «Капитале» понимание предмета политической экономии, во-вторых, образец применения в нем принципов исторического материализма как социальной философии марксизма, в-третьих, логика «Капитала» как диалектика познания предмета в форме системы категорий, отражающих его содержание путем восхождения от абстрактного к конкретному на основе единства логического и исторического подходов. В связи с этим возникла проблема субординации категорий как рефлексии субординации реальных производственных отношений, так называемая проблема «начала» и его развертывания во всей экономической системе.

Хотелось бы дополнить высказанное в печати в общем верное мнение о том, что кафедра в те, 60-е годы, провела большую работу по «комментированию» «Капитала»¹⁶. Однако главное все же было не в этом. Основная задача состояла в использовании метода, в частности логики «Капитала» в новых исследованиях, в применении этой методологии при изучении планово-социалистической экономики в реально существовавших формах и при разработке «идеальной модели», к которой она должна по необходимости продвигаться.

Следующие два десятилетия тоже отличались немалой активностью кафедры.

Продолжена была традиция систематического проведения острых содержательных научных конференций с последующим изданием их материалов докладов. Отмечу две из них: «Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного производства» (1969 г.) и «Политико-экономические проблемы научно-технической революции» (1975 г.). Проблематика этих конференций актуальна и сегодня, хотя социально-экономические условия в России коренным образом изменились.

Ряд конференций, в том числе всесоюзных, был посвящен проблемам дальнейшего развития политической экономии как науки. Помимо второго и третьего изданий «Курса» вышла серия коллективных и индивидуальных монографий, продолжавших разрабатывать вопросы методологии анализа современных производственных отношений капитализма и социализма, а также пути совершенствования производственных отношений и хозяйственного механизма в целом, проблемы воспроизводства и его эф-

фективности в СССР и союзных с ним государствах. Думается, что один только хронологический перечень этих работ дал бы не только представление о масштабах научной деятельности кафедры в тот период. Он позволил бы увидеть актуальность тематики проводившихся исследований, в какой-то мере рассеять предубеждения в отношении к политической экономии, порожденные российскими событиями последних 15—18 лет, и не согласиться с принижением результатов ее деятельности во время так называемого «застоя», когда советская экономика снизила темпы своего роста, хотя и не довела их до уровня нулевых отметок.

С 1967 по 1970 год я работал профессором кафедры политической экономии и одновременно занимал должность штатного заместителя декана экономического факультета по научной работе (с 1965 года, а до этого был нештатным заместителем сначала декана, затем — заведующего кафедрой политической экономии).

В. Н. Черковец с коллегами-экономистами

В 1970 году новый директор Института экономики АН СССР Е.И. Капустин предложил мне занять должность зав. отделом Общих проблем политической экономии социализма с сохранением работы профессором в МГУ по совместительству. Такое предложение поддерживали и в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС.

Незадолго до моего назначения в Институте экономики произошли крупные изменения в структуре и кадровом составе, связанные с неудовлетворенностью высших инстанций работой Института, его отходом от решения фундаментальных проблем экономической теории социализма, а также сильным креном в сторону рыночных способов модернизации хозяйственного механизма советской экономики. Как я понимаю, руководство страны, напуганное чехословацкими событиями, не отрицая необходимости более активного использования товарно-денежных отношений, искало некую сбалансированную модель плановой экономики при сохранении ее принципиальных устоев. Такая ориентация в теоретической работе меня устраивала. Это понятно из моих опубликованных работ. И с февраля 1972 года я стал заведовать отделом в Институте. А в сентябре того же года меня избрали в отделении Экономики и утвердили на Президиуме АН СССР еще и заместителем директора Института по научной работе, а также заместителем председателя совета Института, председателем одного из диссертационных советов и куратором всех институтских диссертационных советов, аспирантуры и докторантуры.

В области собственно научных исследований главными направлениями для меня были два: подготовка фундаментального труда — «ФТ», как его называли в высших инстанциях ЦК и Академии наук, по политической экономии социализма; участие в разработке «Комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий», осуществляемой совместно Академией наук и Госпланом СССР (по разделу «Производственные отношения», составлявшему отдельный том; я входил в комиссию Е.И. Капустина, поскольку часть раздела готовил отдел Общих проблем политической экономии социализма). Работа в этих двух аспектах велась мною в рамках штатной деятельности до 1981 года и по совместительству в качестве зав. отделом еще несколько лет — до 1984 года, когда, наконец,

вышел в свет трехтомник «Экономический строй социализма» (М.: Экономика, 1984). Я был членом редколлегии этого труда, ответственным редактором и соавтором 1-го тома «Основные черты экономического строя социализма».

Чтобы двигаться в обоих направлениях, необходимо было теоретическое обоснование «концепции развитого социализма», провозглашенной генеральным секретарем ЦК КПСС в 1967 году и принятой на XXIV съезде КПСС в 1971 году. Такая задача ставилась, разумеется, «сверху», она не обсуждалась, и когда я пришел в Институт, она уже фигурировала под № 1 в плане научно-исследовательской работы Института и Отдела общих проблем политической экономии социализма на 9-ю пятилетку (1971—1975 гг.).

В «Экономическом строе» надо было осуществить теоретическую разработку экономических критериев этапа развитого социализма и путей его дальнейшего движения.

В «Комплексной программе» предстояло обосновать социальный прогноз изменения реальных производственных отношений на базе научно-технического прогресса в области производительных сил и его ускорения под обратным воздействием совершенствующихся производственных отношений и адекватных им форм и методов хозяйствования к 1990 году. Затем предполагалось пролонгировать прогноз на каждые пять лет: до 1995, 2000, 2005 годов. Таким образом должен быть построен долгосрочный прогноз на 20 лет. Его «обоснование» означало раскрытие и описание ресурсных возможностей («средств») его обеспечения, то есть достижения поставленных целей, также требующих обоснования — согласования с материальными, трудовыми, финансовыми ресурсами. Иначе говоря, «Комплексная программа» интерпретировалась как целевая с адекватностью целей и средств, их итераций.

В этом смысле установка, я думаю, была правильной. Однако главные ориентиры определялись не путем анализа, а задавалась никем не отмененной и не скорректированной действующей Программой КПСС, принятой в 1961 году. А Программа декларировала построение уже к 1980 году «коммунизма в основном» (!?). Утопичность такой задачи была очевидна с самого начала. Ее нереальность еще больше обозначилась в 1971 году, когда оставалось всего десять лет до намеченной даты (1980 г.).

И дело не только в том, что все расчеты доказывали невозможность создания к указанному сроку необходимой материально-технической базы. В саму Программу было заложено крайне упрощенное и даже искаженное с марксистской точки зрения представление о коммунизме.

Так, наступление коммунизма связывалось непосредственно с изживанием колхозно-кооперативной собственности, с распределением доходов населения на 50 % из общественных фондов потребления, хотя условия для реализации и таких установок в стране отсутствовали. Противоречие между «идеальным» и «реальным» было «разрешено» в теории с помощью официальной концепции развитого социализма как очередного нового «исторического» этапа в коммунистическом строительстве, что означало по существу (хотя и «по умолчанию») смещение даты наступления коммунизма далеко за границы 1980 года. Было также восстановлено старое ортодоксальное положение марксизма, подтвержденное XVIII съездом ВКП(б) в 1939 году, о развитии социализма как бесклассового общества.

Все эти положения позволяли как-то найти выход из сложившейся ситуации, созданной фантастическими решениями 1961 года, «смягчить» отход от них. При работе над «Комплексной программой» в «Общей концепции развития производственных отношений» (1972) мы отошли от решений 1961 года в двух принципиальных вопросах.

Во-первых, была выдвинута опирающаяся на реальное положение в стране идея о том, что вся прогнозируемая перспектива до 1990 года и за его горизонтом — это период не завершения, а *совершенствования* развитого социалистического общества.

Во-вторых, достигнутый стартовый рубеж — еще пока только *начальная* ступень этапа его построения, за которой могут последовать более высокие ступени его дальнейшего прохождения. Возможно, его высшей ступенью будет бесклассовый экономический строй социализма. Исторической миссией развитого социализма станет создание качественно новой материально-технической базы, означающей революционный переворот в средствах и технологии производства, прежде всего в орудиях труда, приводящий не только к полной компьютеризации и автоматизации производственных процессов и других видов человеческой деятельности, но и к прямому использованию в производстве в

качестве его фактора — средств труда управляемых человеком природных сил, изменяющих содержание и характер самого труда, превращая его в действительно творческую деятельность. Если использовать современную социологическую терминологию, то речь шла по существу о «постиндустриальной экономике», «новой экономике», «экономике знаний», характеризующих разрывывание современной научно-технической революции, пути «органического соединения достижений» которой с «преимуществами социализма» пытались тогда найти и представители научной мысли, и специалисты плановики. С этим связана была (да связана и теперь) проблема перевода экономики на *интенсивные методы хозяйствования* с целью увеличения производительности общественного труда, эффективности общественного производства в целом, *уровня и качества благосостояния населения*.

Этому служил и анализ путей и форм развития *производственных отношений*, их модификации, который отдел Общих проблем проводил по следующим направлениям: 1) выявление исходных предпосылок и методологических принципов долгосрочного прогноза развития производственных отношений и определение исторического места прогнозируемой перспективы; характеристика основных черт создаваемой материально-технической базы; разработка логики прогноза; 2) поиск путей преодоления социально-экономических различий между городом и деревней, включая проблему сближения и слияния колхозно-кооперативной собственности на средства производства с общенародной; 3) анализ изменений содержания и характера труда; 4) изучение оптимальных соотношений форм распределения; 5) совершенствование хозяйственного механизма; 6) выяснение основных сдвигов в социальной структуре советского общества и изучение экономических основ социалистического образа жизни.

Результаты этих исследований использовались также с их дальнейшим углублением и корректировками в «ФТ». Параллельно проводились обсуждения, дискуссии, конференции, публиковались статьи и книги, раскрывающие концепцию развитого социализма, его политэкономические критерии и возникающие проблемы его улучшения. Так, в 1977 году в издательстве «Экономика» вышла коллективная монография Института «Экономика развитого социалистического общества». В создании этого

труда участвовал отдел Общих проблем и я в качестве руководителя авторского коллектива (вместе с Е.И. Капустинным), члена редколлегии и автора ряда глав. В 1977—1980 гг. отдел издал ряд книг под моей редакцией, предворяющих выпуск «ФТ»: «Проблемы развитого социализма в политической экономии» (М.: Наука, 1977), «Основной экономический закон социализма» (М.: Наука, 1978), советско-болгарская монография «Развитие социалистической общественной собственности» (М.: Экономика; София: Партиздат, 1980; соредактор с Д. Владовым, соавтор); «Метод политической экономии социализма» (М.: Наука, 1980; соредактор с А.А. Сергеевым, соавтор)¹⁷.

Впоследствии, когда я вернулся на постоянную работу на экономический факультет МГУ (в декабре 1980 года я был избран Советом Московского университета на должность декана факультета), я выпустил в 1982 году в издательстве «Экономика» книгу «Социализм как экономическая система», в которой отразил результаты своих исследований в 70-е годы с добавлением новых разработок по проблемам структуры, путей совершенствования социалистических производственных отношений, адекватной системы критериев эффективности общественного производства и воспроизводства.

Созданная мною в том же году на факультете научно-исследовательская лаборатория «Проблемы экономики развитого социализма» (затем — «Проблемы совершенствования социалистических производственных отношений») подготовила к печати коллективную работу «Теоретические проблемы формирования и развития единого народно-хозяйственного комплекса страны» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985). В создании монографии участвовали все кафедры экономического факультета. Она вышла под моей редакцией и с моим соавторством. В название книги вынесена совершенно новая проблема, о которой говорилось на XXVI съезде КПСС.

Лаборатория совместно с Отделом общих проблем политической экономии социализма Института экономики продолжила подготовку к изданию ряда материалов по более конкретному, чем в «ФТ», анализу производственных отношений, проведенному ранее под моим руководством. В итоге этой работы в издательстве «Экономика» вышла в свет под моей общей редакцией, при участии в редактировании Вал.В. Радаева, Г.И. Латышевой,

Е.С. Городецкого, и с моим соавторством серия из трех книг («ПОРС»): «Общественный характер производства и социалистическая собственность» (М., 1985), «Эффективность и высшая цель социалистического производства» (М., 1986), «Формы и методы социалистического хозяйствования. Закономерности и совершенствование» (М., 1987).

В первой книге реализованы две главные цели: а) разделение и анализ двух сторон процесса обобществления производства как проявления основного экономического противоречия социализма; б) раскрытие социалистической собственности как сложного комплекса отношений, реализующегося в различных сторонах функционирования общества. В такой постановке вопрос рассматривался впервые.

Во второй книге была развернута идея вычленения функций основного экономического закона и их реализация в трех взаимосвязанных аспектах: в направленности производства на рост благосостояния людей, определении высшего критерия социально-экономической эффективности производства и оптимизации пропорциональности народного хозяйства.

Суть авторской концепции третьей книги была изложена в моей статье «Производительные силы, производственные отношения, хозяйственный механизм» (Коммунист. 1986. № 16). Акцент в понимании структуры хозяйственного механизма ставился на том, что он воспроизводит (и должен воспроизводить) структуру социалистических производственных отношений как системы единства непосредственно общественных (планомерности) и товарно-денежных отношений, воплощая их в форму централизованного управления, хозрасчета основных производственных звеньев, системы их экономического стимулирования. Монография вышла накануне июньского Пленума ЦК КПСС 1987 года. Однако ряд ее положений оказался созвучен идеям реформы хозяйственного механизма, предпринятой в 1987 году, поскольку в книге:

- определены меры самостоятельности предприятий и объединений как исходного пункта реформы;
- обоснована невозможность обойтись в советской экономике без товарно-денежных отношений, интегрированных в систему социалистических производственных отношений (последовательно доказана идея признания товарного про-

изводства и закона стоимости в качестве элементов плановой экономической системы);

- рассмотрен переход на полный хозрасчет в качестве главного направления реформы механизма хозяйствования предприятия (объединения);
- раскрыта роль прибыли как меры хозрасчетной эффективности источника расширенного воспроизводства на предприятии и доходов государственного бюджета.

Вместе с тем можно говорить и об известной альтернативности представленной в данной книге модели хозяйственного механизма официально принятой схеме реформы. В монографии отражено особое видение путей совершенствования хозяйственной самостоятельности предприятий, нацеленных на подъем экономики в условиях общенародной собственности, повышения ее эффективности, развертывания ее экономических, социальных и нравственных потенций, реализуемых при коллективистском образе жизни. Методологические и теоретические основы этой концепции определяли научную позицию лаборатории в вопросах реформы и на ее последующих этапах.

С 1991 года центральным направлением исследований лаборатории становится теоретический, социально-структурный анализ реформирующихся отношений собственности в России (в связи с этим она стала называться «Лаборатория проблем собственности»). В 1991—1993 годы сотрудникам лаборатории и мне лично пришлось выступить с рядом статей в газете «Экономика и жизнь», обратиться с записками в Верховный Совет СССР, Совет министров СССР, к июльскому Пленуму ЦК КПСС, обсуждавшему экономическую часть проекта новой Программы КПСС, в Верховный Совет РСФСР, в Высший Экономический Совет РФ. В этих материалах давался сравнительный критический анализ союзного и российского законов о собственности в СССР и РСФСР, о приватизации государственных предприятий, затрагивались вопросы развития кооперации, структуры, управления народным хозяйством. В 1995 году под моей совместно с В.В. Коньшевым редакцией были опубликованы ученые записки «Собственность и реформа».

Лабораторией подготовлена и в 1998 году издана коллективная монография «Собственность в экономической системе России» (под моей редакцией совместно с В.М. Кульковым), в

которой рассматриваются во взаимосвязи: а) методы исследования собственности в современной экономической теории; б) трансформация собственности в условиях переходного периода в России; в) формы собственности в российской экономике, их становление и функционирование; г) структурная и инвестиционная политика в современной российской экономике.

Эта тема была конкретизирована при анализе изменений, происшедших в России 90-х годов в отношении государственной собственности. В центре внимания находился следующий круг вопросов:

- методологические и теоретические аспекты анализа государственной собственности; ее интерпретация как экономической категории;
- роль и место государственной собственности в смешанной экономике разных типов и видов; формирование системы управления госсобственностью в экономике России;
- реструктуризация государственных унитарных предприятий в российской экономике; формирование системы управления госсобственностью в экономике России;
- механизм и эффективность функционирования различных типов госпредприятий в российской экономике;
- роль госсобственности в структурной перестройке экономики и осуществлении антикризисной политики;
- формы и методы государственного регулирования в акционерных обществах с государственным пакетом акций.

В результате проведенных исследований был подготовлен коллективный труд «Государственная собственность в экономике России и других стран. Вопросы истории и теории» (М.: ТЕИС, 2002), вышедший под моей редакцией, с моими предисловием и заключением, мною также написаны и некоторые главы. В монографии был сделан вывод о противоречивом социально-экономическом характере этой формы собственности в переходной экономике и его особенностях в современной России.

Уникальным среди научной продукции лаборатории стало общефакультетское издание «Всемирная история экономической мысли» (главный редактор и соавтор В.Н. Черковец), подготовленное совместно с кафедрами истории народного хозяйства и экономических учений (зав. кафедрой профессор А.Г. Худокор-

мов), политической экономии (зав. кафедрой профессор В.В. Радаев) и осуществленное авторитетным издательством «Мысль» в 1987—1997 годах.

Идея подготовки этой работы связана с именем профессора Ф.Я. Полянского — бывшего зав. кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений. После его кончины в 1984 году кафедра предложила мне руководить этой работой. В организации исследования и проведении научного редактирования активно участвовали заместитель Ф.Я. Полянского доцент Е.Г. Василевский, профессора И.П. Фаминский и В.А. Жамин, принявший кафедру. Большую работу в подготовке и редактировании отдельных томов провели также доцент Л.Н. Сперанская, профессора В.В. Орешкин, Ю.Я. Ольсевич.

Первый том издания (1987) охватывает и более подробно, с привлечением новых материалов, рассматривает период от зарождения экономической мысли в древневосточных обществах до первых теоретических систем политической экономии. Во *втором томе* (1988), учитывая развернувшуюся к тому времени полемику с марксистской историко-экономической литературой и тенденцию западных историков экономической мысли искать преемственность современного неоклассического «мейнстрима» с классической политической экономией в ее не устоявшихся положениях, вновь проанализирован период расцвета и распада классического направления, особенно работы А. Смита и Д. Рикардо, истоки возникновения постклассической («вульгарной») ветви политической экономии. Детально освещена история формирования экономических идей марксизма. Результаты исследования распространения этих идей в Европе и в России, включая вышедшие до октября 1917 года экономические работы В.И. Ленина и его единомышленников, представлены в *третьем томе* (1989). Одновременно показана эволюция западной немарксистской экономической мысли маржиналистского направления, утверждение неоклассики в конце XIX века, новой исторической и социальной школы в Германии, американского институционализма, развитие экономических концепций анархизма, анархосиндикализма, социал-демократизма, ревизионизма внутри марксизма. *Четвертый том* (1990) посвящен развитию экономической мысли на двух «полюсах» ее мирового развития с 1917 по 1940 год как в СССР (включая теоретическое наследие В.И. Ле-

нина послеоктябрьского периода) и в литературе мирового коммунистического движения, так и в рамках основных направлений западных экономических взглядов. Анализу этих направлений в последующий, послевоенный период, включая 80-е годы, полностью предоставлены страницы *пятого тома* (1994). В нем отражены неолиберальные концепции, кейнсианство и посткейнсианство, институционально-социологическое направление, послевоенные течения социализма, развитие экономических взглядов в отдельных странах, в том числе в США, Японии, странах Западной Европы.

Грант Российского фонда гуманитарных наук помог подготовить рукопись, посвященную теоретическим исследованиям и конкретно-экономическим разработкам в социалистических и развивающихся странах в 40—80-е годы. Проект шестого тома получил издательский грант, и в 1997 году издательство «Мысль» выпустило в свет завершающий том всего издания, вышедший в двух книгах. В этих книгах *шестого тома* освещены разные этапы истории советской экономической мысли как в области политической экономии, так и в конкретных отраслевых, межотраслевых и специальных экономиках. Большое внимание уделено экономическим дискуссиям и связанной с ними литературе как до XX съезда КПСС (1956 г.), так и послесъездовскому периоду, когда решались проблемы повышения эффективности общественного производства и велись поиски путей совершенствования хозяйственного механизма. Охарактеризованы историко-методологическая основа экономических исследований, развитие экономико-математических методов, достижения экономической науки в союзных республиках. Впервые предложен анализ первых исследований перехода к рыночной экономике в СССР и России. Вторая часть шестого тома посвящена экономической науке в восточноевропейских странах, в Китае, и различным социально-экономическим воззрениям в развивающихся странах.

Написанное мною заключение «Всемирная экономическая мысль в пространстве и во времени», завершающее шеститомное издание, было также опубликовано в «Российском экономическом журнале» (1997. № 11—12), в «Вестнике Московского университета» (Серия экономики. 1997. № 4), сокращенный вариант статьи вышел под названием «Экономическая мысль разных эпох

и народов» в «Вестнике Российского гуманитарного научного фонда» (1997. № 3).

В начале этого очерка я назвал три периода в своей жизни и деятельности. Но есть и четвертый, последний период. Он начался с точной даты в 1987 году, когда я был вынужден уйти с поста декана экономического факультета МГУ, на который в 1986 году я был переизбран единогласно на совете факультета и почти единогласно на большом совете университета. Именно с 1987 года, как отчетливо подтверждается теперь, начинается прямое расставание правящей верхушки КПСС и советского государства с идеологией и практикой социализма, с учением марксизма-ленинизма, с марксизмом как мировоззрением. Вместе с марксистской политической экономией стала официально вытесняться из научных исследований и системы образования политическая экономия вообще.

И вся моя деятельность этого периода была направлена на защиту очевидных для большинства населения завоеваний социализма, против реставрации за вуалью перехода к рыночной экономике капиталистической системы. Я занимался анализом внутренних противоречий рыночной экономики не только на этом переходном этапе, но и в ее развитой на Западе высшей современной форме, не излечившей капитализм от социальных пороков и антагонизмов. Я продолжаю и дальше разрабатывать экономическую теорию социализма с применением диалектико-материалистического метода социальной философии и политической экономии марксизма, пытаюсь преодолеть искажение ее фундаментальных принципов как в идеальной модели, так и в практической ее реализации в прошлом.

В последние годы ко многим темам моих научных изысканий прибавилась еще одна, доминирующая в моих публикациях и выступлениях примерно с 1996 года. Это — обоснование необходимости восстановления в полной мере, с учетом, конечно, современной ситуации, официального статуса политической экономии как особой экономической науки и вузовской учебной дисциплины. Я поддерживаю решение ВАК восстановить политическую экономию как отдельную, причем первую область исследования в рамках научной специальности «Экономическая теория». Но необходимы и более продвинутые решения как в сфере управления наукой, так и в организации образовательного

процесса. И в этом смысле я полностью присоединяюсь к словам группы ученых: академиков, заведующих кафедрами и профессоров, которые высказаны в письме Министру образования России, опубликованном в еженедельнике «Экономика и жизнь» в ноябре 2002 года¹⁸. Федеральный, региональный вузовский компоненты министерских образовательных стандартов открывают реальные возможности для переосмысления места политэкономии в вузовских программах. Нет только необходимой образовательной политики.

* * *

В 60-е годы, работая над «Курсом политической экономии» и своими двумя монографиями, вышедшими одновременно в 1965 году, затем в 70-е годы над «Комплексной программой научно-технического прогресса и его социальных последствий», монографиями в Институте экономики АН СССР, участвуя в дискуссиях на экономическом факультете МГУ, в Институте экономики и научных советах АН и МГУ, занимаясь исследованием всемирной истории экономической мысли, я заметил одну немаловажную деталь. Деталь, которой вначале я не придавал особо важного значения, но которая, как оказалось впоследствии, стала одной из причин (были, конечно, и другие) проявления будущих немарксистских уклонений в советской экономической теории. Обнаруженный факт состоял в том, что многие отечественные экономисты-теоретики, исследовавшие мировое хозяйство и экономику зарубежных стран, а также критики (!) немарксистских экономических теорий не изучали на профессиональном уровне ни советской экономики, ни трудов советских авторов по анализу ее реальных проблем. Взгляды таких ученых сближались с позициями западных теоретиков рыночного, конкурентного социализма, с мнением советологов, а также с таким вариантом откровенно немарксистской ветви политической экономии социализма, как «система оптимального функционирования экономики» (СОФЭ), сторонники которой стоят на исходных позициях маргинализма, используют субъективно-психологические подходы в трактовке производственных отношений и парадигму теории предельной полезности.

Я говорю об этом только в порядке констатации исторического факта, который подтверждается современной ситуацией. Сегодня, когда наблюдается повальный поворот бывших советских политэкономов в сторону неоклассики, вся отечественная марксистская литература предана в лучшем случае забвению. Советских авторов, даже тех, кто занимался теоретическими вопросами современного капитализма, не цитируют. И главное — в современных исследованиях теоретические разработки тех лет не сопоставляются по существу с концепциями западных экономистов и с теми проблемами, на которые сегодня обращено их внимание. А интерес их колеблется в диапазоне от выяснения частоты оптимального посещения вкладчиками банка, где лежат их деньги, до построения чисто умозрительных моделей с безупречным (вроде бы) математическим аппаратом¹⁹.

Смею заметить, что и историки экономической мысли не всегда, к сожалению, компетентно, а подчас односторонне и просто предвзято освещают теоретический процесс в СССР. Правда, это делается не в специальных глубоких исследованиях, а в учебных пособиях, которые могут оцениваться как хорошие с преподавательской, методической точки зрения, но далеко не продвинуты в научном смысле²⁰.

60-летие Победы над Германией — это не только поминальное событие со скорбью о миллионах погибших людей, не только память о героях, павших на полях сражений. Это и констатация печального и позорного факта гибели великого Советского Союза, не виданного в истории содружества многих народов в едином могучем государстве. Это и напоминание о том, что под лежащий камень вода не течет и что отвоеванное когда-то у международного капитала для трудящихся масс надо защищать любой ценой. Только трудящиеся могут воздвигнуть барьер перед наступающим капитализмом, империалистической глобализацией в России и в бывших союзных республиках — социалистических государствах. С боевого поста не должна уходить и *политическая экономия труда*.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА В.Н. ЧЕРКОВЦА

1. Предмет политической экономии. М.: Советская наука, 1959.
2. О методологических принципах политической экономии как научной системы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.
3. Планомерность социалистического производства. М.: Экономика, 1965.
4. Товарные отношения при социализме: обусловленность, сфера и механизм действия // Вестник Московского университета. Серия экономики. 1968. № 4.
5. Общественная собственность и система производственных отношений социализма // Экономические науки. 1972. № 6, № 7.
6. Потребительская стоимость в системе категорий политической экономии социализма // Потребительская стоимость продуктов труда при социализме. М.: Экономика, 1978.
7. Социализм как экономическая система. М.: Экономика, 1982.
8. Методологические вопросы разработки критериев эффективности производства в политической экономии // Экономический строй социализма. М.: Экономика, 1984.
9. Политическая экономия как наука: историческая тенденция и социальная востребованность // Российский экономический журнал. 1996. № 3.
10. Всемирная история экономической мысли: В 6 т. / Под ред. *В.Н. Черковца*. М.: Мысль, 1987—1997. (В соавторстве.)
11. Смешанная экономика и государственная собственность // Государственная собственность в экономике России и других стран. М.: ТЕИС, 2002.
12. О диалектике и векторе движения переходной российской экономики // Российский экономический журнал. 2004. № 5—6.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О В.Н. Черковце см. также: *А. Глушецкий, Р. Зяблук, Я. Кузьминов, А. Мелентьев, Г. Меликьян, А. Пороховский, Вад. Радаев, А. Сидорович, А. Тавасиев, Н. Титова, С. Чистый, Ю. Якутин*. Поздравляем с юбилеем // Экономика и жизнь. 2004. № 11, март; *Радаев Вал., Чибриков Г.* Юбилей ученого // Московский университет. 2004. № 11 (4072), март; *Сидорович А. К.* 80-летию В.Н. Черковца // Собственность и управление. 2004. № 2.

² После войны я трижды случайно встречал (почему-то это запомнилось) бывшего начальника нашей школы: сначала как полковника-инженера, командира авиатехнической дивизии, обслуживавшей наш штурмовой корпус в Германии, потом уже генерал-майором в приемной ректора МГУ в 1950 году и, наконец, менеджером в одном из павильонов американской выставки в Москве в 1960 году.

³ Весь этот путь я проделал с курсантом Аркадием Микуличем, с которым мы уже тогда, на барже, обсуждали реформаторские проекты «перестройки страны». После войны, а он участвовал в военных действиях и на Западе, и на Востоке, мы с ним снова встретились как студенты экономического факультета МГУ, правда, разных курсов, но из одного общежития. А.П. Микулич — кандидат экономических наук, долгие годы работал доцентом кафедры политической экономии Новгородского педагогического института (теперь — университета), известный коллекционер-нумизмат, путешественник, сейчас на пенсии.

⁴ В советских Военно-воздушных силах (в отличие от германских) технический персонал входил в состав боевых соединений, частей, их подразделений (эскадрилий и звеньев) и боевых экипажей самолетов. Так, экипаж штурмовика ИЛ-2 в 1944 году состоял из летчика-командира, воздушного стрелка, авиамеханика, младших авиаспециалистов — моториста и мастера по вооружению. В звене (четыре машины) были: командир (один из летчиков), техник звена, старший авиамеханик (один из четырех), механики по вооружению, приборам и по электрооборудованию. Эскадрилью (12 машин) возглавлял командир (летчик), в техсостав входили: инженер по эксплуатации, техники по вооружению, приборам и электрооборудованию. Снабжение горюче-смазочными материалами, боеприпасами, продовольствием, обмундированием, денежное довольствие, аэродромное и банно-прачечное обслуживание осуществлялись специальными батальонами аэродромного обслуживания (БАО), находившимися в структуре службы тыла воздушной армии и во временном оперативном подчинении командиров боевых частей, которые они обеспечивали.

⁵ С теплом вспоминаю своих боевых товарищей — авиамехаников нашей эскадрильи В. Пальчикова, М. Розова, В. Тарасова, Г. Тихонова, А. Савинкова, Н. Слюсарева, П. Чибисова, Ф. Новикова, А. Кужелева, И. Шахлаина и других, техника звена К. Николаева, инженера эскадрильи В. Медведева.

⁶ В «перестроечные» и в 90-е годы многие бывшие, в том числе и «ведущие», советские философы и политэкономы, даже академики, стали подвергать критике и даже отказываться от марксистского материалистического понимания истории, отрицать исторический материализм как на-

учную концепцию, неправомерно отождествляя его с вульгарной теорией так называемого «экономического материализма», не принимая разъяснений Ф. Энгельса и Г. В. Плеханова на этот счет. А вот крупнейший западный экономист-теоретик немарксистского мировоззрения Й. Шумпетер в числе научных достижений Маркса отмечал как раз его социально-философскую концепцию. Во втором томе своего фундаментального произведения «История экономического анализа» он пишет о том, что социологические разделы теории Маркса «содержат вклады в науку первостепенной важности, такие как “экономическая интерпретация истории”, которая <...> является его изобретением в той же мере, в какой дарвиновская теория происхождения человека изобретена Дарвином» (см.: Указ. соч. СПб., 2001. С. 511). Й. Шумпетер противоречив в оценке марксизма, но он подчеркивает «величие замысла и тот факт, что марксистский анализ является единственной (по сравнению с его предшественниками. — В. Ч.) по-настоящему эволюционной экономической теорией, созданной в тот период». Его «великое видение имманентной эволюции экономического процесса (которая, действуя каким-то образом через накопление, как-то разрушает капиталистическую экономику и общество эпохи свободной конкуренции и создает нетерпимую ситуацию в обществе, которая каким-то образом порождает другой тип общественного строя) устояло перед самой мощной враждебной критикой» (там же. С. 579—580).

⁷ Моим «напарником» стал студент нашего курса, волжанин, уроженец Саратовской области, тоже участник и инвалид Великой Отечественной войны В. Ф. Казаков, проработавший после окончания факультета до конца своей жизни на кафедре политической экономии Саратовского политехнического института. Теперь заместителем декана экономического факультета Саратовского технического университета по науке работает его дочь, профессор, доктор экономических наук Н. В. Казакова.

⁸ До 1953 года деканат экономического факультета находился на втором этаже здания, выходящего на Моховую напротив Манежа, позднее он переместился на второй этаж главного корпуса (декан профессор М. М. Соколов). Кафедра политической экономии занимала вначале две полутемные комнаты с низкими потолками и маленькими окнами на первом этаже соседнего («старого») здания, где был актовый зал и располагался ректорат МГУ. В этом помещении в 1954 году я защищал на кафедре свою дипломную работу.

⁹ Эта круглая и значительная по смыслу дата не была, к сожалению, отмечена достойным образом. К этому времени три из четырех кафедр поменяли названия, став кафедрами экономической теории с уточнениями: «экономической политики» и «предпринимательства». Затем кафедры естественных и гуманитарных факультетов слились в одну кафедру. В настоящее время ею заведует профессор И. И. Столяров. Эта кафедра все же отметила свой юбилей научной конференцией в декабре 2003 года, напомнив, вероятно, кафедре экономического факультета, что колокол может позвонить и по ней. С 1987-го по 1997 год кафедрой экономического факультета руководил профессор В. В. Радаев. С 1997 ее заведующим является профессор А. А. Пороховский. Что же касается кафедры в ИППК при МГУ, то она продолжает функционировать под именем кафедры экономической теории. Заведует ею профессор А. В. Сидорович, под редакцией которого вышел в двух изданиях

«Курс экономической теории». На этой кафедре в качестве профессора работает и мой сын Олег Черковец, доктор экономических наук, занимающийся вопросами интеграции в мировой экономике, в частности, экономическими отношениями между странами СНГ.

¹⁰ Назову их по алфавиту с указанием высшей должности: Волкова-Богомолова В.А. (зав. кафедрой маркетинга Московского университета печати), Ерин Н.И. (проректор Уманского сельскохозяйственного института), Иванова Р.К. (главный научный сотрудник Института экономики РАН), Каманкин В.П. — участник Великой Отечественной войны (профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС), Кассиров Л.Н. (ст. научный сотрудник Института экономики АН СССР), Кондрашев В.Т. (профессор Экономической Академии им. Г.В. Плеханова), Осипович Л.Я. (декан финансового факультета Академии им. Г.В. Плеханова), Кудров В.М. (зав. отделом Института Европы РАН), Курбатов В.П. (ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН), Марцинкевич В.И. (главный научный сотрудник ИМЗМО РАН), Мочалов Б.М. (ректор Института народного хозяйства им. Плеханова), Муталимов М.Г. (зав. кафедрой экономической теории Белорусского университета), Перламутров В.Э. (член-корр. РАН, зам. директора Института рынка РАН), Радаев В.В. (зав. кафедрой политической экономики экономического факультета МГУ), Погосов И.А. (заместитель председателя Госкомстата СССР), Руднев В.Д. (ректор Алма-атинского института народного хозяйства), Советова А.П. (зав. каф. политической экономики Кемеровского университета), Фигуровская Н.К. (главный научный сотрудник Института экономики РАН), Чибриков Г.Г. (зав. кафедрой экономики зарубежных стран экономического факультета МГУ), Шабалин В.И. (чрезвычайный и полномочный посол СССР на Филиппинах и в Бирме), Васильева-Ягодкина И.А. (зав. каф. экономической теории Московского экономико-статистического института). Назову также бессменного старосту нашего курса участника Отечественной войны П.Н. Николаева, работавшего долгие годы преподавателем на кафедре политической экономии одного из вузов в казахстанском городе Рудный. Еще один участник войны — наша сокурсница Е.А. Кузьминова, супруга известного политэконома, заведующего кафедрой политической экономии Академии общественных наук при ЦК КПСС профессора И.И. Кузьминова.

¹¹ Будучи оставлен после окончания аспирантуры в 1957 году ассистентом, став в 1967 году профессором кафедры и проработав весь период до 1985 года в сотрудничестве с Н.А. Чаголовым, я был не только свидетелем происходившего на кафедре, но и непосредственным участником тех событий, в частности, своеобразных «бури и натиска» 60-х годов. Имя «шестидесятников» стремятся приватизировать так называемые диссиденты, противники марксизма, социализма и советской власти. Но «шестидесятниками» были и сторонники марксизма, сторонники более глубокого и полного изучения реальной действительности и ее улучшения на основе марксистских методологических принципов. Были и такие, кто стоял на позициях социализма лишь формально, удовлетворяясь уровнем его официальной политизировано-пропагандистской трактовки, а стремление к углубленной разработке его теории считая «схоластическим теоретизированием», принижая тем самым роль теории вообще. Третьи под лозунгом «нового мышления» разрушали основы марксистского учения, заменяя их псевдомарксизмом.

Кафедра политической экономии под руководством Н.А. Цаголова активно боролась с теми, другими и третьими, разоблачая псевдомарксизм и мнимых сторонников марксизма и социализма, полемизируя одновременно с неоклассическими принципами западной экономической теории.

¹² В России предпринимаются попытки интерпретировать некоторые современные акции по «ренессансу» политической экономии, наблюдающиеся в западных, в том числе американских научных кругах, и, следуя их примеру, «восстановить» политическую экономию как научную и учебную дисциплину по изучению *экономической политики*, а не объективных экономических отношений и их законов. Такой подход не отвечает прежней, традиционной точке зрения кафедры политической экономии экономического факультета МГУ.

¹³ Теоретическое обоснование дается и проектам решения отдельных практических проблем, например в строительстве. Такого рода исследования — это «третий вид» теоретических разработок, не имеющий отношения не только к политической экономии, но и к наукам конкретной экономики. Конечно, кафедра политической экономии не занималась и такими, в общем полезными вопросами, как, например, рекомендации вкладчику по оптимальной частоте посещения банка с целью снятия денег для своих обычных покупок, хотя за подобного рода инструкции стали присуждаться даже Нобелевские премии.

¹⁴ Именно в первом издании заложены основные методологические принципы всех трех изданий, с него начинается хронология «Курса», которому в 2003 году исполнилось 40 лет. В предисловии к третьему изданию Н.А. Цаголов писал, что авторы руководствовались необходимостью «еще более последовательной реализации методологических основ “Курса”» (Вопросы методологии и системы политической экономии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 417). В юбилейный год кафедры уместно, думаю, вспомнить и о первых авторах (большинство из них уже ушло из жизни). Авторы I тома «Досоциалистические способы производства»: академик АН СССР А.А. Арзуманян, чл.-корр. АН СССР А.И. Пашков, доктора наук Н.А. Цаголов, В.В. Атлас, А.Я. Боярский, Г.С. Григорян, М.С. Драгилев, М.В. Колганов, Н.И. Мохов; кандидаты наук В.С. Володин, А.Я. Кошелев, А.Б. Николаев, Ю.М. Рачинский, Г.Ф. Руденко, М.В. Солодков, Н.В. Хессин, В.Н. Черковец, В.Н. Ягодкин. В работе редакционной группы первого тома принимали участие (отмечено на титуле): В.Н. Черковец, Н.В. Хессин (по значительной части тома); М.С. Драгилев, В.П. Шкрядов (по отдельным разделам); Э.П. Дунаев, Ф.М. Волков, В.Н. Ягодкин, Н.Д. Гаузнер (по отдельным главам). Авторы II тома «Социализм»: члены-корреспонденты АН СССР А.И. Пашков, Л.А. Булочникова, Т.С. Хачатуров; академик АН Армянской ССР А.А. Аракелян; доктора наук Н.А. Цаголов, В.М. Батырев, А.Я. Боярский, В.А. Жамин, И.И. Козодоев, М.В. Колганов, Ф.П. Кошелев, А.Г. Куликов, М.П. Осадько, Н.С. Спиридонова; кандидаты наук Г.Д. Анисимов, А.В. Бачурин, Л.А. Булочникова, Ф.М. Волков, Е.С. Городецкий, С.С. Дзарасов, Э.П. Дунаев, В.Н. Кириченко, Б.М. Сухаревский, Г.Н. Худокормов, В.Н. Черковец, В.П. Шкрядов, В.Н. Ягодкин. В работе редакционной группы второго тома принимали участие (отмечено на титуле): В.Н. Черковец, Н.В. Хессин, В.П. Шкрядов (по значительной части тома); М.П. Осадько, Г.Д. Анисимов (по отдельным разде-

лам); Э.П. Дунаев, И.И. Козодоев, Г.М. Харахашьян, Л.А. Булочникова, С.С. Дзарасов (по отдельным главам).

¹⁵См., напр., монографии: «О методологических принципах политической экономики как научной системы» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965), «Социализм как экономическая система» (М.: Экономика, 1982), статьи «Курс политической экономики: проблемы методологии и теории» (Вестник МГУ. Экономика. 1974. № 5); «Университетский курс политической экономики: 30 лет спустя» (РЭЖ. 1994. № 10, 11); «Из истории политической экономики социализма. К 100-летию Н.А. Цаголова»: (Из истории экономической мысли и народного хозяйства России: Сб. науч. тр. Института экономики РАН. Вып. 3 / Под ред. Н.К. Фигуровской. М.; Волгоград, 2002).

¹⁶ Действительно, такой аспект работы нашел отражение в лекциях и семинарах, особенно в спецсеминарах. Возникла необходимость в написании новых комментариев к «Капиталу», к его отделам и главам. Вышли в виде отдельных брошюр: Хессин Н.В. Вопросы теории, товара и стоимости в «Капитале» Маркса. М., 1964; Черковец В.Н. Превращение денег в капитал. М., 1960; Он же. Производство абсолютной прибавочной стоимости. М., 1961; Ягодкин В.Н. Производство относительной прибавочной стоимости. М., 1961; Мансилья-Круз А. Процесс накопления капитала. М., 1961. Работа по созданию целостного труда так и осталась незавершенной. Однако в 1983 году под редакцией Н.А. Цаголова были переизданы с некоторыми дополнениями известные «Комментарии к “Капиталу” К. Маркса» Д.И. Розенберга, в довоенные и первые послевоенные годы работавшего в МГУ.

¹⁷ В подготовке многих работ, выполненных под моим руководством в Институте экономики, большую роль сыграл коллектив научных сотрудников отдела Общих проблем политической экономики, в частности заведующие его секторами А.А. Сергеев, Р.К. Иванов, В.Г. Стародубровский, П.В. Савченко, А.В. Вихляев, старшие научные сотрудники О.В. Катихин, Г.И. Латышева и др. На повышение научного уровня при подготовке и обсуждении материалов отдела в целом, его регулярно проводившихся методологических семинаров оказывали влияние такие известные ученые, как Я.А. Кронрод, В.Г. Венжер, А.М. Еремин, И.А. Анчишкин, А.И. Кац, Ю.Я. Ольсевич. Профессионально исполняли свои обязанности младшие научные сотрудники и научно-вспомогательный персонал.

¹⁸ См.: Российский экономический журнал. 2003. № 4. С. 80.

¹⁹ Об этом см.: «Капитал» и экономикс / Под ред. В.Н. Черковца. М.: ТЕИС, 1998. Хочу заметить, что полемика с неоклассическими концепциями не означает, что их надо игнорировать, не замечать (как поступают, к сожалению, их представители по отношению к своим оппонентам), не изучать. Напротив, сравнительный анализ теоретических систем, в данном случае «Капитала» и «Экономикса» как представителей современного «мейнстрима», предполагает не только «знакомство», а тщательное исследование альтернативной теории и методологии. Односторонность, необъективность, а тем более верхоглядность здесь недопустимы с обеих полемизирующих сторон. Представленный в ряде моих работ критический анализ опирается на то, что в поле своего зрения я нахожу место для знакомства и изучения различных изданий «Экономикс» — П. Самуэльсона, К. Макконнелла и Л. Брю, С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р. Шмалензи, Г. Мэнкью и других, а

также их многочисленных переложений в «домашних» пособиях по «экономической теории», распространенных в аудиториях российских вузов.

²⁰Лже реабилитація некоторых (кроме политической экономии) частей марксизма в форме признания некоего «либерального марксизма» в последних выступлениях теоретиков из ряда российских радикальных либералов и их сторонников (Вопросы экономики. 2004. № 4, 5, 9, 10) свидетельствует лишь об их идейно-методологической неустойчивости. Я уже не говорю о тех, кто пытается в очередной раз шумливо, но не убедительно опровергнуть Марксову экономическую теорию, обещая читателю дать ей «современную научную оценку», выдавая за новые, а на самом деле повторяя многократно озвученные и от этого истершиеся «аргументы», обнаруживая при этом (в лучшем случае) удивительное непонимание или искаженное представление о предмете (Вопросы экономики. 2004. № 12).

В.Н. Черковец,
доктор экономических наук, профессор

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СОЛОДКОВ. СОЛДАТ, УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ

Михаил Васильевич Солодков родился 28 мая 1921 года в деревне Вичири, находящейся рядом с Серпуховом. Она располагалась в пойме Оки, регулярно заливалась водой во время весеннего половодья и славилась замечательными заливными лугами.

Его отец Василий Дмитриевич Солодков был старшим сыном в семье из пяти детей. Он осиротел в 10 лет, когда его отец, механик на фабрике в Серпухове, удержав на руках сорвавшийся при монтаже паровой котел, погиб.

Василий Дмитриевич оказался ответственным за жизнь своих близких уже в таком юном возрасте. Он устроился на работу на московский завод «Манометр», откуда был мобилизован, вошел в Первую мировую войну, попал в плен в Австро-Венгрии. Три раза бежал, причем два раза неудачно. Оба раза его в наказание подвешивали за руки. Последний раз побег удался.

Мать Анна Федоровна Солодкова окончила церковно-приходскую школу. Кроме Михаила в семье был старший брат Павел и младшая сестра Серафима.

После возвращения из плена, Василий Дмитриевич опять стал работать на «Манометре», а семья продолжала жить в деревне.

Михаил рос обычным деревенским парнем, очень любил ходить в ночное, кататься на лошадях без седел, отбивая себе пятую точку, а лучший способ лечения таких ушибов, как рассказывал потом отец, — это посидеть пострадавшим местом в пыли.

В конце 20-х годов семья переселилась в Москву на улицу Нижняя Масловка и разместилась в одной длинной комнате в деревянном бараке с удобствами во дворе.

Михаил Васильевич очень любил занятия спортом, часто бывал на находившемся рядом с домом стадионе «Динамо». Отец всегда с удовольствием ходил на футбол, очень любил катание на лыжах и был чемпионом района по скоростному бегу на коньках. Поскольку с братом Павлом они учились в разных школах, то

зачастую соревновались друг с другом, представляя разные команды.

Весной 1939 года Михаил Васильевич окончил 210-ю среднюю школу, находившуюся на 5-й Тверской-Ямской улице. Отец обладал сильным характером, и в школе, по мнению родственников, был лидером. Летом 1939 года он поступил в институт стали и сплавов, однако к учебе так и не приступил, так как в августе 1939 года вышло постановление Верховного Совета СССР о мобилизации всех учащихся 10-х классов. Михаил Васильевич попал под мобилизационный призыв.

Он очень хотел, памятуя о своей деревенской молодости, оказаться в кавалерии, а попал в саперную часть, которая размещалась под Харьковом, в городе Чугуеве. Когда началась Финская война 1939 года, его часть перебросили на север. Как говорил сам Михаил Васильевич, на этой войне он отличиться не успел, поскольку к моменту прибытия части на место дислокации война успела закончиться, и часть вернули в Чугуев.

После ввода советских войск в будущую Советскую Прибалтику отец оказался сначала в Латвии, а потом в Литве. По его рассказам, встречали советские части в Прибалтике очень тепло. Особо Михаилу Васильевичу запомнилось, что местные девушки танцевали в деревянной обуви, и когда девушка раскручивалась в танце с партнером, то деревянные башмаки разлетались в стороны с жутким треском. Специально отец литовский язык не учил, но у него на всю жизнь остались в памяти отдельные литовские фразы, которые он использовал во время наших поездок в Прибалтику в 70-е годы, удивляя всех окружающих.

После Литвы саперную часть перевели в местечко Кальвария, которое находилось на границе с Восточной Пруссией.

И вот здесь произошла достаточно странная история, связанная с началом Великой Отечественной войны, потому что, по словам отца, в его части объявили 16 или 18 июня о том что, 22 июня начнется война с Германией. После чего их вывели в поле и, поскольку часть была саперная, они стали строить полевые укрепления и строили их вплоть до утра 22 июня, хотя примерно двести километров восточнее находилась линия Сталина, подготовленная к обороне в течение многих предвоенных лет.

22 июня началась атака немцев. Часть вступила в бой на самой границе. Затем было долгое и тяжелое отступление, в ходе которого

М.В. Солодков в годы войны

часть 3 раза оказывалась во вражеском кольце, при этом из окружения выходили с оружием и со знаменем. Часть дошла до Ржева, где немцы были окончательно остановлены. Здесь я хочу сделать оговорку. Михаил Васильевич не любил рассказывать о войне. Он всегда говорил, что война очень грязное дело и лучше об этом не вспоминать. О военной жизни отца я узнавал от сослуживцев, друзей и его студентов, а сам он не терпел подобных рассказов. Слишком тяжелым был его военный опыт, тем более, что к началу войны отцу только исполнилось 20 лет.

Он очень критически отзывался о фильмах о Великой Отечественной, отмечая, что они слишком приукрашивают действительность. Так, например, в фильмах советские войска передвигаются на грузовиках, а он от границы Восточной Пруссии до Ржева дошел пешком, никто его никогда в ходе отступления не подвозил. Он сталкивался с тем, что выдавалась одна винтовка на троих, и люди шли в атаку, — одни с винтовкой, а остальные ждали, когда кого-то убьют, чтобы эту винтовку подобрать. А ведь где-то рядом были еще до войны оборудованные склады с вооружением и амуницией.

Отец служил в кадровой части, которая умела воевать, а рядом с ними были ополченцы, зачастую даже не прошедшие курса молодого бойца. По его воспоминаниям, части, укомплектованные ополченцами, редко выживали в зоне боевых действий более одной недели. Потери были чудовищны.

Когда отец оказался под Ржевом, отступление было остановлено и началась долгая позиционная война. Как говорил отец, сапер всегда первым наступает, поскольку надо делать проходы в минных полях, и последним отступает, так как надо минировать пути отступления и взрывать мосты.

Я помню достаточно смешной эпизод, как отец познакомился со своим лучшим фронтовым другом Анатолием Рукавишниковым. Часть стояла в небольшой деревне, питание не под-

возилось, и в каком-то погребе солдаты обнаружили замороженную картошку, попробовали ее отварить, но она оказалась на вкус противной и сладкой. Тут кому-то в голову пришла светлая идея, что сладкую картошку можно перегнать на самогон, что и было сделано. В момент, когда самогон был уже готов и вся компания уселась за стол отпраздновать это событие, пришел особист части Анатолий Рукавишников с проверкой. Налицо было явное нарушение устава. Рукавишников спросил: «Чем вы тут занимаетесь?» Саперы рассказали правду и предложили ему выпить. Особист не смог устоять, ему налили, потом еще раз, затем завязалась дружба, которая продолжалась всю их жизнь.

Сапер, как известно, ошибается один раз. Михаилу Васильевичу повезло самому ни разу не ошибиться, но ошибся его друг. Зимним днем, когда они шли на задание, сработала мина-ловушка. Друг погиб, а Михаила Васильевича ранило в ногу, и из-за вражеского обстрела он пролежал в поле всю светлую часть дня. Вынесли его только ночью. Когда отца привезли в полевой госпиталь, у него уже началась газовая гангрена. Ногу ампутировали, и после этого отца перебросили в тыловой госпиталь в город Ковров. Показательно, что все деньги, полученные в госпитале, а это было около 80 рублей, по тем временам крупная сумма, он переслал домой, не оставив себе ни копейки.

Сестра Михаила Васильевича Серафима, навестив его в госпитале в Коврове, была поражена тем, что Михаил Васильевич, 1921 года рождения, среди раненых, лежавших там, был одним из самых старших. Все остальные, по сути мальчишки, которые были танкистами, летчиками, пехотинцами, обожженные и покалеченные, были младше его.

Но даже в госпитале жизнь шла своим чередом. Эти раненые мальчишки, по-другому их назвать нельзя, несмотря на свои раны спускались на простынях из окон и отправлялись на городские танцы, где пользовались невероятным успехом у местного женского населения.

Нога у Михаила Васильевича не срасталась, и врач по фамилии Шалабула принял решение делать вторую операцию, причем под местной анестезией вместо общего наркоза, которого просто не было. Под местной анестезией понимался неразведенный медицинский спирт. Отцу выдали стакан со спиртом и сказали: «Выпей, и как станет хорошо, начинай пить». Как только

он запел, тут ему ногу второй раз и отпилили. После чего, слава Богу, заживление пошло более-менее благополучно.

В 1943 году отец демобилизовался из армии и оказался дома в Москве. Хотел восстанавливаться в институте стали и сплавов, но узнал, что в МГУ открылся экономический факультет, куда с огромным желанием принимают бывших фронтовиков. Он забрал свои документы из института стали и сплавов и поступил, а, по сути, переводом был зачислен на экономический факультет МГУ, который окончил в 1948 году.

В 1947 году Михаил Васильевич женился на моей матери Эльмире Павловне, в девичестве Блохиной, своей однокурснице. Сразу справлялись две студенческие свадьбы: Солодковых и Станисов, которые были большими друзьями.

Семья в то время продолжала жить на Нижней Масловке. Дом, по старой московской традиции, был всегда открыт для гостей. Приезжали друзья-однополчане, брат Павел Васильевич, который служил в авиации в Иркутске, однополчане Павла Васильевича, желанными гостями там были Е.И. Капустин, В.Ф. Станис, Ю.М. Рачинский, все однокурсники.

Вся жизнь Михаила Васильевича, так или иначе, оказалась связана с экономическим факультетом МГУ. Окончив факультет, он поступил в аспирантуру на кафедре политической экономии, которую возглавлял Анатолий Игнатьевич Пашков. Тему диссертации отец выбрал по теории прибавочной стоимости. Успешно защитившись, он стал вести семинарские занятия и читать лекции по курсу политической экономии.

В то время на факультете работали выдающиеся ученые, среди которых хотелось бы выделить академика, вице-президента АН СССР Константина Васильевича Островитянова, заведовавшего кафедрой политической экономии с 1943 по 1948 год, заслуженного деятеля науки РСФСР Дмитрия Васильевича Савинского, одного из основателей советской статистики, создателя экономического факультета МГУ профессора Ивана Дмитриевича Удальцова, одного из создателей кафедры и в целом направления анализа хозяйственной деятельности предприятий профессора Сергея Кузьмича Татура.

Учитывая специфику того времени, и то, что реальная власть концентрировалась в партийных органах, Михаил Васильевич одновременно делал и партийную карьеру. Он был членом партий-

ного бюро экономического факультета, членом парткома МГУ, а в 1962 — 64 годы — секретарем парткома МГУ. Однако от предложения стать секретарем Ленинского райкома партии и членом горкома отец отказался, объясняя, что он не хочет разрывать своей связи с МГУ.

В конце 50-х начале 60-х годов он выпустил работы «Капитал и прибавочная стоимость» (М., 1959), «Социалистическое расширенное воспроизводство в условиях строительства коммунизма» (М., 1961), «Крупное машинное производство» (М., 1962) и др. Книга «О некоторых закономерностях распределения труда между производственной и непроизводственной сферами в СССР» (М., 1960) была переведена в Японии.

За участие в создании двухтомного курса политической экономии под редакцией Николая Александровича Цаголова (М., 1963) он получил вместе с другими авторами Ломоносовскую грамоту.

М.В. Солодков занимался проблемами экономики непроизводственной сферы. В те годы это было достаточно нетрадиционно, поскольку непроизводственная сфера считалась вторичной относительно сферы материального производства. Михаил Васильевич считал, что поскольку непроизводственная сфера создает нематериальные блага в форме услуг и в обществе происходит сдвиг в пользу потребления услуг, а не товаров, то именно через нее должен реализоваться основной экономический закон социализма. Он неоднократно отмечал, что по мере развития общества, доля занятых в непроизводственных отраслях экономики будет расти быстрее, чем в сфере материального производства, поскольку в непроизводственной сфере тенденция замещения живого труда овеществленным выражена гораздо в меньшей степени, чем в материальном производстве. Данное утверждение противоречило существовавшей в то время парадигме о приоритете развития сферы материального производства.

Помню, когда мне было 10 лет, как-то на прогулке отец объяснил мне концепцию трех факторов производства, а также рассказал, из каких частей состоит национальный доход. Особенно мне было непонятно, зачем нужен фонд возмещения в совокупном общественном продукте. Отцу пришлось объяснять это на примере земледельца, который делит урожай зерна на три части: одна остается на семена для существующей пашни, другая

сдается и выменивается на необходимые продукты, а третья остается на возможное расширение посевов.

М.В. Солодков уделял большое внимание категориям производительного и непроизводительного труда, их соотношению. Причем вопрос производительности труда обычно рассматривался в контексте с проблемами соответствия данного труда способу производства. С этой точки зрения труд кустарей или частных репетиторов при социализме признавался трудом непроизводительным.

Услугу отец рассматривал вне каких-либо исторических рамок, отмечая, что и при капитализме, и при социализме она связана с потреблением созданного дохода.

Михаил Васильевич Солодков стал, по сути дела, основоположником нового направления в экономической науке СССР — экономики непроизводственной сферы. Сейчас очевидно, что стоимость услуг должна включаться в произведенный ВВП. Однако в то время услуги никаким образом не учитывались. Он предложил относить к сфере нематериального производства все отрасли и виды деятельности, не обеспечивающие непосредственного обмена вещами между человеком и природой.

Михаил Васильевич выступил инициатором создания на факультете кафедры экономики непроизводственной сферы, которую он возглавлял с 1971 по 1979 годы. При кафедре имелась лаборатория по социально-культурным отраслям, которой руководил профессор Евгений Николаевич Жильцов.

В 1972 году под редакцией М.В. Солодкова был издан первый университетский учебник «Экономика непроизводственной сферы», в котором обосновывались значимость нематериального производства и необходимость приоритетного его финансирования.

За серию книг и монографий по экономике непроизводственной сферы отец был удостоен Ломоносовской премии. Среди первых аспирантов М.В. Солодкова хотелось бы выделить В.П. Панкратову, Р.Н. Самара, и Л.И. Якобсона, являющегося в настоящий момент первым проректором ГУ-ВШЭ.

Михаил Васильевич очень тесно и неформально работал со своими аспирантами, причем не только в университете, но зачастую и дома. Велись научные дискуссии, каждый отстаивал свою точку зрения, после чего все дружно садились за обеденный стол. Интересно, что если на работе Михаил Васильевич был макси-

мально демократичен, то дома он являлся абсолютным диктатором. Его решение всегда было окончательное, хотя и в этом случае оно всегда подлежало обсуждению и критике.

С 1965 года в течение 12 лет он являлся деканом экономического факультета. Мне сложно оценивать отца как декана, но сейчас я встречаюсь со многими людьми, которые старше меня, и несмотря на то, что я заведу кафедрой и являюсь директором института, они узнают во мне, прежде всего, сына Михаила Васильевича, что, безусловно, очень приятно. Человек оставил большую и долгую память о себе.

По словам моих преподавателей, многие из которых были студентами и аспирантами Михаила Васильевича, двери его кабинета были всегда открыты. Люди приходили с самыми разными вопросами, которые возникают в нелегкой студенческой жизни, и он по возможности старался им помогать. Домой отец возвращался достаточно поздно, и при этом телефон никогда не умолкал.

Полученные на войне раны и тяжелая инвалидность не изменили его жизнелюбивого характера. Из личных воспоминаний я могу сказать, что каждое утро Михаил Васильевич в любую погоду ходил делать так называемую физзарядку. Что это означало? Кроме упражнений еще и трехкилометровую пробежку на протезе. Я не выдерживал его темпа. Когда он приходил домой и снимал протез, то было страшно смотреть на его большую ногу. Зимой каждое воскресенье мы всей семьей ехали кататься на лыжах. Он очень любил лыжные соревнования, которые проводились на факультете. Сколько я себя помню, я наблюдал практически все соревнования, которые проходили в подмосковных лесах, а также болел за сборную факультета по водному поло.

Михаилу Васильевичу очень нравились регулярные поездки в деревню Вичири. Там собиралась вся родня, пели за столом старые песни, начиная еще с солдатских XIX века, купались на озере, ходили в лес за грибами и в овраг, где бил ключ с очень вкусной питьевой водой.

Отец с детства приучил меня к грибной охоте, знал все грибы, которые растут в подмосковных лесах. Он никогда не охотился с ружьем, а любая рыбалка приводила к тому, что раз забросив снасти, мы затем распутывали их весь день.

В доме было два чулана, в которых мы обычно спали. Перед сном наступало самое интересное: гасился свет, и Михаил Васильевич начинал рассказывать сказки, которые он тут же и придумывал. Основными сюжетами были взаимоотношения простого солдата и Змея Горыныча. Мы с сестрой Машей и моим двоюродным братом Володей слушали эти истории раскрыв рот и всегда требовали продолжения.

Отец, когда было время, еще до работы любил ездить на машине в Рублево купаться. Причем эти купания продолжались вплоть до первого льда. Прекрасно помню, как я, одетый, на берегу, а Михаил Васильевич раздевается и раздвигая только-только появившиеся льдинки, отдуваясь и свистя, как морж, плывет по этой холодной воде.

Он был настоящим коммунистом, причем коммунистическая идеология означала для него в отличие от существующей сейчас интерпретации следующее: всегда первым закрывать своим телом амбразуру; всегда честно и открыто говорить людям, что ты о них думаешь даже в том случае, если это может быть очень нелицеприятно для них и повлечет тяжелые последствия для тебя; никогда не пытаться подыгрывать начальству, а отстаивать свою точку зрения; если коллектив, по твоему мнению, не прав, то пытаться доказать, что коллектив движется в неверном направлении; и самое главное — всегда быть честным перед собой и перед другими за все свои поступки.

60-е годы и начало 70-х годов — период бурного роста экономической науки. Многие сотрудники факультета принимали непосредственное участие в подготовке «Косыгинской» реформы 1965 года, которая должна была изменить закосневшую структуру советской экономики. Большое значение приобрели прикладные исследования. Михаил Васильевич активно поддерживал предложение профессора Дмитрия Игнатьевича Валентея о создании лаборатории народонаселения, на базе которой в конечном итоге возник учебно-научный центр по изучению проблем народонаселения. Таким образом, на экономическом факультете МГУ, по сути, с конца 60-х годов получило развитие новое направление экономической науки — демографии.

В 1957 году отец пригласил в МГУ из Института экономики профессора Николая Александровича Чаголова, который затем стал заведующим кафедрой политической экономии, хотя

отношения с ним складывались не всегда просто. Но при этом мы продолжали дружить семьями.

В 1962 году благодаря содействию Михаила Васильевича, который в тот момент был секретарем парткома МГУ, на факультете была открыта кафедра математических методов анализа в экономике, которую возглавил Виталий Алексеевич Жамин.

С Гавриилом Харитоновичем Поповым, руководившим кафедрой планирования народного хозяйства, Михаил Васильевич был очень дружен вплоть до конца 70-х годов. Я до сих пор благодарен Гавриилу Харитоновичу за организацию захоронения отца.

Наш дом был всегда открыт для гостей. Приходили аспиранты Михаила Васильевича, профессора экономического факультета, друзья самых разных рангов и званий. Причем все дружили семьями. Прекрасно помню Геворга Ашотовича Егиозаряна, Игоря Павловича Фаминского, который в данный момент руководит факультетом международных отношений ГУ-ВШЭ, Женю Нагибина, аспиранта Михаила Васильевича, к сожалению, очень рано ушедшего из жизни, Василия Петровича Колесова, уже «бессменного» декана экономического факультета, Ахматбека Суттубаевича Суумбаева, председателя Совета министров Киргизской ССР, Алексея Парамонова, известного футболиста и тренера «Спартака», Юрия Михайловича Рачинского, Ивана Леонтьевича Величко, командующего Прибалтийским военным округом, Алексея Яковлевича Никитина, мастера мастерских физического факультета МГУ, Олега Дмитриевича Проценко, нынешнего проректора Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Всех перечислить практически невозможно.

Последние годы жизни отца мы часто спорили по поводу изменений в стране и мире. По сути, происходило крушение того мира, за который он всю жизнь боролся.

Он был, безусловно, за перемены, за анализ ошибок, а не за тотальное отрицание и переписывание истории. Прекрасно помню его интерпретацию убийства С.М. Кирова, основанную на связи Кирова с женой Николаева. Он возмущался, когда это дело пытались трансформировать в заказное убийство, где заказчиком выступал Сталин.

Это не означает, что он поддерживал ту систему, которая существовала в нашей стране до 1985 года. Ему откровенно было стыдно за страну, когда Л.И. Брежнев появлялся на трибуне в

Профессор М.В. Солодков

последние годы жизни и пытался что-то сказать. Более того, в своей докторской диссертации, представленной к защите в 1976 году, он ни разу не процитировал Брежнева, что по тем временам было недопустимо (любая публикация тех лет начиналась с цитаты «дорогого» Леонида Ильича). Этим фактом Михаил Васильевич искренне гордился.

Отец знал Брежнева начала 60-х годов и встречался с ним по вопросу строительства нового корпуса гуманитарных факультетов. Отцу запомнилось, что он, придя в Кремль вместе с ректором МГУ Петровским,

открыл дверь в кабинет, и Леонид Ильич вышел из-за стола и встретил их около дверей. Для чиновника такого ранга это было в высшей степени необычно и означало проявление большого уважения к гостям. Состоялась очень хорошая беседа, и было принято решение о строительстве нового корпуса МГУ, в котором в дальнейшем разместился и экономический факультет.

Когда начался период разрядки, то отец впервые в жизни побывал в США. Там он встречался с деканом Гарвардской школы бизнеса Томасом Пайпером. Они нашли очень много общего и, как-то, в ходе дружеских посиделок приняли решение о том, что сын декана Гарвардской школы бизнеса будет учиться в МГУ на экономическом факультете. Но время такое, что для одобрения подобного рода решений необходимо было получить согласие ЦК КПСС. Приехав в Москву, Михаил Васильевич данного согласия не добился, и ему было очень стыдно за то, что он пообещал, и, к сожалению, не смог обеспечить такой простой вещи, как приезд в СССР одного американского студента, правда, сына декана Гарвардской школы бизнеса. Уже позднее, зимой 1992 года, я встречался с Пайпером и объяснил, почему его сын так и не получил обещанного приглашения.

Михаил Васильевич, будучи истинным патриотом, всегда говорил об экономических преимуществах советской системы.

Говорил с юмором. Обычно он приводил один простой аргумент: «Вот посмотрите, у СССР ВВП приблизительно в 2 раза меньше, чем у США. Очевидно, что наши затраты на оборону адекватны затратам США, не надо забывать и затраты Западной Европы, которые сравнимы с затратами США. Мы при этом обладаем военно-стратегическим паритетом с блоком НАТО. Да, мы не платим нашим солдатам столько, сколько платят в США. Но с точки зрения вооружений, у нас больше подводных лодок, больше танков, больше стратегических ракет наземного базирования, у нас нет авианосцев, но в целом военно-стратегический паритет есть. А это означает, что финансовые затраты вполне сопоставимы. Однако СССР в состоянии поддерживать систему бесплатного здравоохранения, бесплатного образования, бесплатного предоставления жилья пусть не сразу и не хорошего качества. Все это свидетельствует о преимуществах экономической системы социализма».

После ухода с экономического факультета МГУ отец стал директором НИИ Госснаба СССР, а затем перешел в Институт экономики Академии наук. Но он живо интересовался жизнью экономического факультета МГУ, продолжал поддерживать прежние контакты и всегда оставался в курсе событий.

Отец, даже уже в почтенном возрасте, был человеком богатырского здоровья. В его гараже регулярно возникала проблема: таявший на крыше снег протекал, превращаясь на входе в гараж в монолитный лед, который не позволял открыть ворота. Лед постоянно требовалось скалывать. Как выяснилось позже, первого января 2000 года у отца случился инфаркт, о чем он не знал, и пошел долбить лед около гаража, поскольку он не мог остаться без машины, которая предоставляла ему необходимую свободу передвижения. Сколов лед, он пришел домой, сел смотреть телевизор, ему стало плохо. Моя сестра Маша вызвала скорую помощь, но приехавшие через 15 минут врачи уже, по сути, констатировали смерть.

Гражданская панихида состоялась в здании экономического факультета МГУ, куда пришло более тысячи человек. Время было тяжелое, и организовать поминки нам помогли администрация экономического факультета МГУ, руководство Академии народного хозяйства, Университета дружбы народов. Мы жили в большой четырехкомнатной квартире МГУ, которая стала тогда по-

минальным залом. Мы были поражены, как много людей восприняли смерть отца близко к сердцу. Пришли все те, с кем он работал и дружил долгие годы. Большое им спасибо.

После смерти Михаила Васильевича прошло более десяти лет, а я до сих пор часто сталкиваюсь с людьми, которые знают и помнят моего отца. К примеру, недавно я встретился с Павлом Алексеевичем Медведевым, депутатом Государственной Думы Российской Федерации, членом комитета по кредитным организациям. Я попросил его выступить перед слушателями моего института на одном из занятий. К моему удивлению, выступление Павел Алексеевич начал с воспоминаний о том, как он работал на экономическом факультете МГУ под руководством Михаила Васильевича и как тепло к нему относился.

Я горжусь тем, что моим отцом был сильный добрый человек, солдат, ученый и учитель, оставивший о себе такую долгую и светлую память.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА М.В. СОЛОДКОВА

1. О некоторых основных вопросах марксистско-ленинской теории национального дохода капиталистического общества // Вестник МГУ. Сер. Экономика и право. 1954. № 11.

2. О некоторых закономерностях распределения труда между производственной и непроизводственной сферами в СССР // Вопросы политической экономии социализма. М.: МГУ, 1960. (Переведена в Японии.)

3. Методология исследования производительного и непроизводительного труда при социализме. М.: МГУ, 1969.

4. Против одностороннего понимания категории «производительный труд» // Экономические науки. 1971. № 9.

5. Теоретические проблемы услуг и непроизводственной сферы при социализме. М.: МГУ, 1972. (В соавторстве.) (Переведена в ГДР.)

6. Понятие непроизводственной сферы, критерии определения ее границ // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1973. № 5.

7. Непроизводственная сфера в системе экономических отношений // Экономические науки. 1973. № 9.

8. *М.В. Экономические проблемы непроизводственной сферы // Экономические науки. 1974. № 10.*

9. Роль непроизводственной сферы в общественном производстве при социализме. М.: МГУ, 1976.

10. Роль непроизводственной сферы в повышении жизни уровня населения // Социализм и народное благосостояние. М.: Мысль, 1976.

В.М. Солодков,
сын *М.В. Солодкова*

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ЛЕБЕДИНСКИЙ. ИЗ КЛАДОВОЙ ПАМЯТИ

Профессор
Н.П. Лебединский

Сейчас, когда я пишу эти строки, идет уже 89-й год моей жизни. И для меня, как и для большинства людей старшего поколения в нашей стране, вопрос о необходимости активной планомерно организованной деятельности государства, прежде всего в сфере народного хозяйства, является бесспорным. Ни в каких логических доказательствах не нуждается любой, кто имеет возможность на собственном опыте сравнить — при всех минусах прошлого! — то, что было в Советском Союзе, с тем, что есть в современной России! Конечно, и специальные знания здесь не помешают, хотя

порой бывает достаточно элементарных представлений о ключевых моментах отечественной истории. Скажем, о том, что именно в то время, когда страна находилась в полуразрушенном состоянии, в начале 20-х годов прошлого века, зародилась по инициативе В.И. Ленина система общегосударственного централизованного планирования в виде «Плана ГОЭЛРО» — перспективного плана электрификации России, выполнение которого, как и первых пятилетних планов развития народного хозяйства, сыграло ведущую роль в преобразовании всех сторон жизни нового общества.

В полной мере эта удивительная эпоха отразилась и в моей судьбе, как и в судьбах миллионов моих современников. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что семилетку я окончил в Туле, там же окончил и ФЗУ на оружейном заводе, получив специальность слесаря. Одновременно учился на рабфаке. Уро-

вень подготовки в этих учебных заведениях был таков, что я по конкурсу поступил в знаменитый вуз — МВТУ им. Баумана. Так началась моя взрослая жизнь.

РОКИРОВКА В ДЛИННУЮ СТОРОНУ

После пяти лет теоретической и военной (а была и такая) подготовки меня направили для прохождения производственной практики и разработки дипломного проекта на одно из крупных оборонных оптико-механических предприятий в Москве, на что отводился еще год. Таким образом, проучившись в вузе шесть лет, я получил звание не только инженера-механика, но и среднего командира авиации. После защиты диплома я остался на этом заводе. Работать там было очень интересно, и к тому же, видимо, из-за довольно общительного характера на меня все больше и больше возлагали общественные обязанности. Жизнь в нашем коллективе, как и по всей стране, можно сказать, кипела, но в воздухе явно чувствовалось растущее предвоенное напряжение, которое особенно ощущалось на оборонном предприятии, выполнявшем все новые и новые государственные задания. Вторая мировая война зримо приближалась к границам СССР.

В этих условиях среди прочего «наверху» было принято решение поднять статус руководителей некоторых общественных организаций на производстве. На нашем заводе одного из моих товарищей — К. Б. Арутюнова — назначили парторгом ЦК ВКП (б), а меня — комсоргом ЦК ВЛКСМ. Конечно, это было почетно и вместе с тем значительно повышало нашу ответственность за порученное дело.

С началом войны резко возрос темп работы всего коллектива завода. Враг приближался к Москве. Обстановка потребовала кардинальных мер с тем, чтобы при любом повороте событий исключить возможность захвата военных заводов врагом.

Во-первых, последовала команда начать эвакуацию. Директор завода принял необычное решение: в первую очередь форсировать выпуск деталей, находящихся на завершающей стадии производства, и срочно вывезти их к месту эвакуации, в Свердловск, чтобы на новом месте как можно быстрее возобновить

выпуск остро необходимой фронту продукции. Затем вывезли и оборудование по всему технологическому циклу.

Во-вторых, было приказано завод заминировать, чтобы взорвать его в случае, если фашисты сумеют захватить Москву раньше, чем будет закончена эвакуация. На следующий же день прибыла группа саперов с машиной, загруженной взрывчаткой. Они заложили, где следовало, заряды и соединили пункты взрывов проводами в единую сеть. Теперь мы были уверены — завод немцам не достанется, что бы ни происходило на фронте. И вдруг во время очередного контрольного обхода обнаружилось, что эта сеть кем-то перерезана. Пришлось срочно переходить от системы проводов к отдельным коротким бикфордовым шнурам, хотя это намного повышало опасность для тех, кому было доверено выполнить такое задание.

Между тем положение на фронте осложнялось все больше. Немцы вплотную приблизились к Москве. Настало 16 октября. Началась паника. Чувствовалась потеря управления городом. На заводах и фабриках стали раздавать продукты и промтовары. Через открытые ворота предприятий их выносил кто как мог. На наш завод пришел приказ: оставить 10 человек взрывников, а их семьи отправить в эвакуацию, в город Кинешму. Через три дня Москва стала оживать, появились вооруженные отряды самообороны, усиленные наряды милиции, активно развернулись работы по установке противотанковых надолб и строительству других оборонительных сооружений.

На заводе закончились погрузка оборудования и формирование последнего эшелона. Его начальником и комиссаром были назначены соответственно Арутюнов и я. Выписанный мне на клочке бумаги мандат «подкреплялся» пистолетом, который годился больше для елочного украшения, чем для прямого применения. Хуже было то, что чуть ли не в день отъезда начальник эшелона внезапно исчез. Удалось узнать только одно: он получил особое задание и остается в Москве. Так что разделить ответственность за судьбу эшелона мне уже было не с кем.

Стартовали мы с дальних путей то ли Ярославского, то ли Казанского вокзала и двинулись на Урал, в Свердловск. Расстояние, которое предстояло преодолеть, 2500 километров, выражаясь шахматным языком, представляло собой дальнюю рокиров-

ку. Скорость поезда была очень низкой и лишь ненамного превышала скорость пешехода, так что мы были весьма удобной для немцев целью, и стоило нам выйти за пределы плотной воздушной обороны Москвы, как они на станции «Черусти» устроили нам ковровую бомбардировку. К счастью, наш эшелон не пострадал и через некоторое время продолжил свой путь.

Неделю спустя мы прибыли в Казань. Люди вышли размяться и узнать новости. Я, конечно, вышел тоже, причем без шапки и перчаток, так как было достаточно тепло. Через некоторое время я решил вернуться к своему вагону. Какой же ужас я испытал, когда нашего поезда, за который я отвечал, не оказалось на своем месте, и все пути были свободны! Придя в себя, я бросился искать хоть какую-то возможность вскочить в любой вагон любого эшелона, который двигался бы в нужном мне направлении, и довольно скоро она появилась в виде порожняка. К моему удивлению, ему, очевидно, была предоставлена «зеленая улица»: мимо пробежали станция за станцией, а поезд и не думал сбавлять ход. Это было замечательно, кроме одной немаловажной для меня детали: мы вступили в зону зимы, а одежда моя явно не соответствовала этому сезону, да и о еде оставалось только мечтать. Я стал быстро замерзать, и порой казалось уже намертво. Спасало меня лишь то, что иногда поезд все-таки останавливался для дозаправки. За это время я успевал добежать до отделения милиции и там немного обогреться. В кармане нашлись три рубля, и начальник одного из отделений помог мне купить буханку черного хлеба и подарил старую шапку-буденовку. Наступила ночь. Несмотря на оказанную помощь, я замерзал все больше и больше. Прошли еще день и еще ночь. Я совсем окоченел и чувствовал, что конец мой близок.

Утром третьего дня, собрав последние силы, я приоткрыл дверь вагона и увидел такой изумительной красоты вос-

Н.П. Лебединский
в годы войны

ход, который может быть только при сильном морозе. На горизонте виднелись контуры сравнительно большой станции, к которой мы приближались. Вскоре стала понятной и причина, из-за которой порожняк так торопился: неподалеку от станции находился крупный оборонный завод, и нужно было забрать у него готовую продукцию для фронта. Я уже начал ломать голову над тем, каким образом мне продолжать погоню за своим эшелоном, как вдруг порожняк остановился... около него, а вагон, в котором я ехал, оказался напротив моего вагона. С огромным трудом я спрыгнул на землю и постучал в его дверь. Велика же была моя радость, когда я увидел своих товарищей и... мои теплые вещи! Меня втащили наверх и вместо приветствия заставили выпить стакан спирта, после чего я провалился в глубокий сон. Моя репутация комиссара поезда была спасена.

Свердловск встретил нас благожелательно. Партийные, советские и комсомольские органы сделали все необходимое, чтобы заводской коллектив мог решить поставленные перед ним задачи. Сразу же были предоставлены специальный передвижной спуск для приемки прибывших тяжелых грузов и соответствующий транспорт, а самое главное, нам выделили для производственных нужд только что построенный восьмизэтажный корпус и новое общежитие. В течение двух суток разгрузка всех вагонов была закончена, а еще через несколько дней наш крупный оборонный завод уже работал в обычном напряженном режиме военного времени.

После разгрома немцев под Москвой были награждены наиболее отличившиеся участники эвакуации. Кстати, так же неожиданно, как он исчез перед нашим отъездом, появился парторг завода. Он и впрямь получил особое задание остаться резидентом в Москве в случае ее падения, но, как известно, этого не произошло. На новом месте все люди, в том числе и я, работали с большим энтузиазмом. А вскоре чуть было не осуществилось давнее желание парторга и мое — нас, наконец, призвали в армию. Из военкомата мы пришли на завод, чтобы попрощаться с товарищами, и «наткнулись» на первого секретаря Свердловского горкома и обкома партии, который, узнав о нашем призыве, категорически заявил, что это недопустимо, поскольку работа

здесь не менее важна, чем участие в боевых действиях на фронте. Пришлось вернуться к прежним обязанностям.

Однако через некоторое время меня вызвали в Москву и назначили ученым секретарем Комитета ЦК комсомола по изобретательству. Сначала эта работа показалась мне интересной, но постепенно наряду с авторами действительно полезных предложений стало появляться все больше людей с различными идеями, которые на деле были лишены всякого смысла, и она превратилась для меня в какую-то тягостную повинность. Выручила меня встреча с Александром Харламовым, недавно приехавшим из Свердловска, где он был первым секретарем тамошнего Комитета комсомола. Оказалось, что при какой-то встрече с первым заместителем Председателя Совета народных комиссаров, председателем Госплана СССР и членом Государственного Комитета Обороны Н.А. Вознесенским он произвел на него хорошее впечатление, и тот пригласил Александра на работу в Госплан — начальником отдела. Харламов согласился и теперь уже работал в Москве. Выслушав горестный рассказ о моих мытарствах на ниве изобретательства, он сказал:

— Знаешь что, поступай-ка ты лучше к нам в Госплан. Работа у нас трудная, но интересная. Думаю, тебе понравится.

И я, не задумываясь, ответил, что в этих условиях готов пойти на любую работу. И вот 21 августа 1942 года я стал старшим инженером в Госплане СССР. Так начался новый и самый яркий — госплановский — период моей жизни и работы, который длился 45 лет.

В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ШТАБЕ СТРАНЫ

Прошло всего девять месяцев с начала моей новой работы, как вдруг в середине мая 1943 года я неожиданно был вызван к Н.А. Вознесенскому. В его большом кабинете, который в основном был занят рабочим столом для заседаний, стояли два человека. Одному из них было 26 лет — это был я, а другому немногим больше, хотя разница в служебном положении была огромная. Я не знал, зачем меня вызвали. Но Вознесенский без дальних слов сказал:

— У меня есть к Вам предложение. Сейчас созревает сложная обстановка на Дальнем Востоке, и там нужен наш человек.

Я предлагаю Вам должность заместителя Уполномоченного Госплана по Дальнему Востоку, включая Хабаровский и Приморский края, Сахалинскую область и остальные его территории. Японцы сейчас проявляют очень большую активность в том районе. Они с нетерпением ждут результата военных действий в центре России и полностью готовы к нападению на наш Дальний Восток. По Сахалину они ходят, будто у себя дома, хотя, как известно, он принадлежит им только наполовину. А с хребтов Сихотэ-Алиня через сильную оптику они даже просматривают район Хабаровска, граничащий с Манчжурией. И нам буквально каждый день важно знать, что там происходит. Согласны ли Вы с моим предложением?

Я ответил, что готов принять его, хотя никак не думал, что вместо Западного фронта, где я хотел бы сейчас быть, меня отошлют на Дальний Восток.

На это Николай Алексеевич заметил:

— Неизвестно еще, какой район будет ближе к военным действиям — западный или восточный. Все зависит от того, как пойдут дальше дела на фронте. Так что задание дается Вам очень ответственное. Когда мы Вам пришлем начальника — уполномоченного, пока сказать не могу.

Действительно, с учетом тогдашней обстановки, понятно, что это было очень ответственное поручение. И удивительно, что он дал его, впервые встретившись со мной, человеком для такого поста вроде бы слишком молодого.

С этих дней начались мои практически ежедневные контакты с Вознесенским по специальному телефонному аппарату, который был установлен в Хабаровске и обеспечивал связь с Москвой.

По неопытности я решил в первый же достаточно сложный момент обратиться к председателю Госплана за советом — как быть? И был обескуражен его реакцией:

— Какой Вам нужен еще совет? Я Вам не советчик — вы у меня советчики! И вы обязаны давать предложения, предварительно разобравшись в существе дела на месте. Вот завтра позвоните мне и скажите, как Вы считаете необходимым поступить в данном случае.

А речь шла ни много ни мало о стратегической обстановке на границе Советского Союза, о позиции, которую фактически

занимала Япония. Я точно выполнил указание Вознесенского. Он внимательно, не перебивая, выслушал меня и согласился с предложением. С этого дня я почувствовал себя твердо стоящим на ногах и действовал уверенно, иногда даже вопреки мнению опытных хозяйственников, которые прибыли на Дальний Восток в порядке эвакуации из районов Украины и Белоруссии.

Нужно сказать, что вообще вся деятельность Госплана опиралась на работу не только центрального аппарата, но во многом и уполномоченных на местах. Их институт придавал Госплану огромную силу воздействия на хозяйственные процессы в стране, так как опирался на конкретные факты и оценивал их не с местнических, а прежде всего с общегосударственных позиций. Уполномоченные Госплана работали в тесном контакте с местными партийными и советскими органами и в то же время были их основными «оппонентами». Они изучали положение дел на отдельных предприятиях и на «подведомственной» территории в целом, выявляли резервы производства, помогали определять пути и способы наиболее рационального использования ресурсов, контролировали выполнение государственных планов, оперативно решали или согласовывали с руководством Госплана множество текущих вопросов.

Своеобразным признанием исключительно важной роли этого института Госплана СССР, тем более в сложнейших условиях военного времени, стал тот факт, что если в 1940 году было 14 уполномоченных (а назначались они Правительством страны), то в 1944 их количество соответствовало числу административных единиц — областей, краев и республик. Очень часто уполномоченным давались поручения особой государственной важности за подписью Сталина. Отчеты по этим заданиям печатались в двух экземплярах, один из которых шел в Госплан и просматривался Н.А. Вознесенским, а другой после этого — Сталину, Молотову и другим высшим руководителям.

Что же касается меня, то еще в конце нашей первой встречи Николай Алексеевич заявил:

— Будете хорошо выполнять наши задания, мы Вас в этом районе долго не задержим.

Так и произошло: уже в 1944 году меня вызвали в Москву и предложили стать уполномоченным Госплана по Владимирс-

кой области. Позднее я вернулся в его центральный аппарат, принимал участие в разработке народно-хозяйственных планов, прошел путь до начальника Главного вычислительного центра — заместителя председателя Госплана СССР, защитил диссертацию, написал ряд книг и множество статей, стал профессором. Но из всего богатства событий, наблюдений и соображений, связанных с госплановским периодом моей жизни и работы (эти понятия можно с большой долей условности отделить друг от друга), ограничусь здесь краткими воспоминаниями об истории решения только одной, в высшей степени важной для существовавшего тогда государства проблемы. Речь идет о создании АСПР — автоматической системы плановых расчетов.

Центральным звеном, сердцевиной всего управления в нем было народно-хозяйственное планирование. Именно оно стало главным средством грандиозных преобразований в стране в годы первых пятилеток, экономической победы СССР в Великой Отечественной войне, последующего восстановления и развития народного хозяйства.

Куба. На переговорах с Ф. Кастро

Однако к 60-м годам его масштаб, глубина и сложность народно-хозяйственных связей, динамизм их изменений возросли настолько, что прежние методы и технические средства управления процессом общественного воспроизводства стали давать все более ощутимые сбои.

В этой обстановке Председатель правительства А.Н. Косыгин и председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков после тщательного обсуждения проблемы пришли к выводу о том, что дальше терпеть такое положение вещей недопустимо и нужно менять всю технологию централизованного народно-хозяйственного планирования путем широкого внедрения экономико-математических методов и перехода к полностью автоматизированной системе плановых расчетов Госплана СССР и Госпланов союзных республик.

Комплекс задач, поставленных перед разработчиками этих методов и системы, был чрезвычайно широк. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что предстояло создать общую теорию АСПР, ее программное обеспечение и материально-техническую базу. Кстати, говоря о ней, нельзя не отметить огромную работу множества промышленных предприятий, выполнявших задания Госплана по выпуску вычислительной техники и периферийного оборудования соответствующих параметров. Это позволило постепенно полностью вытеснить иностранную технику и оборудование, которые мы использовали на первых порах при формировании АСПР.

Конечно, было бы наивным ожидать, что все это сразу же принесет качественно новые результаты в деятельности Госплана. Напротив, поначалу на плечи его сотрудников легла дополнительная нагрузка: непрерывный процесс планомерно организованного управления народным хозяйством обязывал нас внедрять систему автоматизированных расчетов одновременно с их исполнением традиционными методами и средствами. Однако по мере поступления программ, которые разрабатывались весьма квалифицированными математиками Госплана, обучения коллектива навыкам пользования ЭВМ (ведь до этого мы их и в глаза не видели), накопления на машинных носителях необходимой базы исходных данных старые технологии отступали под натиском новых, и в конце концов наступил перелом: резко повысились скорость подготовки расчетных материалов и их качество.

На энергетическом узле малого БАМа

В целом в результате выполненных за 1972—1985 годы работ, связанных с рождением АСПР, применение современных методов плановых расчетов и средств обработки соответствующей информации вошло, как говорится, в плоть и кровь всей технологии народно-хозяйственного планирования на всех его уровнях — от предприятий, отраслей, областей и республик до союзного центра, где к моменту разрушения СССР мы располагали уже двумя очередями действовавшей автоматизированной системы плановых расчетов, полностью оснащенной основным и периферийным отечественным оборудованием.

Разработка теоретических основ такой системы и ее практического применения в условиях централизованного планирования при соблюдении двух принципов — его совместимости с рыночными отношениями в народном хозяйстве и соблюдения межотраслевого баланса получила отражение в подготовленном

мной официальном учебнике, изданном под эгидой Академии народного хозяйства Совета Министров СССР.

Деятельность Госплана по автоматизации плановых расчетов приобрела широкую известность в социалистических и капиталистических странах. Многочисленные контакты и совместная работа с заинтересованными зарубежными организациями и лицами позволили не только поделиться с ними приобретенным опытом, но и использовать их лучшие достижения в интересах нашего народного хозяйства.

И я счастлив тем, что жизнь позволила мне принять самое активное участие в этой сложной и трудной, но интереснейшей и крайне необходимой для государства работе, результаты которой, уверен, еще будут в полной мере востребованы обществом в ходе его дальнейшей эволюции.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА Н.П. ЛЕБЕДИНСКОГО

1. Автоматизированная система плановых расчетов / Под ред. *Н.П. Лебединского*. М.: Экономика, 1980.
2. Планирование — рычаг ускорения. М.: Экономика, 1986.
3. Развитие автоматизации плановых расчетов // Страницы памяти. О планах, планировании, плановиках. М.: Профиздат, 1987. С. 322—345.
4. Основы методологии планирования и автоматизации плановых расчетов. М.: Экономика, 1989.

Н.П. Лебединский

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ХУДОКОРМОВ. ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

1. Жизненный путь

Профессор Г.Н. Худокормов

Мой отец, Георгий Николаевич Худокормов, родился 25 июня 1922 года в Москве в семье Николая Васильевича Худокормова, занимавшегося торговлей. Дед отца, Василий Иванович Худокормов, до революции был известным предпринимателем, имел на Благуже (район станции метро «Семеновская») крупную по тем временам фабрику по производству красок. Мать отца Мария Яковлевна (урожденная Браун) происходила из немцев Поволжья. В предреволюционные годы ее семья жила в городе Елань, где дед отца со стороны матери был управляющим крупной мельницей.

Для будущего специалиста по политической экономии такое социальное происхождение было самым невыгодным. Г.Н. Худокормов вообще не любил касаться этой темы, а моя мама иногда шутила, что я — их сын — всем обязан Октябрьской революции: не будь ее, Георгий Николаевич не смог бы встретить мою мать и тем более жениться на ней, так как она была дочерью комиссара Витебско-Рижской железной дороги и происходила из рабоче-крестьянской среды.

Дом, в котором жила семья Худокормовых, стоял на углу Пресни и нынешней Дружинниковской улицы. В конце января 1924 года мимо их окон шли рабочие демонстрации, и одними из первых слов отца были: «Ликина хороняют» — то есть, «хоронят Ленина». Родителя своего Георгий Николаевич вспоминал

редко еще и потому, что в конце 1920-х годов тот ушел из семьи и, как писал мой отец в своей автобиографии, «больше о нем никаких сведений не поступало».

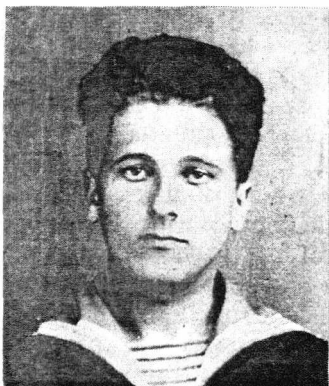
Мария Яковлевна вскоре вышла замуж за двоюродного брата своего первого мужа — Дмитрия Ивановича Билибина, которого затем перевели на работу в Челябинск. Там и прошли, в основном, детство и юность моего отца. По его воспоминаниям, семья жила не богато, и свой первый в жизни костюм из грубошерстной ткани отец надел на выпускной вечер в школе.

В челябинской жизни бывало всякое — и хорошее, и плохое. Однажды ночью в их квартиру постучали сотрудники НКВД — пришли арестовывать брата Дмитрия Ивановича (он жил в соседнем подъезде), но ошиблись адресом. Впрочем, и самого брата вскоре выпустили: мост, который он должен был взрывать (по доносу) оказался не построенным. Семья Билибиных—Худокормовых жила в доме военного завода, где шли повальные аресты. В результате, как вспоминал отец, на заводе «замели всю верхушку» и директором огромного военного предприятия стал вчерашний выпускник вуза. Но дети есть дети. Из всего они готовы сделать игру, даже из самого страшного. Каждый вечер подростки — уличные товарищи отца и он сам — садились на лавочку и ждали, когда придет очередной «воронок».

Были в молодой жизни отца и школа, дружба, первая любовь. В школе литературу преподавал выдающийся педагог (отец называл его по имени, но я не запомнил), на уроках читал стихи, когда декламировал Некрасова, мог, по выражению Георгия Николаевича, «пустить ревака», то есть заплакать навзрыд.

Выпускной бал в школе состоялся накануне 22 июня 1941 года. Началась война, и мой отец, наивный, как большинство комсомольцев тех лет, склеил себе карту Польши и Германии, надеясь, как он потом мне рассказывал, что «сейчас наши рванут вперед!». На деле, как мы знаем, получилось по-другому: почти все товарищи отца по школе погибли, а ему самому чудом удалось уцелеть.

Обладатель золотого аттестата, пасынок совслужащего, комсомолец Георгий Николаевич Худокормов поехал в Ленинград поступать в Высшее военно-морское училище им. Дзержинского. Конкурс был такой, что, несмотря на золотой аттестат, ему

Г. Худокормов — курсант
Высшего военно-морского
училища им. Дзержинского.
Ленинград, 1941 г.

пришлось сдавать экзамены. После успешного прохождения конкурса, Георгий Николаевич был зачислен на паросиловую факультет. И на первых же занятиях, как он сам мне потом рассказывал, почувствовал, что техника — не его стезя: в отличие от своих товарищей, готовых ощупывать каждый винтик, он оставался к ней равнодушен.

В училище отца ждало первое жизненное потрясение. По метрикам обнаружилось, что он — сын немки, то есть по национальности, как считалось тогда, не русский, а немец. А таких, по приказу Сталина, ни в войсках, ни в военных училищах не оставляли. Предки моей бабушки приехали в Россию при Екатерине II, отец воспитывался в советской школе и был «советским человеком» до мозга костей, но выдающийся специалист по национальному вопросу, товарищ Сталин, решил, что таким людям доверять нельзя.

Отца отчислили и отправили в Поволжье, кажется, под Сызрань. Душевное состояние у него было — хуже некуда. Таких, как он, там собралась целая команда. И вот отец стал писать письма в ЦК ВКП (б) с просьбой отправить его на фронт защищать Родину. Дело разбирал сам секретарь ЦК А.А. Андреев. Решение оказалось положительным, и вскоре отец попал в действующую армию на Воронежский фронт.

Еще в Поволжье он освоил профессию шофера и на фронте первое время был шофером. По его рассказам, эта доля — одна из самых тяжелых на войне. Техника латанная-перелатанная, часто отказывает, ломается, а за все в ответе — военный водитель. Особенно трудно было по ночам: фары в прифронтовой полосе зажигать не разрешалось; первым в колонне ставили самого опытного шофера — «зубра», на красный огонек его задней лампочки ориентировался второй водитель, за ним третий, и так шла вся колонна.

Днем было не намного лучше. Однажды с отцом случилась история, едва не стоившая ему жизни. Он ехал по наведенной переправе через большую реку. Противоположный берег был крутой. На середине подъема машина заглохла. Тормоза были слабые, не сдержали, и вся она с грузом стала сползать вниз к реке. Сползла и встала поперек, закрыв переправу. Как говорится, ни туда, ни сюда.

С другого берега подходит танковая колонна. Командир колонны кричит: «Сбросить машину!». А это значит — отцу трибунал, штрафбат, а то и что похуже. И здесь начальник переправы, видимо, пожалел двадцатилетнего парнишку: «Переправа, — говорит, — закрыта. Объезд 8 километров!» Танкист полез на него с пистолетом: шум, крик, мат-перемат, но начальник переправы был, видимо, твердый мужик — не поддался. Когда отца вытащили, он ехать дальше не мог, добрался кое-как до ближайшего жилья и проспал около суток. Как-то все потом обошлось.

Когда их часть расформировали и отца перевели в минометную роту, он вздохнул свободнее. Таскать тяжелую минометную плиту показалось ему много легче, чем крутить баранку и гаечный ключ. Но война — всегда война. Она не отпускает человека ни на час, а облегчение дает лишь временное. По рассказам отца, психологически самые тяжелые минуты были на рассвете, когда строили роту и зачитывали приказ с задачей дня: «И вот стоишь и думаешь — вернешься ты из боя, или нет. Очень тягостное занятие. А в бою думать об этом уже некогда. Знай — вертись, увертывайся от пули, от осколка!»

Зимой 1942 года отец на короткое время попал в окружение, но плена избежал. Дело было так.

Стояли они около села Малый Суходол: вокруг степь, изрезанная балками. Немецкая пехота, поддержанная танками, атаковала наши позиции и захватила их. Отец, тогда уже комсорг роты, и группа бойцов вынуждены были отступить и укрылись в ближайшем овраге (балке). Подошел немец, осмотрел балку, поглядел направо, потом налево, но наших бойцов не увидел. Отец рассказывал: «Я сидел с автоматом как раз напротив него, гляжу снизу и думаю: только открой рот — сразу получишь пулю!» Немец так и ушел, повезло нашим.

Но надо как-то выбираться. Ночью выставляют сильные патроны, а патроны на исходе. И сделали так: дождались сумерек, построились в колонну по одному и прошли прямо по краю главной улицы, через все село. Немцы видят: идет какая-то группа, а что за группа — не разберут: уже довольно темно было. Так и вышли за околицу. Часовой кричит: «Хальт! Хальт!», а сам трусит, за стенку хоронится. Ну и вышли к своим, получилось, что ни дня на оккупированной территории не задержались.

А вскоре отца ранило. Стучилось это во время нашей атаки на немецкие позиции. Ранение было тяжелое. Моя мама — медик и помнит точно: ранение верхней доли левого легкого, чуть выше

Г.Н. Худокормов
в годы войны

подключичной артерии. Попросту говоря — несколько миллиметров выше сердца. Отец чувства юмора никогда не терял и рассказывал об этом так: «Упал я, подбегают ко мне три “верных друга” — нести в тыл; подошел командир роты и говорит: “Что-то многовато вас — санитаров; один — оставайся с ним, остальные — вперед, в цепь!”»

Из госпиталя отца забрали в школу младших лейтенантов. Еще бы: полное среднее образование, боевое ранение. Такие кадры при формировании офицерских курсов тогда не пропускались. Зачислили, несмотря на полунемецкое происхождение.

Этот злосчастный пункт в метрике еще долго мучил отца. Их поколение было воспитано в таком духе, что надо быть честным и искренним перед «Родиной и партией», то есть, говоря по-русски, самому докладывать о себе куда следует. Отец так и делал. По прибытии на новое место службы рассказывал честь-честью, что, мол, так и так, мать — немка, но секретарь ЦК ВКП (б) тов. Андреев счел возможным и т. д. Среди начальников попадались нормальные люди. Один, например, после такой «исповеди» сказал отцу: «Ну что ты мне здесь поешь! Иди, войей хорошо, вот и будет все ладно!» Но были и такие, что принимали меры. Однажды, уже в школе младших лейтенантов, отец

заметил, что ему в друзья активно набивается один из курсантов: давай выпьем, давай поговорим. А затем этого «ситного друга» часто замечали беседующим с особистом.

Но всего обиднее и несправедливее то, что после таких «исповедей» отца регулярно вычеркивали из наградных списков. Единственный свой орден — Отечественной войны — он получил уже после Победы¹. Несмотря на все это, у отца никогда не было не то что озлобленности, даже какой-то обиды на тогдашний общественный строй, или, как говорили, на Советскую власть. И заявление в партию он подал в самое тяжелое время — в 1942 году, и всегда подчеркивал, что состоял в партии не ради постов и наград, а, как говорится, по велению души.

С боевым товарищем

Я сам, как историк, замечаю, что советское общество описывается в современной литературе крайне однобоко, односторонне. Сколько я ни беседовал с людьми военного поколения, все в один голос (мне лично исключений не встречалось) утверждали, что они сражались не просто за Родину, но за Родину социалистическую, не только за Отчизну, но и за то общество, которое их воспитало и вырастило. Мы хорошо видим теперь, что в этом обществе было всякое, но было, видимо, и нечто такое, что побуждало двадцатилетних мальчишек воевать и умирать за него.

Неправда, что так было всегда. Первая мировая война была проиграна Россией не только из-за «подрывных действий большевизма», как думают некоторые, но и потому, что российское общество было социально расколото и разобщено, солдаты не хотели воевать за чуждые им интересы.

Могут сказать, что военное поколение было оболванено сталинской пропагандой. Но без подготовленной социальной почвы никакая пропаганда не даст всходов. Вообще у меня лично созда-

ется впечатление, что люди, делающие карьеру на критике преступлений сталинизма, говорят о них и только о них, чтобы отвлечь внимание общества от острейших проблем, неустройств и несправедливостей сегодняшнего дня. А на жертвы прошлого им, в сущности, наплевать.

Курсы младших лейтенантов отец окончил с отличием и был зачислен уже в состав преподавателей. Учебные результаты его выпускных взводов всегда были самые высокие. Лейтенант Худокормов прибегал к военной хитрости: на выпускных экзаменах сначала отвечали слабые курсанты. Комиссия, опасаясь провала, ставила им тройки, а иногда и четверки. И только в конце в дело вступали лучшие — курсантская гвардия — сплошь отличники. Члены комиссии только головами качали: «Хитрый ты! Обманул нас!»

День Победы отец встретил в городе Лигниц, тогда это была территория Германии, теперь, видимо, Польши.

Демобилизовался, вернулся в Челябинск и на вопрос отца, что думаешь делать дальше, ответил — хочу учиться. Поехал в Ленинград, забрал документы и, вернувшись в Москву, подал заявление сначала на философский факультет МГУ. Случайно встретившийся товарищ уговорил отца, что называется «за компанию», переменить решение и подать на экономический. Отец вспоминал, что сам декан-философ уговаривал его остаться. Но решения отец не изменил, и осенью 1946 года он как фронтовик, имевший золотой аттестат, стал студентом-экономистом.

Учился, как и везде, только на отлично. Один раз случился сбой по философии: на экзамене преподаватель из-за плохого освещения принял его за «космополита» и после долгого допроса на философские темы нашел, к чему придраться, и поставил четверку. Пришел бдительный собрат Аристотеля и Маркса сдавать экзаменационную ведомость в деканат, а ему и говорят: «Что же Вы нашего парторга завалили?» (Отец к тому времени был уже парторгом курса). Пришлось недотепе самому срочно звать студента Худокормова на пересдачу.

Почти сразу же отца, как фронтовика, избрали в партком МГУ. Заседали тогда всерьез, допоздна. Отпрашиваться не полагалось. В результате, мой родитель просидел на парткоме весь вечер своего свадебного дня — 25 января 1947 года. Вообще, его

брак с моей матерью, как я теперь это могу оценить, был на редкость удачным и счастливым.

На старших курсах отец получал Сталинскую стипендию и всегда очень гордился этим; много лет спустя показывал мне номер газеты «Московский университет» с рубрикой «Лучшим из лучших».

На студенческой скамье будущий экономист, отец молодого семейства Г.Н. Худокормов провел, по его словам, одни из лучших лет своей жизни. Помимо человеческих радостей, настоящим счастьем стала для него учеба, по которой он буквально «изголодался». Но так учились тогда почти все его фронтовые товарищи.

В 1951 году отца рекомендовали в аспирантуру экономического факультета. Но незадолго до этого его вызвали в райком партии и предложили пойти на работу инструктором. Отец отказался, заявив, что хочет продолжить учебу. И тогда секретарь райкома по фамилии Сухоруков посулил, что не забудет этого. Так оно и случилось.

Все поступающие в аспирантуру по специальности «политэкономия» должны были получить рекомендации партийных органов. Партком МГУ рекомендацию дал, горком партии тоже, а из райкома пришел отказ. Дело было нешуточное, пахло политическим недоверием. И тогда отцу помогли хорошие люди: декан экономического факультета И.Д. Удальцов отказался вычеркивать его из списков поступающих, отложив решение до окончания разбирательства. Помог и один из инструкторов горкома партии — бывший моряк, фамилии которого я, к сожалению, не помню. С лета 1951 до марта 1952 года отец ходил без работы и зарабатывал на жизнь раскрашиванием женских платков (было такое кустарное надомное производство). Лишь в марте его вопрос был решен, и И.Д. Удальцов выписал ему аспирантскую стипендию за все прошедшие месяцы. Отец любил вспоминать, как, получив деньги, он зашел в пельменную (где-то в подвале нынешнего Детского мира), заказал три порции пельменей (видимо, наголодался) и сто граммов водки.

Дальше у отца пошла нормальная «государева служба». Насколько я помню, после окончания аспирантуры и защиты диссертации он работал в Министерстве Высшего образования, дослужившись до начальника отдела. Некоторое время работал ученым

На экономическом факультете МГУ

секретарем ВАК СССР. Параллельно преподавал в МГУ на экономическом факультете, сначала на полставки, а потом (после ухода из Министерства) на полной ставке доцента. Помню, как я — восьмилетний ребенок — спросил его, что означает слово «доцент»? Отец ответил: «Это значит — очень умный». Вообще он воспитывал меня в нужном духе с молодых ногтей. Однажды, помню, набравшись рискованной информации на улице, я поинтересовался, правда ли, что американские рабочие живут лучше русских? Ответ был таким: если американцы имеют работу, то, действительно, живут пока что лучше, но в Америке много безработных и т. д., и т. п.

По-моему, в 1962 году отца вызвали в высокие партийные инстанции и предложили перейти в формирующийся тогда Институт общественных наук — официальное название Ленинской школы, где готовили кадры для международного коммунистического движения. Наша страна была тогда сверхдержавой, вела активную внешнюю политику и нуждалась в активной поддержке со стороны зарубежных компартий. Хорошо запомнил, что уходил отец из университета с большой неохотой. Но, во-первых, тогда существовала такая вещь, как партийная дисциплина, а во-вторых, на новом месте работы обещали дать отдельную квартиру, а мы тогда жили впятером в двух комнатах в коммуналке.

Полностью с университетом отец не порывал никогда. Он, например, был членом авторского коллектива университетского курса политической экономии (под редакцией Н.А. Чаглова). После защиты в 1972 году докторской диссертации вновь стал работать на полставки профессора на экономическом факультете МГУ, вел семинар по политической экономии социализма.

В Ленинской школе отец прослужил верой и правдой сначала в должности заместителя заведующего кафедрой политэконо-

мии, а затем — профессора и заведующего группой вплоть до выхода на пенсию в начале 1991 года. Тогда горбачевскому руководству было уже не до коммунистического движения, да и к руководству школой пришли такие люди, которые по своим убеждениям были ближе буржуазным либералам, чем коммунистам. Работать под такими начальниками отец не мог.

Человек крепких убеждений, он с горечью переживал крушение социализма и Советского Союза, хотя не был наивным адептом советской системы, и, в общем, ясно видел ее слабости и пороки. Последние годы жил на скромную пенсию, но больших материальных неудобств не испытывал, так как, во-первых, получал надбавку как инвалид Великой Отечественной войны (по ранению), а во-вторых, и в лучшие годы отличался умеренностью и не привык к какому-либо подобию роскоши.

Умер мой папа в больнице от инфаркта — во сне: уснул и не проснулся. Было это 2 апреля 2001 года.

2. НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Все мы знаем о той противоречивой роли, которую сыграла в развитии нашего общества политическая экономия социализма. Вопрос этот в достаточной мере освещен в литературе ² и обращаться к нему здесь специально не имеет смысла. Но в данной публикации речь идет не просто о научной интерпретации работ прошлого периода. Здесь сын смотрит на наследие отца. И это обязывает нас к особой осторожности в оценках и выводах.

Научной специализацией Г.Н. Худокормова в широком смысле была политэкономия социализма, а в узком плане — теоретическая проблематика аграрного сектора, особенно в ценообразовании.

Первой серьезной работой для него стала кандидатская диссертация, написанная под руководством доцента (впоследствии — профессора) Ивана Иосифовича Козодоева. Известно, что И.И. Козодоев был неординарной и непростой в общении личностью, но отец всегда относился к нему с глубоким уважением, чтит его как учителя и всегда говорил, что заниматься политической экономией под руководством «Козодоича» было очень и очень интересно.

Кандидатская диссертация Г.Н. Худокормова называлась «Формы реализации товарной продукции колхозного производства». 1955 год, год ее защиты, был в значительной степени переломным и для науки, и для всего нашего общества. В реферате диссертации, например, ни разу не упоминалось имени Сталина, а из советских руководителей процитирован только Н.С. Хрущев. Начавшаяся оттепель чувствуется и в том, что формы реализации товарной продукции колхозов анализируются не абстрактно, а на примере укрупненных колхозов (в количестве одиннадцати), входивших в зону Ленинской МТС Московской области. Ветер перемен ощущался и в критике «серьезных недостатков» и «грубых нарушений», в частности, погектарного принципа исчисления обязательных поставок, когда «передовые» колхозы (I группа — три колхоза из изучаемых одиннадцати) в 1952 году сдали государству продукции полеводства в расчете на 1 га пашни в 5 раз, а продукции животноводства в расчете на 1 га всех угодий на 32,7 % больше, чем колхозы II-й группы (так называемые «рядовые») ³. На всем этом сказались прагматические решения Сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, которые, как указывалось в реферате, привели, кроме всего прочего, к снижению норм обязательных поставок колхозной продукции государству, повышению заготовительных и закупочных цен, применению встречной продажи колхозам промышленных товаров ⁴.

Вместе с тем в автореферате ощущается давление устаревших теоретических положений, а также влияние фактора, который позже получил наименование «лукавой цифры». Так, анализируя три формы реализации колхозной товарной продукции — обязательные государственные поставки, продажа сельскохозяйственных товаров по закупочным ценам, реализация их в порядке колхозной базарной торговли, — автор не указал и, наверное, не мог указать, по каким именно ценам осуществлялись эти поставки и торговля, как соотносились между собой заготовительные закупочные и базарные цены на колхозную продукцию. Конечно же, не могло быть и речи о научной оценке общей ситуации в послевоенных колхозах и положении колхозного крестьянства в целом. Для демонстрации роста благосостояния колхозников приводились только относительные данные ⁵, абсолютная цифра (71,4 руб.) характеризовала лишь расходы колхозов

указанной выше зоны (на одного трудоспособного колхозника) по удовлетворению совместных культурных потребностей, включая подготовку кадров.

Вместе с тем, как ни странно, автореферат не производит впечатления агитационно-пропагандистского документа. Пишущему эти строки приходилось защищать кандидатскую диссертацию в разгар 1970-х годов. Тема была более «боевая»: «Критика экономических воззрений французского ревизионизма», и давление идеологических факторов сказывалось гораздо сильнее, да и устаревших (с позиций сегодняшнего дня) положений было побольше. Так что к публикациям минувших дней следует, видимо, относиться как к историческим документам и в их оценке руководствоваться мудрой формулой: «Не судите, да не судимы будете!»

Следующей заметной публикацией Г.Н. Худокормова стала брошюра «Материально-производственная база социализма» (1957), написанная в форме материалов лекций по курсу политической экономии. Период, в рамках которого появилась данная работа, был одним из наиболее удачных в развитии советского планового хозяйства, и это заметно сказалось на содержании брошюры. Здесь, в частности, давались общая характеристика материально-производственной базы советского хозяйства; характеристика социалистической промышленности, сельского хозяйства, транспорта; описание путей технического прогресса, принципов размещения в СССР производительных сил. Во всех разделах ощущается вполне искренний (не казенный и не поддельный) исторический оптимизм автора, от которого мы так отвыкли за последние «реформаторские десятилетия».

Один из горьковских персонажей говорил, что в карете прошлого никуда не уедешь! И это правильно: невозможно вернуться к отжившим свое планово-хозяйственным методам руководства экономикой. Но нельзя не видеть и другого: огульная критика плановой практики и всего, что было с нашей хозяйственной системой в социалистический период, далека от исторической правды. Припоминается, что даже такой недоброжелатель советских порядков, как бывший «экономист» и кадет С.Н. Прокопович, в одной из своих последних работ начала 1950-х гг. предлагал различать те мероприятия коммунистической власти, которые диктовались «национальными интересами», от тех, что

порождались специфической «большевистской идеологией» (в негативном смысле этого слова).

Характерной чертой советской плановой системы в тот период была нацеленность на экономический рост. Последний осуществлялся, как показывает Г.Н. Худокормов, прежде всего за счет нового строительства: в СССР за период с 1929 по 1955 годы было вновь построено и восстановлено свыше 29 тысяч крупных промышленных предприятий ⁶. (За последние 15 лет в сфере материального производства России завершены и то не полностью две крупные стройки: Зейская ГЭС и замыкающая часть дальневосточного участка автотрассы Москва — Владивосток). При этом источником роста являлся также научно-технический прогресс. Направления последнего, указанные в брошюре, заключались в электрификации всех отраслей народного хозяйства и ускоренном развитии электроэнергетики ⁷, внедрении новой техники и технологии (точное литье, точные методы штамповки, бескислородный метод нагрева заготовок и др.), а также механизации и автоматизации производства ⁸, его химизации и т. д.

Само содержание брошюры Г.Н. Худокормова показывает, что во второй половине 1950-х годов экономическая мысль в СССР становилась год от года смелее: в брошюре, в частности, осуждалась бездумная гигантомания, критиковались работы экономистов, отрицавших моральный износ при социализме, указывалось на недостатки в области планирования, которые обусловили нарушение ритмичности в работе предприятий, штурмовщину, простои оборудования, распыление средств по многим вновь начинаемым стройкам и т. д. Практически на каждой странице, наряду с успехами, положительными результатами в хозяйственной эволюции страны, вскрывались и крупные проблемы, недостатки, причем не с абстрактно-общих, а с конкретных, фактически подтвержденных позиций ⁹. В целом создается впечатление, что экономисты времен «хрущевской оттепели» пользовались гораздо более высокой (хотя, конечно, ограниченной) степенью академической свободы, чем экономисты периода брежневского застоя, когда на публикацию практически любого «негатива» о советском хозяйстве налагался строгий запрет.

Первая значительная по объему (примерно 7 п.л.) монография Г.Н. Худокормова была написана на еще более «значительную» тему: «Товарное производство и закон стоимости при со-

циализме» (1962). Работа появилась накануне экономической реформы, и ее тематика была более чем актуальной.

По обсуждаемой проблеме в советской экономической литературе имелись самые разнообразные точки зрения. Экономисты-рыночники (Я. Либерман, затем — Г. Лисичкин, Я. Кронрод), в сущности, интерпретировали социализм как разновидность товарного производства, а плановому регулированию отводили (в более или менее замаскированной форме) подчиненную роль. Их взгляды предвосхищали экономические идеи «Пражской весны» (1968 г.), а если говорить о современной практике — идеи «социализма с китайской спецификой» с его рыночно-плановой моделью экономики (но планы предлагаемых ими реформ были настолько смелыми и еретическими, что оценить их по достоинству ни руководящие инстанции, ни большинство специалистов по политической экономии социализма в общей своей массе не могли).

Противоположных позиций придерживалась группа специалистов (И.С. Малышев, позднее Н.В. Хессин), отрицавших саму возможность существования товарного производства внутри планового социалистического хозяйства. Они опирались как на цитаты классиков марксизма-ленинизма, так и на тот факт, что товарно-денежные отношения в нашей стране, конечно же, не были таковыми в точном политико-экономическом смысле этого слова.

Большинство же советских экономистов придерживались промежуточной, центристской точки зрения: товарно-денежные отношения и товарное производство при социализме существуют, но носят в большей или меньшей степени подчиненный характер по отношению к плановому регулированию, социалистической планомерности. К этой центристской группировке принадлежал и Г.Н. Худокормов. В его монографии 1962 года на первой же странице дается формула III-й Программы КПСС — о наличии при социализме «товарно-денежных отношений с новым содержанием»¹⁰. Сам же автор придерживается идеи о том, что «товарное производство при социализме — это товарное производство особого рода»¹¹, поскольку оно: 1) основывается не на частной, а на общественной собственности; 2) характеризуется действием планомерного развития народного хозяйства; 3) имеет ограниченную сферу распространения (не являются объекта-

ми купли-продажи земля, фабрики, заводы, совхозы, РТС, колхозы и другие предприятия)¹².

Причины товарного производства и товарно-денежных отношений интерпретировались также в соответствии с общепринятой тогда точкой зрения¹³.

Кроме того, в монографии 1962 года специальные разделы (Стоимость — закон цен (IV), Использование закона стоимости в производстве (V) и в сфере обращения товаров (VI)) посвящались теоретическим вопросам ценообразования. При этом Г.Н. Худокормов широко использовал категорию «плановой цены», основу которой он усматривал «в плановом отклонении цен от стоимости»¹⁴. Особое внимание при этом уделялось теоретическим вопросам ценообразования в сельском хозяйстве. Квинтэссенция авторской позиции выражалась следующим образом: «Отклонение закупочных цен от стоимости позволяет решить еще одну важную задачу: распределить между колхозами и государством дифференциальную земельную ренту, создаваемую в колхозном производстве. С этой целью расчетные закупочные цены дифференцируются по зонам страны. Для колхозов, хозяйствующих в менее благоприятных почвенно-климатических условиях, они планируются на максимально высоком уровне. Именно эти цены следует считать наиболее близкими к общественным издержкам производства сельскохозяйственной продукции»¹⁵.

Указанные идеи развивались Г.Н. Худокормовым и в период 1970—1980-х годов, в частности, в докторской диссертации, защищенной на Ученом совете экономического факультета МГУ в 1971 году¹⁶, а затем — в подготовленной на ее основе монографии «Общественная стоимость и закупочные цены» (1973).

Эти публикации появились в условиях непрекращающейся дискуссии между товарниками и антитоварниками, «рыночниками» и «планомерщиками». Сторонники последовательно рыночной позиции выступали тогда за переход к единой рыночной цене на основные виды однородной сельскохозяйственной продукции. В самой цене они предлагали повысить удельный вес фактора, который теперь именуется «оценкой используемой земельной площади». Г.Н. Худокормов, хотя и называл себя «товарником», но реально был им лишь в смысле признания товарного производства при социализме. В основном же он, как и

прежде, придавал товарному производству подчиненную роль по отношению к плановому регулированию.

Не удивительно, что теория ценообразования выстраивалась им в соответствии с принципом плановой цены — как устойчивого, планового отклонения последней от общественной стоимости. Но раз на первом месте стоят отношения планового управления, значит, для определяющей основные пропорции единой рыночной цены места попросту не остается: закупочные цены должны ориентироваться на дифференцированные условия ведения сельского хозяйства по различным регионам страны.

И в реферате диссертации, и в монографии 1973 года Г.Н. Худокормов обосновывал порядок образования сельскохозяйственных ценовых зон. По его мнению, «внутри районов специализации необходимо [было] выделить зоны, для которых характерно преобладание определенных типов почв, наличие более или менее одинаковой нормы выпадения осадков, сходство температурного режима В каждой из этих зон следует провести экономическую оценку земель, на основании которых и создавать сельскохозяйственные ценовые зоны»¹⁷. Более того, в диссертации автор защищал тезис о целесообразности создания внутри основных ценовых зон микрозон¹⁸, поскольку реально установленные ценовые зоны часто оказывались слишком обширными. Г.Н. Худокормов особенно гордился тем, что проведенная им работа по микрозонированию территории Татарской АССР получила позитивную оценку партийного и государственного руководства республики.

Что же касается конкретной основы цен, то Г.Н. Худокормов, не отрицая полезности применения экономической оценки земли в качестве вспомогательного показателя, главным показателем считал все же среднюю многолетнюю себестоимость сельскохозяйственных продуктов¹⁹. Это положение обуславливалось его позицией и в более общем вопросе — определении общественно необходимых затрат труда, общественной стоимости в аграрном секторе не худшими, как считало большинство экономистов, а средними условиями производства того или иного вида товарной продукции.

В монографии 1973 года позиция автора по данной проблеме выражена, в частности, так: «Общественно необходимыми

затратами труда на производство сельскохозяйственной продукции при социализме являются средние затраты»²⁰. И далее: «Колхозам, хозяйствующим в худших природных условиях, так же как и совхозам, государство обеспечивает нормальные условия воспроизводства путем перераспределения через механизм закупочных цен части стоимости, созданной в хозяйствах, находящихся в лучших природных условиях»²¹.

В сущности, отстаивалась последовательно «плановая» позиция: не спонтанная рыночная цена, а, в первую очередь, государство должно было обеспечить общественно-нормальные условия воспроизводства и во всей экономике, и в секторе сельского хозяйства. Но в этом, как считалось в те годы, и состояла последовательно марксистская теоретическая точка зрения.

* * *

Мой отец, Георгий Николаевич Худокормов, принадлежал к «погибшему поколению». Из его сверстников с полей сражений вернулись очень и очень немногие. Но и в последующие мирные годы бывшие солдаты-фронтовики остались верными идеалам своей юности. И на поле брани, и в мирной жизни каждый из них служил прежде всего общим интересам нашей страны. Все военное поколение целиком и каждый из них в отдельности могли бы сказать о себе:

Свой добрый век
Мы прожили как люди;
И — для людей.

Нескончаемая им за это благодарность и долгая, пока мы живы, память.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА Г.Н. ХУДОКОРМОВА

1. Формы реализации товарной продукции колхозного производства. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1955.
2. Материально-производственная база социализма. М.: Советская наука, 1957.
3. Товарное производство и закон стоимости при социализме. М.: Высшая школа, 1962.

4. Политико-экономические принципы планирования закупочных цен. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1971.

5. Общественная стоимость и закупочные цены. М.: Мысль, 1973.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г.Н. Худокормов был награжден также медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооруженным силам СССР», «70 лет Вооруженным силам СССР».

² См., напр.: История экономических учений (современный этап): Учебник / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. М.: Инфра-М, 2002. С. 4—5.

³ См.: Худокормов Г.Н. Формы реализации товарной продукции колхозного производства: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1955. С. 8.

⁴ Там же. С. 9—11.

⁵ «В 1952 году, например, реальные доходы крестьян в СССР по расчету на одного работающего были выше, чем в 1940 г., примерно на 73 %». (См.: Указ. источник. С. 18).

⁶ Худокормов Г.Н. Материально-производственная база социализма. М.: Советская наука, 1957. С. 6.

⁷ Именно во второй половине 1950-х годов достраивались Самарская (Куйбышевская) и Волгоградская (Сталинградская) ГЭС на Волге, началось строительство Братской ГЭС на Ангаре и подготовительные работы по строительству Красноярской ГЭС на Енисее.

⁸ В брошюре приведен следующий пример: автоматизация прокатного стана «300» на Магнитогорском металлургическом комбинате привела к повышению производительности труда на 41 % и сокращению расхода топлива на 16 %. (Указ. соч. С. 39).

⁹ После описания положительных результатов комбинирования и специализации в брошюре следует, например, такой пассаж: «В г. Ленинграде ежегодно за пределы города вывозилось до 100 тыс. тонн чугуна и стального литья, до 40 тыс. тонн поковок и обратно завозилось из других районов до 500 тыс. тонн литья и 20 тыс. тонн поковок. В 1953 г. с Юга на Урал и в Западную Сибирь было перевезено 743 тыс. тонн металла. В то же время в обратном направлении — с Урала на Юг проследовало 634 тыс. тонн и из Западной Сибири — 213 тыс. тонн металла». (Указ. соч. С. 17).

¹⁰ См.: Худокормов Г.Н. Товарное производство и закон стоимости при социализме. М.: Высшая школа, 1962. С. 3.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же. С. 20—22.

¹³ «Товарно-денежные отношения при социализме обусловлены специфическими особенностями непосредственно общественного труда на первой стадии коммунистического общества, а именно его различной степенью зрелости в государственном и кооперативном секторах народного хозяйства.

Последнее же имеет своей основой существование двух форм социалистической собственности на средства производства. Поэтому спор среди некоторых экономистов о том, что является причиной товарного производства при социализме: две формы собственности или специфика непосредственно общественного труда, по нашему мнению, является беспочвенным». (Там же. С. 17).

¹⁴ «По нашему мнению, плановое отклонение цен от стоимости есть одновременно использование закона стоимости и его ограничение». (Там же. С. 53).

¹⁵ Там же. С. 99—100.

¹⁶ См.: *Худокормов Г.Н.* Политико-экономические принципы планирования закупочных цен: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1971.

¹⁷ Там же. С. 32.

¹⁸ Там же. С. 34—35.

¹⁹ Там же. С. 32—34.

²⁰ *Худокормов Г.Н.* Общественная стоимость и закупочные цены. М.: Мысль, 1973. С. 81.

²¹ Там же. С. 81.

А.Г. Худокормов,
доктор экономических наук, профессор
сын Г.Н. Худокормова

ЕВГЕНИЙ СЕМЕНОВИЧ ГОРОДЕЦКИЙ. ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ВОИН

Евгений Семенович Городецкий родился 5 января 1919 года в городе Умани Черкасской области. В 1939 году окончил в Киеве среднюю школу и поступил в Московский институт инженеров связи. Со второго курса института был призван в ряды Красной Армии и служил в 1-м полку связи Московского Военного округа (МВО). С декабря 1941 года по июль 1943 года — слушатель военного факультета при Московском институте инженеров связи (МИСИ). После его окончания был направлен в 370-й артиллерийский полк 230-й стрелковой дивизии старшим радиотелеграфистом. Воевал на 1-м и 4-м Украинских фронтах, Южном, 1-м и 3-м Белорусских фронтах в составе 18-й и 5-й ударной армий. В марте 1945 года был тяжело ранен под Кенигсбергом. Награжден орденом Отечественной войны I-й степени и медалями.

Профессор Е.С. Городецкий

После демобилизации гвардии сержант Е. Городецкий был признан инвалидом III-й группы, негодным к воинской службе, и отправлен в свободное плавание. Позднее III-я группа была заменена на II-ю группу инвалида Отечественной войны.

Контузия и осколочное ранение левой скулы убили глазной нерв. Работаящим остался один глаз. Врачи категорически запретили поступление в институт под угрозой полной потери зрения. Но он ринулся в мирную жизнь, как в бой, с предельным напряжением сил. И до последнего дня своей жизни оставался в строю.

В 1945 году в солдатских обмотках и шинели, худющий, голодный и счастливый Евгений Городецкий переступил порог

экономического факультета МГУ, ставшего для него родным на всю жизнь: студент, аспирант, преподаватель, профессор.

Уже со второго курса у студента Городецкого формируется вкус к экономической науке, в которой есть и белые пятна, и черные дыры, и ответы не на все вопросы. Но отвечать надо. Время тяжелое, необходимо восстанавливать и поднимать экономику страны, накормить народ. И вот студент-горожанин выбирает в качестве объекта научного интереса аграрные проблемы, ибо в развитии сельского хозяйства и росте его эффективности — ключ к общему подъему народного хозяйства.

Однако в сельском хозяйстве того периода господствуют натуральные показатели, что не дает возможности оценивать и сравнивать экономическую эффективность его отраслей и предприятий, тогдашних колхозов и совхозов, научно обосновывать размещение производства сельскохозяйственных продуктов, объективно формировать цены на продукцию села. И вот первые шаги Евгения Городецкого в науке связаны со Сталинградской землей. В течение нескольких лет там работали экспедиции студентов и аспирантов экономического факультета МГУ. Одним из руководителей такой экспедиции был аспирант Е. Городецкий.

Необходимо было, отталкиваясь от практики, преодолевать господствующее мнение о том, что в колхозах не могут быть использованы категории стоимости и себестоимости продукции. А ведь именно это приводило к необоснованно низким ценам на закупки государством у колхозов их продукции и, как следствие, экономически слабым колхозам и низкому уровню оплаты труда.

Перед ребятами стояла трудная задача: разработать основы расчета определения себестоимости. Для этого были выбраны прямые материальные затраты (семена, горючее, корма и т. д.), которые распределялись по видам продукции пропорционально прямым затратам труда. Пропорционально прямым затратам труда распределялись и различного рода общеотраслевые и общехозяйственные расходы. Это был значительный шаг к определению и использованию в хозяйственной практике категории себестоимости.

Нужно сказать, что руководители колхозов живо интересовались результатами расчетов себестоимости разных видов продукции. Они сравнивали их с ценами обязательных поставок,

которые были ниже себестоимости, закупочными и рыночными ценами. Последние были несколько выше себестоимости по большинству видов сельскохозяйственной и животноводческой продукции. Руководители хозяйств просили рассчитать прибыль колхоза для определения рентабельности хозяйства и сравнения с ценами на технику, стройматериалы. Интересны были для руководителей колхозов и межхозяйственные сравнения — что выгоднее в одних колхозах, а что в других.

Сначала расчет себестоимости производился на основе первичных материалов бухгалтерии. Но затем Е. Городецкий предложил методику расчета себестоимости на основе годовых отчетов колхозов, что сразу расширило сферу расчетов. Одновременно участники экспедиции познакомили бухгалтерских работников колхозов со своей методикой для того, чтобы и в последующие годы они могли самостоятельно рассчитывать себестоимость, прибыль, рентабельность.

На основе расчетов себестоимости продукции колхозов более обоснованными стали рекомендации по размещению сельского хозяйства: в каких зонах экономически целесообразнее сосредоточить выращивание зерна, картофеля, овощей или бахчевых культур; как сочетать в группе районов пойменные и степные угодья; как совершенствовать специализацию конкретных хозяйств. Сравнительный анализ структуры себестоимости позволял обосновывать меры по ее снижению за счет механизации тех или иных работ, применения более дешевых кормов, сокращения сроков откорма скота, изменений в технологии, или же отказа от выращивания некоторых культур, не приспособленных к местным условиям.

На основе работы экспедиции была написана и опубликована статья «Специализация колхозного производства Ленинского района Сталинградской области» (Вестник Московского университета. Серия экономическая. 1958. № 2). Она вызвала широкий отклик у руководства тех хозяйств, на опыте которых были осуществлены данные разработки.

Детальное ознакомление с реальной практикой сельскохозяйственного производства выявило необходимость углубленного изучения проблем ренты, хозрасчета и цены в сельском хозяйстве. К началу 60-х годов большинство экономистов-теоретиков признавали существование дифференциальной ренты при

социализме, но были серьезные различия во взглядах на ее условия и причины: наличие двух форм собственности, ограниченность земли и монополию на землю как на объект хозяйствования, товарное производство и монополию на землю как на объект хозяйствования, — и другие точки зрения, которые являлись определенной комбинацией перечисленных взглядов. Но среди ряда общих теоретических вопросов ренты особое значение имел расчет величины ренты как важнейшее условие для руководства хозяйствами и оптимизации их развития. В ряде работ Е.С. Городецкого, опубликованных в 60-е годы, в том числе и в его докторской диссертации были предложены и практически осуществлены расчеты дифференциальной ренты с использованием методов линейного программирования. Это сложные расчеты, и вряд ли есть смысл приводить их здесь, тем более, что теперь использование современных технических средств и вычислительных методов в значительной степени упрощает задачу. Но в то время эти расчеты позволили выработать объективно обоснованные схемы распределения продуктов и доходов между государством — собственником земли, колхозами и отдельными производителями. Эти разработки шли в авангарде аграрных реформ, продолжавшихся не одно десятилетие, вплоть до начала хозяйственной реформы 1965—1970 годов и последующих экономических экспериментов в промышленности в 70-е и 80-е годы. Это направление научной деятельности Е.С. Городецкого нашло свое отражение и логическое завершение в монографиях, имевших серьезный общественный резонанс: «Закон стоимости в колхозном производстве» (1967), «Общественно необходимые затраты труда, стоимость и цена в колхозном производстве» (1970).

Наряду с глубокими теоретическими разработками аграрных проблем много работ Е.С. Городецкого посвящено теории и практике товарно-денежных отношений. Начиная с середины 50-х и на протяжении 60-х годов в обществе не затихали дискуссии по проблемам товарно-денежных отношений и о характере их использования при социализме. Часть экономистов еще долго отстаивала точку зрения о полной, абсолютной несовместимости социализма и товарного производства. Продукт труда при социализме, утверждали они, уже не принимает форму товара и действие закона стоимости уже полностью преодолено. Вместе с тем продукты общественного производства реализуются как товары,

деньги исправно выполняют свои функции, реализация материального интереса осуществляется в стоимостной форме, а сравнительный анализ эффективности огромного многообразия отраслей, предприятий, подразделений можно провести лишь посредством стоимости, в которой угасает огромное разнообразие конкретного труда, а затраты на производство становятся сопоставимыми.

В соответствии с теоретическим пониманием роли товарно-денежных отношений и должен разрабатываться хозяйственный механизм социализма. Отсюда с неизбежностью, снова и снова возникает вопрос об углубленной работе над системой законов, категорий и механизмов товарного производства, функционирующего на базе общественной собственности. Только на этой основе возможно совершенствовать управление производством, поднимать его эффективность, переходить на интенсивные формы воспроизводства, менять структуру производства в соответствии с новым объемом и характером общественных потребностей.

Перу Е.С. Городецкого принадлежат одни из самых интересных работ в области новых исторически определенных форм общественно необходимых затрат труда. Шаг за шагом он исследует все новые стороны и аспекты этой фундаментальной проблемы экономической науки, связанной с формированием издержек производства, анализом и учетом затрат труда, ценообразованием, стимулированием работников и трудовых коллективов в соответствии с оценкой эффективности работы, управлением на основе экономических интересов. Именно в той области существовали прямо противоположные точки зрения и велись горячие дискуссии между представителями различных научных школ и направлений. Чтобы подойти к научному определению цены, он пишет работы «Количественная определенность общественно необходимых затрат труда и стоимости» (1971), «Соотношение количественного и качественного анализа в политической экономии» (1972), «О применении математики в экономических науках» (1974) и, наконец, «Хозяйственный механизм: его природа и направления совершенствования в условиях ускорения социально-экономического развития» (1986).

Уже в преддверии нового витка экономических экспериментов и назревших реформ вышли монографии, в которых во многом обобщены итоги научных дискуссий 70-х годов: «Обще-

ственно необходимое рабочее время и проблемы планового ценообразования в условиях развитого социализма», «Плановая цена: ее природа и использование при социализме» (1980). Последняя монография была совместным проектом советских и чехословацких ученых, вдохновителем и инициатором которого был Е.С. Городецкий. Совместно с чехословацким коллегой М. Йиргесом он был и научным редактором издания. Именно в этих работах было предложено оригинальное понимание двойственной природы плановой цены, которая, с одной стороны, в условиях централизованной государственной экономики носила черты планового норматива, инструмента планирования и учета, и, с другой стороны, сохраняла свою природу и функции как форма стоимости. Она в форме определенной модификации стоимости, так называемой цены воспроизводства, способствовала определению и соизмерению затрат труда, включая их фондovou составляющую, а также сравнению различных вариантов эффективности инвестирования и производства, возмещению издержек производства и формированию прибыли предприятий. На этой основе формировались критерии оценки эффективности работы предприятий и соответствующие системы стимулирования трудовых коллективов.

Будучи специалистом в области товарно-денежных отношений, Е.С. Городецкий долгие годы сотрудничал с НИИ цен при Государственном комитете СССР по ценообразованию. Позднее, уже в конце 80-х, эти теоретические положения и разработки были заложены в основу позиции, связанной с необходимостью проведения генерального пересмотра цен, по сути, реформирования основ ценообразования как части радикальной реформы хозяйствования, концепция которой сформировалась в период 1984—1987 годов (см.: Городецкий Е.С. Теоретические предпосылки планомерного пересмотра цен // Вопросы экономики. 1987. № 3). Как ученый-ценовик Евгений Семенович стал лидером одного из известных направлений в развитии ценообразования. Его перу принадлежит более 80 научных трудов в этой области, изданных и известных не только в нашей стране, но и за рубежом — в Болгарии, Польше, Чехословакии, Китае, Японии.

Научная деятельность Е.С. Городецкого во многом связана с таким широко известным в нашей стране и за рубежом научным центром, как Институт экономики РАН (ранее — Институт эко-

номики АН СССР). Работая в Отделе политической экономии, он много сделал для обоснования современного понимания природы и способов функционирования хозяйственного механизма, базирующегося, в том числе, и на использовании рыночных методов хозяйствования. Эти разработки нашли свое отражение в научных трудах Института и личных публикациях Е.С. Городецкого. Но важно отметить то, что научный прогноз о перспективах развития хозяйственного механизма, с учетом как реформационного опыта предшествующих лет, так и реформационного вызова грядущих 90-х годов, в разработке которого Е.С. Городецкий принимал самое деятельное и непосредственное участие, вошел составной частью в Комплексную программу научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий до 2000 года. Эта программа была подготовлена Институтом экономики и предложена руководству страны как научно обоснованная и реалистическая стратегия развития на предстоящие 25 лет.

Конечно, в коротких биографических заметках, посвященных памяти ученого-воина, не раскрыть всего богатства его мысли, всей значимости его исследований для развития экономической теории и практики. Но хотелось бы посмотреть на его многолетний труд в целом, в совокупности.

Он был тонким методологом в области марксистской школы политической экономии, прекрасно знал работы предшественников К. Маркса. Он очень глубоко знал труды наших отечественных историков экономической мысли, особенно ценил работы Д. Розенберга. Е.С. Городецкий очень внимательно изучал работы А. Грамши, Лукача, в которых искал возможности современного, недогматического прочтения творческого наследия марксизма. Во времена реформ 60-х годов, когда советская экономическая мысль начала интенсивно знакомиться с ведущими авторами зарубежной экономической науки, Е.С. Городецкий очень внимательно изучал разработки школы неоклассического синтеза, в частности, работы П. Самуэльсона. Хорошо знал работы Д. Гэлбрейта. В сфере его внимания находились труды по математической экономии Р. Алена, К. Ланкастера, по линейному программированию Д. Данцига, Д. Гейла, У. Баумоля, по эконометрике Г. Тинтнера. Е.С. Городецкий был одним из тех политэкономов, который очень серьезно, с интересом и пониманием относился к развитию отечественной математико-экономичес-

кой школы, возглавляемой тогда Н.П. Федоренко, к теории СОФЭ, разработанной в ЦЭМИ РАН (тогда ЦЭМИ АН СССР). Все это, несомненно, обогащало методологический багаж ученого, усиливало доказательность и убедительность его теоретических выводов. Владение диалектическим методом исследования в соединении с современным методологическим инструментарием экономической науки, освоение математических методов анализа делали исследования более строгими, приближая их по объективности и достоверности к точным наукам. Поэтому работы Е.С. Городецкого и теперь весьма актуальны. Самые сложные мысли в них выражены ясно и доступно, но без упрощенчества, а современность и новизна делает их до сих пор интересными.

Следует отметить, что почти все работы ученого имели непосредственный и скорый выход в экономическую практику.

Большая и плодотворная научная работа становилась базой и источником педагогического мастерства. Евгений Семенович был прирожденным педагогом, интересным, артистичным и темпераментным лектором, человеком большой эрудиции и высокой культуры. Добавим сюда и огромный жизненный опыт фронтовика, гражданина, главы большой и дружной семьи. Он был любимцем студенческой аудитории, был популярен как интересный и продвинутый научный руководитель аспирантов. Сегодня многие сложившиеся и состоявшиеся ученые считают себя учениками профессора Е.С. Городецкого. Под его руководством подготовлены сотни дипломных работ, защитили диссертации более пятидесяти аспирантов и докторантов.

Е.С. Городецкий не дожил до 50-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, а он так мечтал об этом. Поэтому закончить эти заметки хочется проникновенными словами, с которыми в связи с 70-летием обратился к нему коллектив кафедры политэкономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, коллектив друзей и единомышленников, с которыми плечом к плечу он прошел путь длиною в 44 года, с 1950 по 1994.

«Дорогой Евгений Семенович!

Мы поздравляем Вас, нашего коллегу и друга, ветерана Великой Отечественной войны, ветерана экономического факультета МГУ, ветерана кафедры политической экономии с 70-летием!

Работая с Вами долгие годы, мы находились и находимся под обаянием Вашей необыкновенной личности настоящего гражданина своей страны. Вы приняли на себя все тяготы военного времени, когда с оружием в руках защищали наше Отечество. В период мирного социалистического строительства Вы отдавали все силы своего ума и духа на осмысление процессов нашего экономического бытия, воспитывали многие поколения честно мыслящих исследователей-экономистов. Во всех направлениях научных исследований, в которых Вы принимали участие, заметен Ваш весомый, яркий вклад. Всегда и во всем Вы сохраняли Ваши прекрасные, очевидно, идущие из Вашей военной молодости качества: честность, порядочность, искренность, дружелюбие, бескорыстие, равнодушие к тому, что происходит как в стране, так и на экономическом факультете, готовность принять личное участие в решении самых сложных и ответственных задач.

Мы не можем не отметить, что во все времена Вы никогда не шли на компромиссы и отстаивали те идеи, которые считали верными. Мыслями и делами именно таких, как Вы, людей готовилась перестройка. От Вашего деятельного участия зависит ее судьба.

Мы желаем Вам большого здоровья, его обязательно должно хватить для решения ответственных для нашего будущего задач.

Желаем также здоровья и благополучия Вашей семье, которая является Вашим надежным тылом. Но и свою родную кафедру Вы также можете рассматривать как Вашу семью, которая Вас бесконечно ценит, крепко любит и очень Вами дорожит».

Далее следуют подписи-автографы более чем пятидесяти коллег.

Пусть эти пожелания станут прощальным воинским залпом в память о необыкновенном Человеке, ученом, воине.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА Е.С. ГОРОДЕЦКОГО

1. Хозрасчет и рентабельность колхозного производства. М.: Изд-во МГУ, 1963.

2. Закупочные цены и их роль в развитии колхозного производства. М.: Знание, 1964.

3. Закон стоимости в колхозном производстве. М.: Изд-во МГУ, 1967.

4. Общественно необходимые затраты труда, стоимость и цена в колхозном производстве. М.: Экономика, 1970.
5. Количественная определенность общественно необходимых затрат труда и стоимости // Вестник Московского университета. Серия Экономическая. 1971. № 5.
6. Соотношение качественного и количественного анализа в политической экономии // Вестник Московского университета. Серия Экономическая. 1972. № 3.
7. Условия образования дифференциальной ренты и ее социальная природа // Курс политической экономии. Т. II. Глава 36. М., 1974.
8. О применении математики в экономических науках // Вестник Московского университета. Серия Экономическая. 1974. № 4.
9. Использование рентных платежей в стимулировании эффективного использования природных ресурсов // Вопросы совершенствования хозяйственных отношений в СССР. М.: Наука, 1976.
10. Общественно необходимое рабочее время и проблемы планового ценообразования в условиях развитого социализма. М.: Высшая школа, 1979.
11. Плановая цена: ее природа и использование при социализме / Под ред. *Е.С. Городецкого* и *М. Йиргеса*. М.; Братислава: Экономика, Правда, 1980.
12. Соотношение непосредственно общественных и товарно-денежных отношений при социализме. М.: Изд-во ИЭ АН СССР, 1983.
13. Хозяйственный механизм: его природа и направления совершенствования в условиях ускорения социально-экономического развития // Вестник Московского университета. Серия Экономическая. 1986. № 3.
14. Теоретические предпосылки планомерного пересмотра цен // Вопросы экономики. 1987. № 3.

Е.Я. Ефремова,
кандидат экономических наук;
С.И. Половенко,
кандидат экономических наук

АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ БУТЕНКО. ФИЛОСОФ, ПОЛИТОЛОГ, УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ¹

Анатолий Павлович Бутенко родился в украинской семье в городе Гадяче Полтавской области 19 апреля 1923 года. Так записано в документах. В действительности же он родился двумя годами позже — в 1925 году. Это расхождение возникло не случайно и не по чьей-то ошибке. В апреле 1941 года Анатолию исполнилось шестнадцать лет, а когда началась война, как и многие его сверстники, он рвался на фронт. Воспользовавшись тем, что его метрика оказалась утерянной в результате многих переездов семьи (Гадяч—Харьков—Турткуль—Нукус), Анатолий пошел в военкомат, написал заявление об отправке на фронт. Юношу направили в диспансер на освидетельствование для установления возраста. Отвечая на вопрос медицинской комиссии о дате рождения, он сказал, что родился 19 апреля 1923 года. Так комиссия и определила, а Анатолий получил документ с неверной датой рождения, которая и стала официальной. Желание подростка сбылось, он попал в число призывников на фронт. Но об этом чуть позже.

Все детство Анатолия Павловича прошло в учительской семье на Украине в тяжелый период конца 20-х — начала 30-х годов, то есть в условиях становления и утверждения сталинского тоталитаризма и голодомора на украинской земле. Анатолия и его старшего брата, уже опухавших от голода, спасли бесплатные школьные завтраки, ведь мама была учительницей. Затем было бегство всей семьи из Харькова, где, прячась от голода, они

Профессор А.П. Бутенко.
9 мая 1990 г.

жили у родственников матери. В середине 30-х годов семья переезжает в Среднюю Азию, в Каракалпакию, в город Турткуль.

В Турткуле Анатолий Павлович продолжил учебу уже в русской школе. Блестящий преподаватель русского языка и литературы из Москвы Н.А. Крайнов заметил и серьезно отнесся к литературным способностям Анатолия Бутенко, сочинявшего стихи.

Вернемся в июнь 1941 года. Когда после освидетельствования на комиссии школьник Толя Бутенко принес домой новую метрику и показал ее маме, она заплакала, потому что поняла: еще до окончания десятилетки ее второй сын (старший уже воевал с белофиннами, учился на летчика-истребителя) будет призван в армию. Аттестат об окончании школы Анатолию все же был выдан на основе отличных результатов в учебе.

Вместе с другими вчерашними школьниками Анатолия Бутенко мобилизовали: катером довели до города Чарджоу — ближайшей железнодорожной станции, оттуда в Наманган, в Харьковское пехотное училище. Все понимали, что выучиться на офицеров им не придется — пошлют на фронт.

В начале 1942 года А.П. Бутенко принимает участие в тяжелейших боях под Можайском, у Юхнова, потом под Великими Луками и Ржевом. Воевал он в 19-й стрелковой дивизии 315-го стрелкового полка, в роте автоматчиков, хотя сразу автомата ему не дали. Поскольку он учился в офицерском училище, в его обязанности входило каждое утро быть у командиров всех трех батальонов, устно дублировать телефонную связь, информируя командира полка.

И тут обнаружилось, что он, приехавший из пустынной Средней Азии, плохо ориентируется в лесах центральной России. К тому же случилась беда — Анатолий заболел куриной слепотой. Боясь, что его заменят, он не доложил начальству о своей болезни, приспособился ходить по батальонам, держась за телефонные провода. Это выручало и при куриной слепоте, и при плохой ориентации в лесу. Однако провода были натянуты не только над землей, но и над ручьями, речушками, через которые приходилось, почти ничего не видя, лезть в кирзовых сапогах с дырками, в промокшей одежде.

Так катились месяцы войны, совсем непохожие друг на друга. Под Ржевом, попав в засаду власовцев, почти весь полк, в котором воевал А.П. Бутенко, был уничтожен. Те, кто уцелел, были отправлены к Великим Лукам. Там полк ждало пополнение, и только там Анатолий впервые получил автомат.

Во время войны Анатолий Павлович стал публиковать свои фронтовые лирические стихи в дивизионной газете «Доблесть» и других фронтовых газетах. Вот одно из стихотворений, опубликованное в 1942 году.

ПУТЬ ЛЮБВИ МОЕЙ

Тихо. Ночь глубокая
Стынет в тишине.
Милая, далекая,
Вспомни обо мне!
 Вспомни встречи прежние,
 Девушка моя,
 Грустные и нежные
 Трели соловья,
Тех ночей мгновения,
Ласку моих слов,
Встречи незабвенные
В тишине садов...
 Снова ночь, и кажется,
 Тихо все кругом,
 Но порой прокатится
 Орудийный гром.
Где-то эхо плавное
Загудит в ответ,
И вдали над плавнями
Вспыхнет цепь ракет.
 И вся ночь угрюмая
 Солнца ждет со мной.
 Я об утрате думаю —
 Завтра снова в бой.
В дни, когда атаками
Отбивал врагов,
За поля с оврагами
Проливая кровь,
 Я продумал пройденный
 Путь любви моей,
 И в стократ мне Родина
 Сделалась милей.

Однажды в середине марта 1942 года Анатолий Бутенко получил уведомление из редакции Московского радио о том, что его стихотворение «Матери солдата» было передано в эфире. Вот текст этого стихотворения, написанного семнадцатилетним юношей.

МАТЕРИ СОЛДАТА

Далеко, далеко, на солнечном юге
Есть маленький город, как сотни других.
Но часто о нем, как об искреннем друге,
Мечтаю я в думах заветных своих.
Там есть один дом, и он всех дороже:
Осталась в нем милая, добрая мать.
Там тихо, но часто тревожат
Ее свои мысли, и их не унять!
Ей часто не спится, и ночью глубокой
То грезится боя жестокого гром,
То будто доносится шепот далекий
Любимого сына, сраженного в нем.
Но если сын струсит, она не заплачет,
А, прокляв, навеки забудет его:
Предатель не сын ей, и думать иначе
Ее не заставит потом ничего!
А если ты в битве был храбр и отважен,
Тебя будут с честью повсюду встречать:
«Спасибо», — Отчизна родимая скажет,
И крепко обнимет любимая мать!

Весной 1943 года военная судьба забросила Анатолия Бутенко с Центрального фронта на Юго-Западный, в родной Харьков. Воинский эшелон высадил пехотные полки в Чугуеве. Пока продвигались по шоссе Чугуев — Харьков, слышали со всех сторон рокот артиллерии, но не подозревали, что «очухавшиеся» после Сталинграда немцы клиньями обходили Харьков, окружая восьмидесятитысячную армию, желая отплатить за Сталинград.

Во время войны А.П. Бутенко только один раз был в окружении — под Харьковом, причем ситуация менялась так стреми-

тельно, что его часть за одну ночь попала во вражеское кольцо и вышла из него. Но воспоминание о переживаниях солдата, оказавшегося в немецком окружении: о страхе, что вот-вот плен, об ужасе от того, что будет потом, навсегда сохранились в его душе.

После форсирования Днепра свои яркие впечатления и любовь к родной Украине старший сержант А. Бутенко выразил в прекрасном стихотворении «Днепр», которое газета «Доблесть» опубликовала 8 октября 1943 года.

Старший сержант
А. П. Бутенко. 1942 г.

ДНЕПР

Ранним утром в серой мгле тумана
В первый раз увидел я тебя.
Ты шумел и бился беспрестанно,
Звал к себе заманчиво меня.
Я давно мечтал о встрече этой,
С детских лет ты снился часто мне.
Встретиться хотелось мирным летом,
А пришлось увидеть на войне.
В дни войны, когда ты был не с нами,
Каждый воин думал о тебе,
И сражался яростно с врагами,
Чтобы быть скорее на Днепре.
Вот шумишь ты, гордый, непокорный,
Ты нас ждал — и мы пришли назад,
Стаи волн, высоких и проворных,
У песка прибрежного шумят.
Бой гремит. Кипит вода седая,
В брызгах взрывов радуга встает,
Украина — мать моя родная!
Днепр вперед на Запад нас зовет!

После выхода из окружения А.П. Бутенко участвовал в жесточайших боях на Корсунь—Шевченковской дуге, затем был направлен на сборный пункт для отправки в Среднюю Азию в город Чирчик на учебу в авиационное училище (ТВАШ). А перед отправкой в училище старший сержант А. Бутенко на фронте встретил новогоднюю ночь 1944 года и посвятил этому событию стихотворение, которое было опубликовано в газете «Доблесть» уже 3 января.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Глухая ночь!.. Она последняя, как будто
Таких ночей уже не будет, нет!
Садись поближе, друг! И перечтем минуты,
Чтоб еще год списать в счета минувших лет.
 Что пожелать тебе? Ведь счастья не подаришь,
 Но пусть оно хранит нам жизнь твою,
 Чтоб падали враги, где ты пройдешь, товарищ,
 И был здоров бы ты в походах и в бою!
Чтоб с Новым Годом нам — пусть враг хрипит и злится —
Пройти Украину! Свободы встретить час!
Пройти вперед, мой друг, под арками границы
Похоронить войну в местах, где родилась!
 Чтоб слышать нам с тобой, как станет тихо снова,
 Смирятся танки, пушки замолчат,
 Наступит прочный мир без слез, смертей и крови,
 Чтоб вновь увидеть нам невест, отцов, внучат.
Звенят часы. Считай, двенадцать раз, как будто.
На славу новую нас Родина зовет!
Сожми винтовку, друг! И перечтем минуты,
Чтоб в бой идти смелей, чем в прошлый год.

В авиационном училище в Чирчике Анатолий Бутенко учился с марта 1944 по май 1945 года, там 9 мая встретил Победу. Учеба еще не закончилась, но А.П. Бутенко был отправлен на войну с Японией. Однако доехал он только до Красноярска и был оставлен для учебы в эвакуированном туда Харьковском авиационном училище. В апреле 1946 года, не окончив училища, он демобилизовался и поступил на работу в газету «Красноярский рабочий».

Осенью 1946 года А.П. Бутенко, получив в газете «Красноярский рабочий» две необходимые рекомендации от членов Союза писателей и наивно веря в свои литературные способности, поскольку уже многократно публиковал стихи в газете, приехал в Москву, чтобы поступить в Литературный институт. Но, по счастью, как считает теперь Анатолий Павлович, туда его не приняли. Тогда он решил поступать в МГУ на филологический факультет. Но прием на этот факультет был уже закончен. И после бесстрашного похода из приемной комиссии МГУ к министру высшего образования, к ректору МГУ и декану философского факультета, А. Бутенко как фронтовик, к тому же имеющий школьный аттестат с отличием, был зачислен студентом на философский факультет.

А.П. Бутенко студент
2-го курса философского
факультета МГУ.
Москва, 1948 г.

Московский государственный университет Анатолий Павлович окончил с красным дипломом и был оставлен в аспирантуре. Его диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук была посвящена «Перерастанию демократических революций в социалистические в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Защита состоялась в начале лета 1953 года, вскоре после смерти И.В. Сталина. Именно в это время и вступил молодой ученый на самостоятельный научно-преподавательский путь. Оставленный по государственному распределению на философском факультете МГУ, он с сентября 1953 года преподавал философию сначала на заочном отделении, позже преподавал эту дисциплину экономистам, психологам, математикам и физикам.

Политические события, сотрясавшие философский факультет в 1955 — 1956 годы, чуть не сломали его преподавательскую карьеру. Обнаружив явные признаки готовящегося увольнения, А.П. Бутенко в 1958 году переходит на постоянную работу в качестве заместителя главного редактора философского отдела

журнала «Коммунист». Однако Анатолий Павлович окончательно с МГУ не порвал. В 1964 году после защиты в Институте философии АН СССР докторской диссертации на тему «Философские проблемы идейной борьбы в коммунистическом движении» он был приглашен в МГУ на преподавательскую работу (по совместительству) и вплоть до 1999 года продолжал читать лекции и вести семинары в Институте повышения квалификации преподавателей общественных дисциплин (ИППК) при МГУ на кафедре политологии и социологии.

Хотя научными проблемами А.П. Бутенко занимался со студенческих лет, действительно, научная жизнь для него связана с работой в академическом институте. В 1964 году Анатолий Павлович ушел из журналистики, начав работать заведующим отделом политических и идеологических проблем в Институте мировой социалистической системы АН СССР, позже переименованном (после распада мировой социалистической системы) в Институт международных экономических и политических исследований РАН.

Лекция в ИППК при МГУ. Москва, 1965 г.

Избрав для себя путь ученого, Анатолий Павлович всю свою дальнейшую жизнь посвятил не абстрактным проблемам «чистой» философии, различным аспектам обществоведения, а постоянному поиску ответа на следующие теоретические вопросы: кто мы, откуда мы идем и к чему стремимся?

Основные направления исследований связаны с разработкой теории противоречий и конфликтов, теории революции и государства, социальной справедливости, посвящены проблемам прогресса и регресса, экономического кризиса и социально-экономического тупика, вопросам расстановки и борьбы общественно-политических сил, критике буржуазных, реформистских и ревизионистских теорий, а также проблемам политологии.

Основа мировоззрения А.П. Бутенко — социализм, но ученый никогда не был догматическим приверженцем социалистической идеи. На протяжении всей своей научной деятельности, в научных поисках, он учитывал изменения, происходившие в жизни страны и мира.

Главной в кругу научных интересов А.П. Бутенко была проблема экономической неразвитости и социализма. Он разработал концепцию принципиального разграничения законов социализма как общественного строя и как мировой системы. Результаты теоретических исследований этих проблем нашли отражение как в авторских монографиях «Социализм как общественный строй» (1974) и «Социализм как мировая система» (1984), в многочисленных статьях в научных журналах и периодической печати, так и в коллективных монографиях возглавляемого им отдела в ИЭМСС АН СССР. Под редакцией А.П. Бутенко в издательстве «Наука» вышли монографии «Мировая социалистическая система и антикоммунизм» (1968), «Социализм и международные отношения» (1974), брошюры «Две мировые системы, закономерности и тенденции их развития», «Социалистическая интеграция, ее сущность и перспективы». В этих работах по-новому решен вопрос о закономерностях и противоречиях мировой системы социализма, о связи и различии интернационализации производства и экономической интеграции, о структуре национально-государственных и интернациональных интересов стран, о соотношении национального суверенитета и интеграции, о принципах международных отношений нового типа и развитии содержания пролетарского интернационализма.

При разработке теоретических проблем социализма А.П. Бутенко пришел к выводу, что официальный марксизм-ленинизм, господствовавший во всем социалистическом мире, — это вовсе не научно систематизированная совокупность взглядов Маркса, Энгельса и Ленина, а особый идеологический продукт, слепленный по определенной логике И. Сталиным и его окружением для обоснования узурпации власти и управления собственностью во имя господства партийно-государственной бюрократии, номенклатуры. Изучение этого «продукта» сталинизма имело ключевое значение для понимания того, как строительство социализма переродилось в утверждение казарменного псевдосоциализма — разновидности тоталитаризма.

Важным вкладом в общую теорию социалистического строительства является разработка А.П. Бутенко проблемы выделения этапов социализма, концепции развитого социализма, социальной справедливости и равенства, теоретических проблем перехода к социализму стран с неразвитой экономикой. Особо важное значение имела разработка общих вопросов политического развития, понимания деформаций социализма, политических и экономических кризисов, общественно-политических конфликтов в странах социализма, их сущности, причин и путей их предотвращения.

В его исследованиях проводится анализ противоречий социализма (реального социализма как общественного строя и возможности превращения неантагонистических противоречий в антагонистические). Вместе с тем А.П. Бутенко опубликовал и работы о ликвидации эксплуатации человека человеком путем минимизации прибавочного продукта, присваиваемого эксплуататором.

За идеи о наличии антагонистических противоречий в реальном социализме профессор А.П. Бутенко был подвергнут критике в средствах массовой информации и уволен с преподавательской работы. В своих научных трудах он отстаивал тезис о возникновении государства до частной собственности и классов, об ошибочности отождествления социализма с ликвидацией частной собственности, показав различия между эксплуатацией — присвоением прибавочного продукта и угнетением — присвоением чужой воли.

Значительное место в исследованиях профессора А. П. Бутенко занимают исторические работы, посвященные теории перерождения власти усилиями И. Сталина в левацкий тоталитаризм и роли партийно-государственной бюрократии в этом.

Решительно отстаивая свои взгляды, решая острые проблемы в условиях тоталитарного строя, А. П. Бутенко неоднократно «вызывал на себя огонь» со стороны властей, которые считали его «ревизионистом». Ученый полагает, что наше общество, утратив механизмы прогресса, оказалось в социально-экономическом тупике, непониманием чего объясняются неудачи реформаторов.

Научный поиск исследователя связан и с изучением проблемы исторического забегания, попыток построить социализм там, где для этого нет еще необходимых условий, с рассмотрением сопряженного с этим термидорианского перерождения революционной власти в левацкий тоталитаризм (как это было при И. Сталине), с разработкой возможных мер, противодействующих такому развитию.

Работая над проблемой экономической неразвитости, А. П. Бутенко пришел к выводу, что действительный социализм становится возможным и неизбежным только в условиях перехода доминирующей роли в созидании богатства от труда в его непосредственной форме к науке как к производительной силе. С учетом этого можно разумно объяснить все случившееся в XX столетии: развал преждевременно появившегося «реального социализма», процессы, происходящие в развитых капиталистических странах, а также процессы, развертывающиеся, с одной стороны, в КНДР и на Кубе, а с другой — в Китае и во Вьетнаме. Изучение этих проблем позволило А. П. Бутенко прийти к следующим выводам:

- историческое забегание при экономической неразвитости неизбежно;
- социализм невозможен при неразвитой экономике;
- командно-административная нерыночная экономика — естественно-исторический результат «социалистических» преобразований неразвитой экономики;
- рыночная экономика, частная собственность и эксплуатация необходимы.

Обоснование всех этих выводов содержится в монографическом исследовании «Неравномерность развития и историчес-

кое забегание. Сравнительный анализ развития СССР, России, Китая и Вьетнама (2000).

Доказывая неизбежность исторического забегания при экономической неразвитости, А.П. Бутенко отмечает: один из крупных недостатков марксизма состоит в том, что, учитывая глубину и сложность общественного перелома при переходе от эксплуататорского общества к действительному социализму, ни Маркс, ни Ленин не сформулировали и не объяснили в качестве общественной закономерности те повторяющиеся провалы в реализации социализма, которые характеризуют XX столетие.

Отстаивая тезис о невозможности социализма при неразвитой экономике, ученый подчеркивает, что логика развития общественных отношений в условиях экономической отсталости с неизбежностью ведет процесс перерождения и вырождения строящегося нового общества в сторону казарменного псевдосоциализма с его административно-командной нерыночной экономикой.

Существуют две главные причины, обуславливающие именно такой результат. Во-первых, объективно невысокий уровень экономического развития, недостаточный для социализма, как раз и делает невозможным действительный социализм. Необходимость высвободить огромные материальные ресурсы для «защиты завоеваний» от врагов, для быстрого преодоления экономической отсталости посредством ускоренной индустриализации, а также для того, чтобы содержать быстро растущего паразита — *номенклатуру*, вынуждает до предела сокращать индивидуальное потребление большинства граждан, оплачивая рабочую силу ниже ее стоимости, что противоречит социалистическому лозунгу «Оплата по труду».

Во-вторых, такая субъективно-ошибочная, неизбежно левая идеология, нацеленная на использование силовых средств в достижении того, чего не достичь «хилыми» экономическими методами, общая необходимость называть совершаемое «строительством социализма» придает подобным экспериментам квазисоциалистический характер. Страшные трудности в изолированной и отсталой стране в сочетании с лживой политикой руководства, которая тоже отражает давление отсталости и изолированности, ведут к тому, что *бюрократия* оборачивает пролетариат политически, чтобы своими методами сохранить его социальные завоевания в качестве гарантии своего господства.

Говоря о первоначальной логике развития подобной отсталой страны, ставшей на путь социалистической ориентации, А.П. Бутенко делает вывод, что формой экономического развития такой страны должна быть экономика, сохраняющая рыночный характер, но ориентируемая народным государством на реализацию *социальной справедливости для большинства граждан*. В более приближенном к практике выражении это по своему типу, в сущности, — нэповская политика. Ведь именно так предполагалось вести экономически неразвитую Россию к социализму. Однако социально-ориентированная рыночная экономика, или курс на рыночный социализм времен НЭПа, давший впечатляющие результаты, был отвергнут И. Сталиным, что и привело «реальный социализм» в СССР и других странах Европы к тем плачевным результатам, свидетелем которых стал XX век.

В одной из последних фундаментальных работ — монографии «О скрытых формах изменения социальной природы власти» (2004) А.П. Бутенко показывает, что научная история ни одной страны не мыслима без точного раскрытия того, какие общественно-политические силы на соответствующем отрезке истории определяли развитие государства, осуществляли в нем те перемены, которые и составили суть происходящего. Рассматривая с этих позиций последние события в России и в других странах СНГ, ученый раскрывает главный недостаток в понимании ситуации, сложившейся в «постсоциалистическом» мире: доминирующей тенденцией развития этого мира является отсутствие адекватной оценки уже произошедшей здесь трансформации политической власти, а также социально-классовой природы функционирующей здесь власти и ее нынешних целей.

В этой работе А.П. Бутенко критически оценивает деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, который, провозгласив главным направлением развития экономики страны ее ускорение, на деле отступил от решения партии и начал не только перестройку экономики, но одновременно затеял и преобразования политической системы. Отсюда, по мнению А.П. Бутенко, вытекает ответ на вопрос «Почему социализм в России погиб, а в Китае выжил?»

А.П. Бутенко, проработавший много лет на педагогическом поприще, внес существенный вклад в дело воспитания молодежи, в подготовку научно-педагогических кадров. Под его руко-

водством были успешно защищены 5 докторских и несколько десятков кандидатских диссертаций. Он воспитал много способных научных сотрудников, что дает основание говорить о научной школе профессора А.П. Бутенко.

Во время празднования 80-летнего юбилея в ИМЭПИ РАН. 19.04 2003 г.

В научном коллективе ИМЭПИ РАН, где трудится Анатолий Павлович, он пользуется авторитетом и уважением как Человек с большой буквы, как фронтовик, как крупный ученый-теоретик. За его принципиальность, глубину порядочность коллеги иногда говорят, что «он совесть Института».

Простой солдат, старший сержант А.П. Бутенко стал известным ученым, блистательным профессо-

ром. Заслуженный деятель науки РФ, А.П. Бутенко является автором почти 500 опубликованных работ, включая 15 монографических исследований. Его труды неизменно привлекали внимание и продолжают вызывать научный интерес у российских и зарубежных читателей творческим, новаторским подходом, смелой постановкой вопросов.

К сожалению, годы войны сказались на здоровье Анатолия Павловича, но несмотря ни на что, он по-прежнему в строю, сохранил чувство оптимизма, жизнелюбия, потребность в творческом созидании.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА А.П. БУТЕНКО

1. Социализм как общественный строй. М.: Политиздат, 1974. (15 п. л.)
2. Социализм как мировая система. М.: Политиздат, 1984. (17 п. л.)
3. Основные черты современного ревизионизма. М.: Госполитиздат, 1959. (12 п. л.)

4. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М.: Наука, 1978. (19 п. л.)
5. Власть народа посредством самого народа. М.: Мысль, 1988. (12 п. л.)
6. Перестройка против препятствий. Актуальные проблемы теории. М.: Прогресс, 1988. (На французском языке.), (10 п. л.)
7. Современный социализм. Вопросы теории. М.: Политиздат, 1989. (16 п. л.)
8. Неравномерность развития и историческое забегание. Сравнительный анализ развития СССР, России, Китая, Вьетнама. М., 2000. (22,6 п. л.)
9. Наука, политика и власть. Воспоминания, раздумья. М., 2000. (23,7 п. л.)
10. Откуда и куда идем? М.: Политиздат. 1990. (15 п. л.)
11. О скрытых формах изменения социальной природы власти. М., 2004. (20 п. л.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При подготовке очерка использовались материалы из книги А.П. Бутенко «Наука, политика и власть. Воспоминания, раздумья» (М., 2000).

Л.В. Фокина,
жена А.П. Бутенко, научный сотрудник ИМЭПИ РАН

НАУМ ГРИГОРЬЕВИЧ НАРОВЛЯНСКИЙ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ОСТАНАВЛИВАЛСЯ НА ДОСТИГНУТОМ

Наум Григорьевич Наровлянский родился 4 декабря 1921 года в городе Куйбышев (Самара). В 1939 году окончил среднюю школу и добровольно вступил в ряды Советской армии.

Экономический факультет МГУ начал свою жизнь с декабря 1941 года. Основной костяк первых студентов составили фронтовики — молодые ребята, вернувшиеся с войны, многие с тяжелыми ранениями. Среди них был и Наум Наровлянский.

Война для него закончилась. А началась она для него с Ульяновского бронетанкового военного училища, которое он сам выбрал и в которое поступил в 1939 году, несмотря на желание отца видеть сына врачом. В мае 1941 года состоялся досрочный выпуск курсантов с присвоением воинского звания лейтенант. Наум Наровлянский получил назначение в находившуюся около Ленинграда 21-ю танковую дивизию командиром взвода. Боевое крещение молодой офицер получил уже 23-го июня 1941 года на финской границе, где дивизия преградила путь наступавшим на Ленинград финнам.

Из многих эпизодов войны, о которых рассказывал Наум Григорьевич, он часто вспоминал об одном — стремительном наступлении наших войск под городом Невель, за участие в котором он был награжден высшим орденом страны — орденом Ленина: «В 1942/43 годах наша армия вела активное наступление на Калининском фронте, освободила города Кали-

Н.Г. Наровлянский
в годы войны

нин (Тверь), Ржев, Великие Луки, Торопец. Здесь мне присвоили воинское звание старшего лейтенанта и назначили начальником штаба танкового батальона.

В сентябре 1943 года была сформирована ударная группа войск в составе нескольких танковых бригад, куда входил и батальон, в котором я служил. В очередном бою мне, теперь уже капитану, было поручено командовать передовым подвижным отрядом прорыва, который в своем составе имел танковую роту, роту солдат автоматчиков, взвод саперов, отделение противотанковых ружей. При отряде имелись офицеры связи от авиации и артиллерии для поддержки на случай необходимости. Командованием была поставлена задача: прорвать

Старший лейтенант
Н.Г. Наровлянский

передний край обороны войск противника и проселочными дорогами продвинуться на 60 километров в тыл врага, подойти к городу Невель и занять исходную позицию для последующего наступления основной ударной группы войск.

Рано утром 4-го сентября армейская артиллерия открыла массированный огонь по переднему краю обороны противника. Как командир, я приказал экипажам танков приготовиться к бою, а всем другим разместиться на броне танков и автомашинах. Сам тоже сел на броню танка, чтобы поддержать боевой настрой солдат и офицеров и лучше ориентироваться на местности. Головной отряд пошел на штурм переднего края вражеской обороны.

Начался бой. Гитлеровцы открыли по отряду сильный огонь из пулеметов, минометов и пушек. Передняя линия обороны оказалась заминированной. Создалась сложная обстановка, угрожавшая срыву выполнения боевой задачи. В этих условиях мне удалось воспользоваться рельефом местности: справа оказался овраг и я приказал отряду спуститься в него и продолжать наступление. Ре-

После вручения орденов Ленина.
В центре — А. Микоян. Москва, Кремль.

шение оказалось верным, так как дно оврага не простреливалось, и это помогло не только подойти к позициям врага, но и выйти в его тыл. Танкисты с ходу подавили четырехорудийную батарею врага, преграждавшую путь наступающему отряду, а автоматчики стали стрелять по окопам оборонявшихся фашистов, которые в панике отступили, оставив много раненных и убитых.

Громя гитлеровские заслоны, отряд проселочными дорогами стремительно двигался вперед и своим внезапным появлением в тылу противника привел в смятение отступающие его части.

В течение дня отряд с боями прошел более шестидесяти километров и пробился к городу Невель, заняв намеченные командованием позиции. В ходе этой военной операции были освобождены 14 сел и деревень, подавленно несколько опорных пунктов обороны врага, распущена колонна почти из двухсот наших граждан, которых гитлеровцы под конвоем уводили в Германию.

К ночи на занятые передовым отрядом рубежи вышли главные силы ударной группы советских войск. Утром основным частям был дан приказ освободить город. Снова начался бой, в котором я был тяжело ранен».

О том, как воевал молодой офицер Н.Г. Наровлянский на фронте, лучше всего говорят его боевые награды. Он награжден орденом Ленина, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I-й степени, медалью «За отвагу», в послевоенное время — многими другими юбилейными медалями.

Получив тяжелое ранение и награды, боевой офицер решил продолжать учебу. И, конечно, он хотел учиться в первом вузе страны — Московском государственном университете. По своим способностям Наум Григорьевич достиг бы успеха в любой выбранной им области науки. Но в этот момент большое влияние на него оказал первый декан экономического факультета И.Д. Удальцов, который при случайной встрече сумел увлечь и направить Наума Наровлянского на занятие экономической наукой и, в частности, политической экономией, которая в то время считалась модной.

Окунувшись в учебу и университетские будни вместе со своими однокашниками (Е.И. Капустиным, В.Н. Черковцом и другими), ставшими впоследствии известными учеными и крупными руководителями, Н. Наровлянский сразу же стал заниматься научными исследованиями, что и привело к публикации нескольких статей и предложению поступить в аспирантуру после окончания университета.

В 1949 году Наум Григорьевич Наровлянский окончил МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Политическая экономия», был рекомендован и принят в аспирантуру университета, которую окончил в 1952 году. В 1953 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию. Из-за сложившейся внутривнутриполитической обстановки в стране, он, как и многие другие выпускники еврейского происхождения, не мог остаться на кафедре университета и был направлен преподавателем на кафедру политической экономии Ярославского государственного педагогического института имени К.Д. Ушинского. И вместе с женой и двумя маленькими детьми он переезжает в Ярославль, где и проработал большую часть жизни.

Учебные занятия, проводимые Н.Г. Наровлянским, отличались

Аспирант
Н.Г. Наровлянский

высоким научно-теоретическим и методическим уровнем. Его лекции и семинары, насыщенные актуальным материалом, охотно посещали студенты. Он был всеми уважаем и любим.

Он не разрывает связей с Московским государственным университетом, ведет научную работу и в 1970 году блестяще защищает на Ученом совете экономического факультета МГУ диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему «Общественная потребность и труд при социализме».

Профессор Н.Г. Наровлянский

С сентября 1970 года Н.Г. Наровлянский, профессор, доктор экономических наук заведует кафедрой политической экономики Ярославского государственного педагогического института. Имя профессора Наума Григорьевича Наровлянского хорошо известно в научных кругах. С ним связано не только развитие и углуб-

ление исследований проблем общественного труда, но и появление нового направления научной деятельности членов кафедры — изучение проблем общественных потребностей при социализме, которое выделилось в приоритетный и самостоятельный предмет научных исследований. По указанной проблеме в 1969—1985 годах был осуществлен выпуск 16 научных межвузовских сборников (общим объемом 156 п. л.).

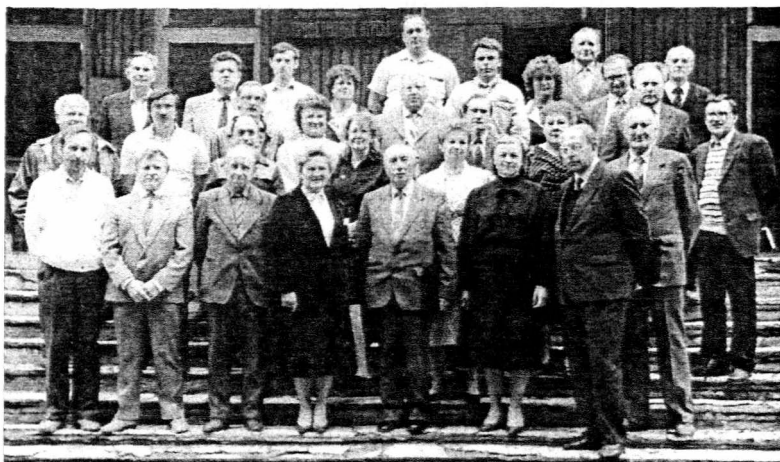
Н.Г. Наровлянский и его коллеги создали школу единомышленников и сплотили вокруг себя ученых кафедры и родственных кафедр вузов Ярославля, Рыбинска, Костромы, Москвы и других городов. Под руководством профессора Н.Г. Наровлянского в 1973 году издана «Экономика школьного образования» — одна из первых в стране работ по данной проблеме, предназначенная для студентов педагогических институтов. Продолжением исследований в этом направлении стало издание в 1978 году республиканского сборника

«Экономическое образование и воспитание студентов педагогических институтов».

Как руководитель кафедры политэкономии Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского, он вел большую учебно-методическую работу, активно участвовал в подготовке учебных пособий для высшей и средней школы. Н.Г. Наровлянский являлся членом научно-методического совета по общественным наукам Министерства просвещения РСФСР и многих других советов, участвовал в организации и проведении республиканских и межвузовских научно-теоретических конференций.

Он являлся постоянным ответственным редактором межвузовского сборника «Общественный труд при социализме», ежегодно издаваемого с 1971 года.

По вопросам, относящимся к проблемам общественных потребностей при социализме, им опубликованы такие основополагающие работы, как «Общественная потребность и труд при социализме» (1967), «Общественная потребность при социализме» (1968), «Закон возрастания уровня потребностей при социализме» (1970), «Плановый продукт как выражение общественных потребностей» (1976, 1977).

Н.Г. Наровлянский с коллегами

Под его руководством и при активном участии как автора основных глав и разделов изданы «Методические указания к изучению курса «Политическая экономия для студентов-заочников»» (1976) и «Политическая экономия социализма в курсе обществоведения» (1974).

Начиная с 1970 года под руководством профессора Н.Г. Наровлянского осуществлен целый ряд исследований по актуальным проблемам народнохозяйственной практики, результаты которых использовались предприятиями Ярославской области, что обеспечило значительный экономический эффект, способствовало повышению уровня организации производства. В 1980 году была выполнена работа «Сравнительный анализ факторов, влияющих на формирование нормативно чистой продукции (на предприятиях машиностроения)». Н.Г. Наровлянский руководил комплексной темой кафедр института «Разработка и составление плана социального развития Тутаевского завода дизельных агрегатов на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», заказ на которую был дан одним из крупнейших предприятий Ярославской области.

Учебно-педагогическая деятельность профессора Н.Г. Наровлянского соответствовала требованиям высшей школы. Он неоднократно получал благодарность руководства института, грамоты Министерства и награждался значками отличника народного образования Минвузов РСФСР и СССР. В 1976 году за заслуги перед народным образованием Н.Г. Наровлянский был награжден орденом Октябрьской революции.

В 1984 году он переходит работать в Московский государственный открытый педагогический университет заведующим кафедрой основ экономической теории, где продолжил учебную и научную работу. Н.Г. Наровлянскому было присвоено звание Почетного профессора МГОПУ.

Им опубликовано более 150 печатных работ. Под его научным руководством подготовили и защитили кандидатские и докторские диссертации более 30 аспирантов и соискателей.

До самого конца жизни Наум Григорьевич оставался необходимым для своих учеников, коллег, молодых сельских ребят, которым он помог получить высшее образование, для своих детей и внуков. Образованность, широта кругозора, деликатность, свойственные Науму Григорьевичу, к сожалению, остались характеристикой уходящего поколения.

Наум Григорьевич скончался в 2001 году, не дожив до восьмидесятилетия несколько месяцев. По своим человеческим и профессиональным качествам он был одним из лучших представителей своего времени. Его помнят и будут помнить как замечательного, сильного и мудрого человека, Преподавателя высшей школы с большой буквы, который за свою насыщенную событиями, испытаниями и достижениями жизнь сумел пронести свет знаний и передать его своим многочисленным ученикам.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА Н.Г. НАРОВЛЯНСКОГО

1. *Общественная потребность и труд при социализме.* Ярославль, 1967.
2. *Общественная потребность при социализме.* Ярославль, 1968.
3. *Закон возрастания уровня потребностей при социализме.* Ярославль, 1970.
4. *Экономика школьного образования.* Ярославль, 1973.
5. *Плановый продукт как выражение общественных потребностей.* Ярославль, 1976, 1977.
6. *Экономические отношения по распределению непосредственного общественного продукта.* Ярославль, 1978.
7. *Хозяйственный механизм организации социалистического труда.* Ярославль, 1980.
8. *Классификация общественно значимых потребностей.* М.: Изд-во МГУ, 1980.
9. *Углубляется изучение методологических проблем политической экономии социализма // Экономические науки,* 1980.
10. *Непосредственно общественный продукт в условиях развитого социализма.* М.: Высшая школа, 1981.
11. *Основы экономической теории.* М.: МГОПУ, 1997.

Г.М. Мерлин,
аспирант, обозреватель международного
экологического журнала «ЭКОС», внук Н.Г. Наровлянского

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОМБАЛЕВСКИЙ. ЭКОНОМИСТ И ФРОНТОВИК

Доцент В.А. Гомбалеvский

В.А. Гомбалеvский родился в 1920 году в Белоруссии, в селе Больше-Гальцево Кохановского района Витебской губернии. В 1929 году семья переехала в Сибирь — в село Халтаевск-Цейлоты Усольского района Иркутской области. По окончании Больше-Еланской неполной средней школы в 1937 году поступил на учебу в Иркутский финансово-экономический техникум. Но учиться ему не пришлось. Огненное пламя Второй мировой войны полыхало по странам Европы. Его призвали в армию с третьего курса техникума в декабре 1940 года.

Трудно подсчитать, сколько пар сапог износил по дорогам Великой Отечественной войны старший сержант В.А. Гомбалеvский, но человеческая память не способна вычеркнуть те боевые трагические дни и забыть тех, кто не вернулся с поля боя. Всю Отечественную войну он находился на Ленинградском фронте, участвовал в битве под Ленинградом с первого до последнего дня, 900 суровых блокадных дней и ночей.

Награжден орденом «Отечественной войны» II-й степени, медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другими юбилейными медалями.

В 1946 году В.А. Гомбалеvский демобилизовался из армии и вернулся в родной Иркутск, чтобы продолжить прерванную войной учебу. Окончив с отличием техникум, в 1947 году он поступил в Иркутский финансово-экономический институт. В 1951 году на планово-экономическом факультете института состоялся пер-

вый выпуск — 75 человек. Многие из выпускников в последующем стали учеными, преподавателями, руководителями предприятий, учреждений, экономических служб. Был среди них и В.А. Гомбалеvский, окончивший вуз с «красным» дипломом. После окончания института его направили на преподавательскую работу на кафедру политэкономии Иркутского мединститута, где он трудился ассистентом, затем, пройдя годичную подготовку в Ленинградском госуниверситете, работал старшим преподавателем.

В.А. Гомбалеvский
в годы войны

В августе 1963 года В.А. Гомбалеvский перешел на работу на кафедру политэкономии Иркутского финансово-экономического института (который в 1965 году был реорганизован в Иркутский институт народного хозяйства), где он проработал более тридцати лет. В институте он прошел путь от старшего преподавателя до доцента, семь лет был деканом вечернего факультета (с 1967 по 1974 год), а в 1974 году был утвержден на должность проректора по научной работе и проработал в этой должности двенадцать лет (с 1974 по 1986). Как проректор, основные усилия он направлял на развертывание комплексных исследований в институте и повышение их эффективности.

При его непосредственном участии и его научном руководстве выполнен ряд важных исследовательских работ, в том числе по комплексной теме «Совершенствование форм и систем оплаты труда в лесозаготовительной промышленности Восточной Сибири». В.А. Гомбалеvский принимал непосредственное участие в исследовании комплексной проблемы повышения эффективности общественного производства.

По исследуемым проблемам им опубликованы научные работы общим объемом более 40 печатных листов. Фронтовые недуги помешали ему оформить опубликованные труды в докторскую диссертацию.

Преподавательская деятельность В.А. Гомбалева характеризуется знанием дела, глубокой проработкой материала и методики его изложения для студентов. Его лекции отличались четкостью и логичностью. Они побуждали студентов мыслить и стремиться к знаниям, учили анализировать факты и цифры, видеть за ними сущность изучаемых явлений.

В результате плодотворной работы В.А. Гомбалева стал эрудированным преподавателем, зрелым научным работником и хорошим организатором. Будучи деканом факультета, он подготовил и защитил в 1969 году диссертацию на тему «Экономические интересы и материальное стимулирование труда» с присвоением ученой степени кандидата экономических наук. Круг его научных изысканий был широк, но основное внимание он сосредоточил на проблемах экономических интересов и материального стимулирования труда, а также эффективности производства на различных уровнях. По проблемам экономических интересов в регионе В.А. Гомбалева была опубликована одна из первых в СССР монографий по этой проблематике — «Сущность, показатели и резервы повышения эффективности общественного производства» (1972). В этой работе автор исследовал проявление экономических интересов индивидов как непосредственно на предприятиях и в организациях, где они работают, так и в региональных экономических системах. В монографии были предложены разработки по повышению эффективности стимулирования труда работников основных хозяйственных звеньев (предприятий), а также обоснована необходимость относительного обособления финансовых ресурсов бюджетов регионов. При этом под регионами в то время также понимались области, края и автономные республики РСФСР.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что выводы монографии были актуальными и в определенной мере сыграли положительную роль в развитии политической экономики, той науки, которой честно и преданно посвятил свою жизнь В.А. Гомбалева.

Как проректор по научной работе, доцент В.А. Гомбалева систематически и целенаправленно занимался вопросами подготовки научно-педагогических кадров, осуществлял руководство и организацию научных исследований в институте.

Единая комплексная проблема института включала основные, ведущие направления, темы факультетов, кафедр, каждая из которых, в свою очередь, объединяла коллективы ученых, преподавателей различных профилей. В связи с этим проблемы повышения эффективности производства нашли отражение в трудах по различным специальностям (экономике, финансам, кредиту, бухгалтерскому учету, статистике и другим).

Основными направлениями общепрофессиональной комплексной проблемы в годы работы В.А. Гомбалеvского проректором по научной работе были: 1) исследование путей повышения эффективности производства в строительстве, машиностроении, горной промышленности и автомобильном транспорте; 2) финансово-кредитные рычаги в системе экономических методов управления; 3) формирование и повышение эффективности использования трудовых ресурсов; 4) совершенствование управления и планирования промышленным производством; 5) рациональное использование природных ресурсов и отходов производства.

В рамках вышеназванных направлений при непосредственном участии кандидата экономических наук, доцента В.А. Гомбалеvского разрабатывались важнейшие политэкономические аспекты повышения эффективности производства, проблемы развития и размещения производительных сил Иркутской области, в частности, в зоне строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) и вопросы регионального планирования; проблемы финансовых стимулов повышения эффективности общественного производства; использования материальных стимулов в лесной промышленности Восточно-Сибирского совнархоза; внедрения нормативного метода учета затрат в промышленности, строительстве; создавались научные основы совершенствования организационных форм и повышения эффективности управления строительством и другие. К исследованиям были привлечены научные силы всех кафедр.

Проректором по научной работе, доцентом В.А. Гомбалеvским были разработаны «Положения по научно-исследовательской работе студентов (НИРС) в Иркутском институте народного хозяйства», «Методические указания для написания курсовых работ по политической экономии».

В конце 60-х годов в связи с бурным развитием промышленности Восточной Сибири институт в научных исследованиях

основное внимание стал уделять изучению проблемы повышения эффективности производства, комплексному характеру исследований, актуальности тематики научных работ.

Широкое развитие получила хозяйственная тематика. Развитие хозяйственных работ послужило основанием для организации научно-исследовательского сектора (НИС) в институте.

Признанием успехов института в научных исследованиях явилось принятие Постановления Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1978 года «О проведении на базе института с привлечением Головного Совета по политической экономии Минвуза РСФСР, журнала «Экономические науки» и экспертной комиссии Восточно-Сибирского научно-методического Совета Минвуза РСФСР научной конференции «Пути повышения эффективности народного хозяйства Восточной Сибири». Республиканская научная конференция была организована и проведена в 1979 году, на ней было представлено более 100 докладов, авторами которых являлись представители самых разных специальностей и школ.

Значительным событием в осуществлении научных исследований студентов стала организация и проведение в 1982 году на базе института Всероссийской студенческой научной конференции «Совершенствование хозяйственного механизма и повышение эффективности производства».

Под руководством В.А. Гомбалева выполнены и успешно защищены две диссертации на соискание ученой степени кандидата наук; являясь научным консультантом, он оказывал постоянную помощь в завершении ряда кандидатских диссертаций, неоднократно выступал официальным оппонентом по защите кандидатских диссертаций.

За успехи, достигнутые институтом в развитии научных разработок, за укрепление связи с производством, организацию подготовки научно-педагогических кадров через аспирантуру в 1980—1985 годах, за многолетнюю и плодотворную научно-педагогическую работу В.А. Гомбалева был неоднократно отмечен благодарностями, награжден Почетной грамотой и премирован Минвузом РСФСР (в 1980, 1981, 1983, 1984, 1985 годах).

В 1978 году приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР он награжден знаком «За отличные успехи в работе».

Научно-исследовательская, преподавательская деятельность В.А. Гомбалеvского сочеталась с большой общественной работой как в институте, так и за его пределами. Как квалифицированный лектор-экономист, он много внимания уделял работе по линии общества «Знание». Был командирован для чтения лекций советским специалистам, работающим в Монгольской Народной Республике, вел занятия в экономической школе Братскгэсстроя. Многие годы В. А. Гомбалеvский являлся общественным корреспондентом журнала «Экономические науки», был членом конкурсной комиссии Минвуза СССР по разделу «Экономические науки».

Уйдя на заслуженный отдых в 1994 году с должности доцента кафедры экономической теории, Василий Алексеевич Гомбалеvский, являясь председателем совета ветеранов Иркутской государственной экономической академии и членом совета ветеранов Кировского района Иркутска, осуществлял постоянную заботу о ветеранах войны и труда, проводил активную военно-патриотическую воспитательную работу со студентами своего родного вуза, а также других вузов города Иркутска. При подготовке празднования 70-летия создания Иркутской государственной экономической академии, с которой он был связан более шестидесяти лет, Василий Алексеевич положительно оценил предложение со стороны ректората принять участие в написании книги «Наука в Иркутской государственной экономической академии в прошлом и настоящем» в соавторстве с его приемником по должности доктором экономических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ, проректором по научной работе БГУЭП В.И. Самарухой.

Работа над этой книгой велась более трех лет (с 1997 по 2000 год). Василий Алексеевич много времени посвящал работе в архиве. Нашел ряд интереснейших, ранее неизвестных документов о судьбах руководителей ИГЭА, о профессорско-преподавательском составе, а также другие материалы, которые легли в основу книги. Две главы в ней (5,8 печатных листов из общего объема в 17,0 п.л.) написаны В.А. Гомбалеvским. В этих главах с глубокой достоверностью восстанавливается история создания и функционирования Сибирского финансово-экономического института, Иркутского института народного хозяйства, в 1993 году реорганизованного в Иркутскую государственную экономическую академию, а в 2002 году — в Байкальский государственный университет экономики и права.

В настоящее время Байкальский государственный университет экономики и права признан Министерством образования и науки Российской Федерации ведущим экономическим и юридическим вузом Сибири и Дальнего Востока. Сегодня в составе университета функционируют 6 диссертационных советов, работают 88 докторов наук, обучаются 863 аспиранта, около 21 000 студентов. В 2003 году в университете была защищена 81 диссертация, в том числе 5 докторских. Научные исследования проводятся согласно Целевой комплексной программы научных исследований до 2008 года, в рамках которой ведутся бюджетные, хоздоговорные исследования, исследования по международным программам, грантам по 23 направлениям: экономика и управление труда; социально-экономическое прогнозирование развития региона; функционирование региональных финансов, корпоративных финансов, рынка страховых услуг; управление инвестициями и недвижимостью; проблемы развития новейшей отечественной истории; отражение социально-экономических процессов развития России и региона в средствах массовой информации; управление социальными процессами в регионе и уровень жизни населения; становление и функционирование рынка продовольствия в регионе в реформируемой экономике; региональные и корпоративные финансы; экономика и управление лесным комплексом в регионе: теория и практика; экономика и организация предпринимательства; потребительское поведение и развитие маркетинга в Сибирском регионе; логистика и региональный товарный рынок; развитие сферы услуг: проблемы и тенденции; развитие рынка услуг транспорта и связи; экономика использования и управление природными ресурсами; охрана окружающей среды; внешнеэкономическая деятельность Прибайкальского региона; бухгалтерский учет, экономический анализ и аудит: теория, методология, оптимизация; моделирование систем и проблемы управления экономическими процессами; качественный и численный анализ эволюционных процессов; проблемы совершенствования законодательства в рыночной экономике; актуальные проблемы борьбы с преступностью в современных условиях; экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы; языковые категории и когнитивия; иностранный язык в интегрированной программе подготовки специалистов-экономистов.

Во всем этом, безусловно, есть немалая доля труда прекрасного, замечательного, честного человека, бывшего сержанта Красной Армии, ветерана Великой Отечественной войны Василия Алексеевича Гомбалеvского.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ДОЦЕНТА В.А. ГОМБАЛЕВСКОГО

1. Экономические интересы и материальное стимулирование труда: Дис. канд. экон. наук. Иркутск: ИИНХ, 1969. 267 с.

2. Резервы повышения эффективности общественного производства. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 51 с.

3. Вопросы экономики и организации производства. Иркутск, 1975. 164 с. (В соавторстве с *Е.Ф. Рязкиной, П.П. Силинским* и др.).

4. Вопросы экономики и организации производства. Иркутск, 1977. 157 с. (В соавторстве с *Л.М. Бендером, П.П. Силинским*).

5. Углубление и развитие хозрасчетных отношений, усиление роли экономических рычагов и стимулов в промышленности, строительстве и на транспорте Иркутской области: Тез. докл. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИИНХ, 1980. 131 с. (В соавторстве с *А.А. Аюшиевым*).

6. Пути повышения эффективности народного хозяйства Восточной Сибири: Материалы респ. науч. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. 207 с. (В соавторстве с *А.А. Аюшиевым, В.Н. Должных* и др.).

7. Повышение эффективности развития народного хозяйства Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. 148 с.

8. Иркутская государственная экономическая академия в цифрах, фактах, мнениях. (Инф.-справ. изд.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 43 с. (В соавторстве с *Н.В. Деренко, В.М. Левченко* и др.).

9. Наука в Иркутской государственной экономической академии в прошлом и настоящем. Краткий исторический очерк. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 238 с. (В соавторстве с *В.И. Самарухой* и др.).

В.И. Самаруха,
доктор экономических наук, профессор

ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ МИТАЕВ. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ФРОНТОВИКА

В.А. Митаев в годы войны

Заканчивался 1942 год, один из самых сложных периодов войны. На фронт подбирали всех, кого только могли. И среди них призвали и нас, учеников 10 класса, которым только что исполнилось по 17 лет. Запомнилось, а это было в эвакуации, что когда мы перед отправкой во Владимир рассаживались в сани, бабушка по старому русскому обычаю вынесла из избы икону, перекрестила и благословила. Кто знает, может быть, это и явилось одной из

причин того, что за все два года фронта (а на фронте это большой срок) ни разу не ранило и сколько-нибудь серьезно не контузило. А разных сложных, очень опасных ситуаций было много.

Удачно на первых порах службы сложилась и ситуация во Владимире: имеющих среднее образование (посчитали, что призванные из 10-го класса его имеют) направили обучаться на радистов, а всех остальных — на телефонистов.

В течение четырех месяцев шла напряженная учеба. Главные мысли были о том, чтобы как можно лучше освоить радиостанцию, на которой в будущем предстояло работать, технику приема и передачи радиосигнала. Но, пожалуй, не меньшее значение имело и стремление как можно быстрее попасть на фронт. И дело было не столько в патриотических порывах, сколько влияла, увы, проза той жизни. Проще говоря, кормили в запасных подразделениях крайне скверно. На обед два кусочка хлеба, суп — одна водичка с мороженой картошкой, несколькими горошинами и кусочком селедки. На второе — немножко перловой каши. А занятия, в том числе и строевая подготовка — по полной программе. И так изо дня в день.

После завершения подготовки меня из Владимира направили в Горький в запасной полк связи. Это был, по существу, сборный пункт, откуда пополняли потрепанные в боях дивизии. Через месяц я в составе группы из сорока радистов и телефонистов был направлен под Воронеж в 53-ю стрелковую дивизию, находившуюся там на пополнении после боев.

Прошли несколько недель, и дивизия влилась во 2-й Украинский фронт. Началась фронтовая жизнь. И первое, что запомнилось особенно — это форсирование Днепра. Были моменты, когда казалось, что находишься в крошечном аду. В небе полностью господствовала немецкая авиация. Волнами одна за другой шли их самолеты, бомбили и обстреливали наши войска. Авиации же нашей практически, во всяком случае на нашем участке, не было. Каким-то чудом в промежутке между бомбежками наш 691-й батальон связи проскочил на тот берег по наведенному понтонному мосту.

И уже на этом, первом для нас этапе войны немало из тех сорока человек, прибывших в дивизию из Горького, остались там, на берегах Днепра или были ранены. Мой земляк, москвич Александр Боков, в числе первых форсировал реку, а погиб под обстрелом нашей «катюши». Один из ее снарядов не долетел до цели и попал в блиндаж, в котором находились люди. Блиндаж стал братской могилой. Хоронить уже было некого.

После форсирования Днепра наши войска в основном уже наступали. В день приходилось делать переходы по 30—40 км. Пешком, нередко под дождем, по дорогам, которые развезло, шли с полной выкладкой: радиостанция из 2 металлических ящиков (каждому по ящику) примерно по 12 кг весом, винтовка образца 1891 года длиной выше моего роста, малая саперная лопата, скатка, вещмешок. Ко всему этому выдали (теперь трудно в это поверить) фляги для воды из толстого стекла весом, наверное, в 1,5—2 кг. Их сразу же выбросили. У немцев же фляги были из алюминия, к тому же в матерчатом чехле. И не только эти фляги были результатом нашей плохой подготовки к войне. И наша радиостанция РБМ (радиостанция батальонная модернизированная), увы, была крайне не надежной в эксплуатации. Тогда шутили: «Я тебя вижу, но не слышу». И в этой шутке была большая доля правды. Даже в пределах прямой видимости станция не гарантировала устойчивой связи. К тому же она была неудобной в

развертывании для работы: необходимо было найти место, чтобы развесить антенну — провод длиной в 20 метров.

О плохой подготовке к войне свидетельствовала и винтовка, которой нас вооружили. Конструктивно устаревшая (образца 1891 года), но и она при формировании дивизии под Воронежем досталась не каждому. Говорили: «Там в наступлении себе найдете».

За два года фронта было много, очень много тяжелейших, крайне опасных для жизни событий. Одно из них случилось возле украинского села Верблюжка (название в памяти на всю жизнь). Мы разместились в хате саманной постройки (глина с соломой). Вдруг видим — в небе масса немецких самолетов, которые начинают так называемую «ковровую» бомбежку, то есть не пикируют на цель, а засыпают ее бомбами с высоты. У хозяйки дома маленький погребок, глубиной метра полтора, накрытый небольшим слоем земли. Укрылись в нем. И на этот раз пронесло. Первое, что увидели, когда кончилась бомбежка, — бежит наш офицер, держится руками за распоротый осколком живот, из которого вываливаются внутренности. В горячке он еще не сознавал всей опасности ранения.

Подобные ситуации были и после. Авиационный налет немцев — мы в походе. Укрываемся в придорожной канаве, а буквально под нами из пике выходят «Юнкерсы», сбрасывая бомбы и строча из пулеметов. Другой пример. Стрелковый полк, к которому в одно время я был прикомандирован, расположился близко от передовой. Бомбежка. Рядом с моим окопом падает бомба. Волной буквально подбрасывает.

А страшные «картины» войны, которые постоянно перед глазами?! Окрестности венгерского города Вац. Шоссе поднимается в гору. На шоссе один за другим стоят пять наших танков Т-34, все подбиты. А на вершине горы небольшая немецкая пушка и рядом еще один Т-34. Башня его отброшена в сторону метра на два. Внутри сплошное кровавое месиво. Взорвался собственный боекомплект.

А сколько нелепых трагических случайностей! Расположились на ночлег в сарае, рядом с венгерским селом. Ночью немецкий «кукурузник» сбросил бомбу. Одна стена сарая рухнула, накрыла нашего товарища Н. Ананьева. Утром вырыли рядом с сараем могилу, похоронили. На могиле на фанерке фамилия, имя

и год рождения. И дальше в поход. Ясно, что стало потом с этой могилой, впрочем, как и со многими другими подобными.

Уже в последний месяц войны за Веной на минах подорвались товарищи по батальону связи Н. Рудаков и С. Химич.

Сложная ситуация была, когда мы попали в окружение. Наша дивизия наступала по левому берегу Дуная в Венгрии. Немцы нас особенно не удерживали, от соседа же крепко оборонялись. На правом же берегу Дуная немцы успешно наступали в направлении озера Балатон. И мы сами практически (командованию, конечно, было видно) лезли в мешок. Но мы «наступали»! Потом немцы высадили в тылу у нас десант, и мы, естественно, оказались в окружении. В это время я уже работал на радиостанции, смонтированной на автомашине ГАЗ—2А. Дежурил. Слышно было, как за Дунаем немецкий шестиствольный миномет дал залп. Успел только сбросить наушники и нырнуть в подвал. Один из снарядов разорвался рядом с машиной, пробил ее радиатор и радиостанцию. Ночью приказ прорваться из окружения. Буквально через каждые 5—10 минут необходимо было останавливаться, доливать воду в радиатор. В машину набилось много людей из других взводов (помню, среди них были женщины). Прижали в угол, в руках автомат, в окно видно, как в направлении машины летят трассирующие пули крупнокалиберного пулемета. Так или иначе добрались до моста — переправы через приток Дуная. Мост уже был подготовлен к взрыву. Вышли из окружения. Оказалось потом, что большая часть техники дивизии осталась у немцев, люди же, в основном, вышли.

Войну я закончил за Веной, в районе города Грац в звании сержанта. После завершения войны «сталинским маршем» пешком с песнями, проходя через города Австрии, Венгрии, Румынии, вернулись в молдавский город Рени на берегу Дуная. Сколько это километров? Видимо, не одна сотня.

На фронте награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Вены», «За Победу в Великой Отечественной войне», а затем и орденом Отечественной войны II-й степени.

В феврале 1947 года был демобилизован из армии и в сентябре этого же года поступил учиться в МГУ им. М.В. Ломоносова. После окончания университета в 1952 году в порядке поощрения за хорошую учебу (только две четверки за все годы уче-

бы) получил направление на годовичные курсы преподавателей общественных наук при МГУ.

В это время вышла в свет известная работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В целях дальнейшей ее популяризации и были организованы эти курсы. Это был период, когда авторитет Сталина достиг высшей своей точки, был непререкаем. Все, что выходило за его подписью, необходимо было трактовать буквально слово в слово, даже не меняя их местами. Его личность превозносилась до обожествления. Когда он умер, директор курсов на траурном собрании слушателей буквально разрыдалась и, видимо, вполне искренно, восклицала: «Как мы будем жить без него? Что с нами будет?». И все мы были воспитаны в духе его почитания. Но даже после своей смерти он унес немало жизней. Было организовано прощание со Сталиным в Колонном зале. Огромная масса людей и я в их числе где-то от Пушкинской площади шла к Колонному залу. То ли из-за крайне плохой организации, то ли по другим причинам, но во время движения огромной толпы людей многие были просто задавлены. Страшно было, когда огромная толпа прижимает тебя к стене здания.

На курсах общественных наук лекции по политической экономии социализма нам читал ректор Всесоюзного заочного финансово-экономического института профессор Павел Михайлович Цветков. Он и предложил тогда некоторым слушателям поработать в институте, проверяя контрольные и курсовые работы студентов. Так, какое-то время по совместительству работал во ВЗФЭИ.

По окончании курсов был вызван в ЦК КПСС, где мне предложили отправиться в Сочи в распоряжение городского отдела агитации и пропаганды. Однако у меня не было никакого желания стать профессиональным партийным работником. Надо было искать какую-то причину для отказа. Пришлось немного слукавить, сказав, что мне необходимо посоветоваться со своей будущей женой. Дали неделю срока для того, чтобы уладить этот вопрос. Через неделю после отказа дали еще два дня. В конечном итоге мою кандидатуру отклонили, заявив, что я не ценю доверия партии.

Отказавшись от этого заманчивого, как тогда считалось, предложения я должен был сам искать себе работу. Нашел ее

совершенно случайно. Как-то в районе Лефортово, проходя по улице, увидел (впервые) здание Московского энергетического института. Позвонил на кафедру политэкономии, застал там заведующего кафедрой, объяснил ему, что ищу работу. После беседы с ним, я заполнил необходимые документы и через неделю был зачислен ассистентом кафедры. Проработал в МЭИ с сентября 1953 до октября 1967 года ассистентом, старшим преподавателем, доцентом.

В 1961 году поступил в заочную аспирантуру при Институте экономики АН СССР. В то время вышла книга профессора А.И. Ноткина «Материально-техническая база социализма», в которой разделение труда рассматривалось как категория производительных сил. Мой научный руководитель профессор И.А. Анишкин посоветовал мне в качестве темы диссертации избрать проблему разделения труда при социализме, обратив внимание на необходимость анализа места его в способе производства. Тогда эта проблема в литературе была мало исследована. На основе анализа этой проблемы в том числе и в трудах классиков первую, теоретическую главу своей диссертации посвятил обоснованию разделения труда как стороны производственных отношений. Естественно такая позиция порождает необходимость полемики с А.И. Ноткиным. Была опубликована статья (переловая) в журнале «Экономические науки». Защищать же диссертацию должен был на Ученом совете, членом которого был профессор Ноткин. Во время обсуждения работы на Ученом совете казалось, что защита будет провалена. Неприятнее всего было то, что полемика шла, как, будто бы, не по существу проблемы, а носила скорее субъективный характер. Серьезную поддержку получил в выступлении доктора экономических наук Я.А. Кронрода. В итоге голосовали: за — 20, против — 1, воздержался — 1.

Работал в МЭИ, в течение многих лет избирался секретарем партбюро кафедры. В 1966 году был избран заместителем секретаря парткома МЭИ. Но работать в нем пришлось менее года. В то время Московский государственный комитет партии принял решение о проверке работы кафедр общественных наук соседнего с нами Московского института связи. Возглавлять комиссию поручили мне. Комиссия в составе почти сорока человек в течение нескольких недель изучала работу этих кафедр. Была подготовлена справка. Горком выразил благодарность. А буквально

но через два дня ректор института связи пригласил к себе и предложил перейти к нему в институт на заведование кафедрой политической экономии, пообещав в течение полугода решить мою жилищную проблему. К тому времени, несмотря на неоднократную помощь администрации МЭИ, я продолжал жить в коммунальной квартире. Так я перешел на работу в институт связи. Действительно, в течение полугода ректор предоставил мне квартиру, в которой я живу и по сей день. А главной причиной замены руководителя было то, что на кафедре сложилась непростая обстановка, которую все же удалось вскоре нормализовать. Возмутители спокойствия уволились из института.

Проработав в институте связи пять лет в порядке перевода был принят на должность начальника отдела преподавания политэкономии Минвуза СССР. Вся многогранная работа в нем в конечном итоге сводилась к решению вопросов организации преподавания политэкономии в вузах страны. Разумеется, это звучит слишком громко, так как все эти вопросы фактически решались в верхних эшелонах руководства. Тем не менее приходилось решать текущие вопросы, принимать участие в подготовке программ курса «Политэкономия».

Профессор В.А. Митаев

Большое место в работе занимали командировки в различные вузы страны. Для коллегии Минвуза прорабатывались и объемные вопросы, например, «Преподавание политэкономии в вузах Азербайджана», «Кадры кафедр общественных наук в вузах Эстонии» и др. По подготовленным справкам на коллегиях Минвуза принимались соответствующие решения, в том числе иногда и с оргвыводами.

Широкий спектр задач, многочисленные командировки, подготовка справок по НиМ и т. д. — все это порождало определенную сложность в работе. Эта сложность усугублялась существовавшей тогда конфронтацией между отдельными работниками Управления Минвуза, курирующими вопросы преподавания политэкономии, и базовой политэкономической кафедрой МГУ. В основе этого противостояния лежали субъективные амбициозные устремления некоторых работников. Никаких объективных поводов для этого не было. Ситуация разрешилась после разгромной статьи в «Правде», по итогам которой один из инициаторов противостояния был уволен с работы, исключен из партии, лишен ученой степени доктора наук.

Работа в Минвузе по сравнению с вузовской имела свои особенности, свои плюсы и минусы. Безусловно, она расширяла кругозор, позволяла более основательно знакомиться со всем механизмом организации преподавания политэкономии в стране, с работой кафедр. Вместе с тем эта работа во многом сводилась к составлению различного рода справок по итогам проверок, требовала ежедневного присутствия «от и до».

Наряду с другими работниками Минвуза был награжден почетным знаком «Высшая школа СССР. За отличные успехи в работе».

В 1974 году в порядке перевода перешел на работу в Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС, которая вскоре была преобразована в Московскую высшую партийную школу. Там я проработал вплоть до ее расформирования в 1991 году. Почти все эти годы являлся деканом основного, двухгодичного факультета. На этом факультете обучались ответственные работники советских и партийных органов (председатели исполкомов и их заместители, секретари РК партии, инструкторы обкомов и т. д., а также слушатели из зарубежных стран).

Так сложилось, что работать пришлось не в основном здании школы, а в другом районе Москвы. Здесь был целый комплекс своих зданий и служб: учебный корпус, два общежития, столовая, библиотека и другие службы. Поэтому практически приходилось отвечать за организацию учебного процесса, быта слушателей, работу столовой, библиотеки. И это в течение многих лет. Одновременно вел преподавательскую работу, был членом Ученого совета по защите докторских диссертаций, руководителем двух аспирантов.

Естественно, были и свои сложности, связанные с тем, что в школе среди слушателей все же встречались и такие, от которых, посылая их на учебу, просто стремились избавиться. Но это было редкостью.

За все эти годы у меня сложились хорошие взаимоотношения с заведующими кафедрами школы, с преподавателями, слушателями, с работниками общежитий, столовой. Очевидно, помогало то, что руководствовался принципом «делай людям добро». Практически не возникало сколько-нибудь крупных проблем. Ректорат школы всегда оказывал поддержку, нередко и морально, и материально поощрял. Я был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Для семьи дочери была предоставлена квартира. По ходатайству ректората ВАК СССР получил ученое звание «Профессор по кафедре политической экономии».

После расформирования МВПШ короткое время (до ноября 1993 года) работал профессором на кафедре Российского государственного гуманитарного университета, расположившегося в здании, ранее принадлежавшем МВПШ.

С ноября 1993 года работаю профессором на кафедре экономической теории ВЗФЭИ.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА В.А. МИТАЕВА

1. Разделение труда как существенная сторона производственных отношений // *Экономические науки*. 1958. № 3.
2. Изучение экономической теории и связь с практикой // *Экономические науки*. 1966. № 1.
3. Экономические закономерности перерастания социализма в коммунизм // *Экономические науки*. 1970. № 6. (В соавторстве.)
4. Подготовка и рациональное использование специалистов в сельском хозяйстве // *Экономические науки*. 1974. № 6.
5. Финансы и кредит при социализме // *Политическая экономия*. М.: Высшая школа, 1975.
6. Экономика СССР — экономика развитого социализма // *Вопросы экономической истории советского многонационального государства*. М.: Высшая школа, 1977.
7. Воспроизводство рабочей силы и формирование нового типа работника в развитом социалистическом обществе. М.: ЭВПШ при ЦК КПСС, 1978.
8. Характер труда при социализме. Товарное обращение в социалистическом воспроизводстве. Изменения в положении работника в процессе производства, в содержании процесса труда / *Политическая экономия*. М.: Мысль, 1981.
9. Распределение рабочей силы при социализме // *Экономические категории социализма*. Вып. III. М.: Экономика, 1986.
10. Оптимизация роли государства — одно из основных условий стабилизации экономики // *Актуальные проблемы преподавания экономической теории*. М., 2004.

В.А. Мутаев,
кандидат экономических наук,
профессор кафедры экономической теории ВЗФЭИ

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЧЕКАНСКИЙ. КРАСНАЯ НИТЬ

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.

Александр Кушнер

Доцент Н. А. Чеканский

«Времена и впрямь не выбирают, да и время-то, если внимательно разобраться, какое ни возьми, ни одно не сахар, и все же умереть хотелось бы в другом, не таком жестоком и горьком», — так, или примерно так, размышлял светлым июньским вечером 1954 года молодой человек в вагоне поезда «Москва-Ленинград». И то сказать, уж больно тяжким испытаниям подвергло время его поколение. Вспомнить только, что его сверстникам, родившимся в первую мировую и гражданскую, в начале двадцатых, самим пришлось пройти через кровавую и смертоносную бойню, называемую когда-то постылым, а ныне нейтральным, или, вернее, ставшим от частого употребления затертым и привычным, а потому и не вызывающим у тех, кто остается от нее в стороне, особых эмоций, банальным словом «война». А ведь были еще и голод двадцатых, и голод тридцатых годов, раскулачивание и борьба с религией, послевоенные разруха и голод, проходившие все это время политические чистки и репрессии. Мало кому удалось выжить в этой дьявольской мясорубке, а вот ему повезло.

Молодой человек вышел в тамбур и закурил папиросу. Да, ему «повезло», и черная перчатка, выглядывавшая из-под рукава кургузо сидевшего на нем москвошвеевского пиджака, слов-

но знак судьбы, свидетельствовала об этом. Руки он лишился в апреле сорок третьего года, когда на кавказском направлении еще шли ожесточенные бои, но в обстановке, казалось бы, не предполагавшей таких тяжелых последствий.

Прочитать все статьи, касающиеся
ВООРУЖЕННЫЙ ВОЕННИКАМ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
 № 13466215 *

Фамилия *Чеканский*
 Имя и отчество *Николай Анатольевич*
 Год рождения *1922*
 Время вступления в ВЛКСМ *Июль 1941*

Членский взнос за 1938 г. *Полон*
 Членский взнос за 1939 г. *Чеканский*
 Членский взнос за 1940 г. *Чеканский*

Уплата членских взносов за 1938 г.

Месяц	Членский взнос	Членский взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Поздним вечером в густых южных сумерках он, башенный стрелок танка Т-34, направлялся с донесением в штаб батальона, как вдруг недавно наступившее затишье нарушил артиллерийский залп. Один из снарядов с диким свистом пролетел прямо над головой шедшего по тропинке танкиста, упал где-то совсем неподалеку, и в следующее мгновение — дикая, нечеловеческая боль, какой он никогда не испытывал, ни до, ни после той страшной минуты. Он посмотрел вниз и влево, откуда исходила боль, и увидел, что осколок снаряда резанул его по руке,

чуть ниже локтя, но не оторвал ее совсем: нижняя ее часть висела, как ему показалось, лишь на не перерубленной до конца кости и куске кожи. Из раны хлестала кровь, и на миг он потерял сознание, но тут же пришел в себя и, повинуясь какому-то прежде не проявлявшемуся инстинкту, побежал дальше. По счастью, до штаба оставалось

2-й
ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН
3 ОТБР

16 ноября 1942 г.
 № 014/044
 15247078

УДОСТОВЕРЕНИЕ
 Пред'явитель сего *Чеканский Н*
 состоит на военной должности секретаря
 действительно до
 Личное оружие: *револьвер*
 № 2-ТЬ 63 ОТБР
 15247078

Синица

Удостоверение секретаря комсомольской организации батальона. Повреждено в результате ранения Николая Анатольевича

немного, и вскоре его подхватили и, не мешкая, отправили в медсанбат. В полевой госпиталь он попал поздним вечером, едва ли не ночью и, испытывая сильнейшие муки, ждал прихода врача.

Обход совершала бригада во главе с весьма миловидной блондинкой с добрым и ясным взглядом, в форме капитана медицинской службы. Она долго и внимательно осматривала поврежденную руку, и он, сквозь боль чувствуя ее теплые прикосновения, решил, что все обошлось. Догадку подтвердила и капитан, сказав, что нужды в немедленной операции нет, а о возвращении двигательных способностей можно будет говорить только после нее.

Всю ночь боль преследовала его, то затихая, то возвращаясь с удвоенной силой, и, может быть, она лишила его последних сил и воли, а, может, он просто спасовал перед напором докторши-майора, заступившей на дежурство с утра. «Резать!» — едва взглянув на рану, сказала она голосом корифея, который привык к тому, что изрекает истину в последней инстанции, и потому ни в чем не сомневается сам и не допускает сомнений по поводу своих суждений у других. Танкист, правда, пытался промямлить что-то о вечернем разговоре с принимавшим его врачом, но докторша сухо и твердо ответила полувопросом: «Ты что, гангрену получить хочешь?!» И тогда он окончательно сдался под напором ее начальственного голоса и не стал писать отказ от ампутации, хотя имел на это все права. Последними словами, которые он услышал, будучи еще двуруким человеком, были «На стол!».

А вечером, когда боль в несуществовавшей уже руке все продолжала совершать свои кульбиты, к ней добавилась боль другого свойства, и раздражение на себя за собственную покорность судьбе, нерешительность и безволие. И эта боль мучила его едва ли не сильнее, чем физические страдания. Эти чувства возникли после того, как совершавшая обход вчерашняя бригада врачей подошла к его кровати, у доктора-капитана враз погасли добрые огоньки в глазах.

— Ампутировали? — спросила она, не поверив в случившееся.

— Да, — упавшим голосом выдавил он из себя.

В военном госпитале. 1943 г.

— Жаль, ведь руку-то можно было спасти, — обращаясь уже не к нему, а куда-то в пространство, а, может быть, и к себе самой, тихо произнесла она и перешла к следующей койке.

Ну так что — повезло ему или нет? Рок ли это, судьба или что еще? А сделай он в то мгновение полушагом больше? Не разорвись случайный снаряд в тот вечер, где гарантия, что подобного не случилось бы на следующий день, через неделю, месяц, год? А ведь спустя несколько месяцев их отдельную танковую бригаду перебросили на Курскую дугу — там-то у танкистов шансов выжить было еще меньше. А если вспомнить, что и осенью сорок второго судьба хранила их часть — командование отправило бригаду на кавказское направление, где тоже шли ожесточенные бои, хотя и не такие зверские, как неподалеку — в Сталинградском пекле, где из оборонявшихся город в живых остались лишь единицы. Да и отыщется ли на передовой такое место, где бы ты не был смертен ежедневно, ежечасно, ежесекундно?! Что ж, выходит, ему действительно повезло. Повезло в эти жуткие времена, в которых жить, кажется, нельзя и предпочтительнее умереть. Ну, а ежели не хочешь умирать, значит, остается только выживать. Господи, где ж они брали силы жить? И ведь они жили, да, жили, а не просто выживали.

Молодой человек снова вышел в тамбур и закурил еще одну папиросу. За окном в ясном — хоть газету читай — свете

проносились подмосковные станции — Химки, Фирсановка, Малино, звенящие свежей листвой пристанционных и дачных поселков, придававшей убогим в массе своей жилым и иным постройкам оттенок благообразия на фоне пусть и неброской красоты пейзажа. Но мысли уводили его в другие края, где в это время суток уже совсем темно, в края, где он родился, рос и где ему пришлось воевать.

В тех краях своя красота, где-то не Бог весть какая, где-то величественная, но красота! Правда, что есть красота, каждый понимает по-своему. К тому же, вернее, потому-то она еще и изменчива. Боже, каким красивым становится в любви освещаемое неземным внутренним светом лицо дурнушки. Впрочем, нет, нет никаких дурнушек на свете, надо только уметь разглядеть их красоту. Все нерукотворное красиво. И как ни старается человек — по незнанию ли, по глупости ли, сознательно ли — разрушать красоту, а она все равно остается. Говорят, что и в разрушении есть своя красота. Сомнительно! Правда, она может присутствовать в разрушенном когда-то, не на твоих глазах: красивы развалины старой крепости на холме над Бугом! А разве не красива помидорная плантация на самом юге Ставрополя, на краю которой в рощице, служившей еще и лесозащитной полосой, почти на две недели остановился твой танковый батальон летом сорок второго?! Встанешь утром — и сколько глаз хватает, видишь только красный ковер, лишь на краю окоема прерывающийся чертой синего неба. А ближе к вечеру этот ковер приобретает сперва нежно-салатный, потом бледно-зеленый оттенок, затем вовсе сливается с зеленеющими в сумерках небесами и, наконец, пропадает в потемках Вот вам красота на любой вкус!

А если завтра на этом поле появятся танки и, превращая тяжелыми бездумными траками в грязное месиво землю, ее плоды и спасающихся бегством пехотинцев — так что после боя не разобрать, то ли сок помидорный на гусеницах, то ли кровь человечья. Но ведь танки просто так — без приказа — не остановятся, нет, они пойдут дальше, они вырвутся на пригорок, и люди, сидящие в них, начнут палить по врагу, в кураже боя ничуть не думая о том, что за спиной у противника дома, в подвалах которых прячутся женщины с детьми, женщины, любимые не тобою, но их лица тоже светились неземным внутренним светом, когда они любили своих суженых — твоих товари-

шей, однополчан, соотечественников. Нет в этом разрушении красоты, и нет ему оправдания.

Да, грязное и подлое это дело — война. Но на фронте все ясно: перед тобою враг, и ты бьешься с ним, чтобы защитить от него своих родных и близких, свои города и села, Родину, наконец, как бы высокопарно это ни звучало. Но ведь не меньше гадости и мерзости творилось за спиной. Да, попадались среди своих предатели и трусы, но почему в предательстве и трусости надо подозревать всех? Говорили, что в тылу репрессии вроде бы поутихли, да и понятно, иначе некому было бы работать на военных заводах, некому идти в армию — и так уже скребли по сусекам. Но чем объяснить отсутствие доверия к тем, кто воевал на передовой? В сорок втором и начале сорок третьего на Кавказском направлении бои шли не менее напряженные, чем на Сталинградском. Бывало, населенные пункты и позиции переходили из рук в руки по несколько раз в течение считанных дней. Сколько их было, таких, что попадали в плен всего на сутки, но мало кто из них возвращался в свои части, большинство же ждала участь штрафников, а то и еще более горькая судьба.

Потому-то и жила в сердце надежда на то, что после войны все будет по-другому. Да-да, самое главное победить, уничтожить врага, а уж потом между собой как-нибудь разберемся. Наверное, именно эта надежда и помогала им жить по-человечески в нечеловеческих условиях.

Молодой человек вернулся в купе, и его мыслям пришлось обратиться в будущее: в Ленинград он ехал с миссией, не вызывавшей у него приятия. Умерла одна из тетушек жены, вдова известного архитектора и коллекционера, но в простое, казалось бы, дело о наследстве вмешалось чужое лицо — некий друг покойной, в годы после смерти архитектора скрашивавший ее существование. Вот московские и архангелогородские родственники, направляющиеся на похороны, и попросили оказать содействие — как же, фронтовик, инвалид войны, преподаватель МГУ.

При мысли о предстоящем молодой человек тяжело вздохнул. Он еще не знал, что эта поездка станет для него рубежной, разделит его жизнь на две части, и потому просто решил: будь что будет. Да и в отношении прошлого, есть ли смысл выяснять, повезло или нет? Что было, то было, и какая разница, рок ли

Н. А. Чеканский. 50-е годы

так судил или что еще, главное, что все это стало свершившимися фактами, фактами твоей биографии.

И вот лишь некоторые из них. Николай Анатольевич Чеканский родился 26 апреля 1922 года в городе Каменец-Подольский Хмельницкой области в семье священнослужителя Анатолия Ефтихиевича Латинского. Страх перед насаждавшейся большевиками системой, охвативший все общество, дал знать о себе в первые же дни после появления на свет малыша. В условиях жесткой обструкции церкви родство, причем самое близкое с, как

тогда уже презрительно выражались, служителем культа могло впоследствии сильно навредить мальчику, и чтобы хоть как-то замаскировать происхождение, родители записали его под фамилией матери — Валентины Леонтьевны Чеканской — в тамошней орфографии — Чоканской. Надо, правда, сказать, что отец Николая Анатольевича принял сан не по своей воле (он мечтал о военной карьере), а под давлением обстоятельств: он сделал это после смерти отца — протоиерея, чтобы унаследовать жилье. Но кто будет в этом разбираться, коли дойдет до дела?

Детские годы Николая прошли в городе на Буге, но в начале тридцатых, когда в результате коллективизации в стране свирепствовал голод и Украину охватил настоящий мор, семья в поисках лучшей доли перебралась в Сочи, однако прожила там недолго. Вскоре отца Николая сослали в Петрозаводск. Впрочем, ссылка, что удивительно, оказалась не очень долгой, и через полтора года семья воссоединилась в Архангельске, одном из городов, где Анатолию Евтихиевичу разрешено было проживать и где он устроился на работу бухгалтером.

Архангельск — город юности — стал для Николая Анатольевича родным городом. Там он встретил первую любовь, там окончил среднюю школу, там же осенью 1940 года был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии. Службу он прохо-

дил неподалеку от родных мест, на западной границе, и с первого же дня войны оказался в самом пекле событий.

То, что происходило с нашей армией в первые месяцы войны, вряд ли можно назвать просто отступлением. Это было похоже скорее на тотальное, паническое бегство. Вот и часть Николая Анатольевича дважды оказывалось в окружении, но, слава Богу, в обоих случаях им удавалось выйти из него в более или менее организованном порядке. Глубокой осенью сорок первого их часть направили на переформирование, и сорок второй год он встретил в качестве башенного стрелка «тридцатьчетверки» 2-го танкового батальона 63-й отдельной танковой бригады, находившейся в распоряжении Юго-Западного фронта.

В апреле 1942 года в бою погиб комсорг батальона, и на эту должность рекомендовали Николая Анатольевича — наверное, за заслуги (его ратный труд отмечен медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги»), за то, что пользовался авторитетом, ведь должность эта предполагала наличие офицерского звания и партбилета, чего у него не было. Так он стал младшим лейтенантом и членом РКП(б). Отметим немаловажный факт: при вступлении в партию он записал в анкете, что отец его является бухгалтером одной из архангельских лесобирж.

Весной и летом сорок второго обстановка на Юго-Западном фронте складывалась не в нашу пользу. Немцы развивали наступление на Сталинградском и Северо-кавказском направлениях. При отступлении за Дон экипажу танка Николая Анатольевича пришлось утопить машину, поскольку немцы разбомбили наведенную было понтонную переправу.

Потом — жесточайшие бои в Ставрополье и на Северном Кавказе, а когда — после завершения Сталинградской битвы — стало казаться, будто самое страшное позади, в апреле сорок третьего — тяжелое ранение во время случайного артналета, приведшее к ампутации левой руки.

Руку ему отрезали в госпитале в дагестанском городе Хасавюрте, после чего на дальнейшее лечение его отправили в Баку. Лечение затянулось, и только в марте сорок четвертого Николая Анатольевич вернулся в Архангельск.

И тут ему наконец-то действительно повезло. Он сразу же устроился на работу военруком в одну из средних школ города, где и пробыл-то всего два-три месяца, оставшихся до конца

учебного года, но за это время успел познакомиться со своей будущей женой, преподававшей в той школе русский язык и литературу. Ухаживал он за ней, по нынешним меркам, непозволительно долго — почти три с половиной года. Летом того же сорок четвертого он уехал в столицу.

Проблемы в том, что делать дальше, не было. Еще в госпитале он решил, что будет учиться в Москве. Вопрос заключался только в том, какую профессию выбрать. С детства он мечтал стать хирургом, но с таким ранением, как у него, эту мечту пришлось оставить. Кое-кто скажет, мол, некоторые и без ног летали и воевали. Да, были такие, без всякой иронии, герои, но, по большому счету, они отвечали только за себя. А в руках у хирурга чужая жизнь, и одной рукой за нее не поборешься.

Он все-таки зашел в медицинский, где ему популярно объяснили, что удел таких, как он, — только эпидемиология. Решил, что эпидемиология — скучное занятие, и подал документы на только что созданный факультет международных отношений — будущий МГИМО. Но и тут загвоздка: советская власть вообще не любила инвалидов или, скажем, стеснялась их, конечно, выплачивала им какую-то пенсию, но в остальном делала все, чтобы они не особенно попадали на глаза, или, скорее, не делала ничего, чтобы они могли чувствовать себя полноценными членами общества. А тут дипломатия — как же может человек с таким увечьем представлять интересы страны на международной арене?! В общем, понятно, по какой причине в принятии документов на факультет международных отношений инвалиду Великой Отечественной войны отказали.

Времени на размышления оставалось немного, и по совету отца, считавшего экономику одной из наиболее перспективных отраслей гуманитарного знания (к точным наукам у Николая Анатольевича склонности не было), он поступил на экономический факультет МГУ.

Москва сразу захватила его своей энергией и ритмом жизни, да и, что греха таить, несравнимо лучшим, чем где бы то ни было еще в СССР снабжением. Для человека, которого после перенесенных в детстве и отрочестве лишений чувство голода преследовало постоянно до самого конца жизни, факт немаловажный. Учеба давалась, и угнетало лишь отсутствие возможности жить рядом с любимой женщиной.

С одиноким существованием было покончено в конце 1947 — он наконец оформил отношения со своей избранницей — Ольгой Сергеевной Грандилевской. Переезд жены в Москву и рождение в августе следующего года сына создали проблемы житейского свойства: пришлось снимать комнату в полуподвале на набережной Яузы, помещении сыром и для жилья мало приспособленном, стены — летом ли, зимой ли — были украшены слизью. Но делать нечего — семейным студентам общежитие не полагалось.

Оставался один путь — поступать в аспирантуру. В сорок девятом он блестяще (с одной лишь оценкой «хорошо» — разумеется, по высшей математике) оканчивает экономический факультет и подает документы в аспирантуру на кафедре политэкономии — кафедре самой престижной и к тому же предоставлявшей, по его мнению, наилучшие возможности проявить себя в экономической теории, вообще в науке.

Но тут в партком факультета поступило заявление, в котором указывалось, что, вступая в партию в апреле 1942 года, Чеканский Николай Анатольевич скрыл тот факт, что его отец — священнослужитель. Получился скандал, правда, опять же на удивление, не очень громкий — видимо, сказалось, что Николай Анатольевич был не только одним из лучших студентов, но и любимцем факультета. Короче говоря, дело ограничилось простым выговором, что не помешало рекомендации в аспирантуру на кафедре статистики. **Политической** экономией заниматься разрешалось только политически же «чистым». Забавная деталь: как выяснилось, донос на него написал его сокурсник и однополчанин, которого Николай Анатольевич в конце 1942 года спас от штрафбата.

Впрочем, нет худа без добра: на кафедре статистики Николай Анатольевич попал в умелые и добрые руки «шефа», как он сам его называл, то есть научного руководителя — профессора, доктора экономических наук Дмитрия Васильевича Савинского, человека дореволюционного воспитания и образования, отзывчивого и внимательного, настоящего русского интеллигента.

С его и Божьей помощью Николай Анатольевич защитил в июне 1954 года кандидатскую диссертацию, но хотя и не успел сделать этого в положенный срок, еще до защиты был принят в штат кафедры статистики МГУ на должность преподавателя. Так

же еще до защиты он — впервые в жизни — получил собственное жилье: комнату размером 19 м², в которой до конца 1959 года проживали он с женой, двое их сыновей (второй сын родился в мае такого счастливого для него пятьдесят четвертого), а еще няня, присматривавшая за детьми и помогавшая по хозяйству. Впрочем, все семь семей, проживавших в квартире с одной уборной и ванной комнатой, были примерно в одинаковых условиях — в доме, в котором до революции жила одна семья — семья ректора Московского университета.

А через несколько дней после защиты он и отправился в Ленинград, в поездку, с которой мы начали наш рассказ. Как и предполагал Николай Анатольевич, ничем особенно хорошим она для него не обернулась. Что-то он сделал не так, смыкнулся с противной стороной, в результате чего часть наследства ушла в чужие руки, — так посчитали тетушки жены, и в благодарность за сделанное наградили его антикварной настольной лампой с зеленым абажуром и очередным заявлением о его родственных связях со служителем культа, которое одна из них направила в парторганизацию экономического факультета МГУ.

Однако времена к той поре изменились, и дело не получило дальнейшего развития, наоборот, через несколько месяцев Николая Анатольевича избрали секретарем парткома факультета. И действительно, в воздухе запахло талым снегом, но, как, выяснилось потом, оттепель не стала предвестницей весны — она так и осталась типичным для русской зимы эпизодом.

И тем не менее эта поездка и вправду словно бы на две части разделила жизнь Николая Анатольевича Чеканского. Позади остались самые грозные времена, времена лишений, страданий и грез, позади остались ошибки и сомнения, а впереди вырисовался более или менее ровный путь, на котором тоже случилось много всякого, но уже не было таких, как прежде, ухабов и поворотов.

До конца своих дней Николай Анатольевич Чеканский оставался доцентом кафедры статистики экономического факультета МГУ, читал курсы общей теории статистики и экономической статистики, под его руководством несколько десятков аспирантов защитили кандидатские диссертации. Он был больше педагог, чем теоретик, хотя никогда не оставлял мысли о крупной

работе, как сказали бы тогда, «нетленке», готовил материалы к ней, но цельного теоретического труда создать так и не успел.

Тем не менее его перу принадлежат несколько десятков статей, опубликованных в журналах «Вестник статистики» АН СССР и «Вестник МГУ» (Серия экономики), а также большие главы в капитальных учебниках, где он был соавтором таких крупных ученых, как А.Я. Боярский, Е.Г. Ясин и других.

И все же педагогическая и практическая жилка брала верх (именно за плодотворную педагогическую деятельность он был удостоен ордена «Знак почета»), и в университете Николай Анатольевич был больше известен как заместитель декана экономического факультета, каковым он являлся в 1968—1970 годы, как секретарь парткома экономического факультета, член парткома МГУ. Недаром В.Н. Ягодкин, тоже выходец с экономического, секретарь парткома университета на рубеже шестидесятых—семидесятых, став в 1974 году вторым секретарем МГК КПСС, говорил ему: «Колька, давай защищай докторскую — ты мне нужен».

Докторскую Николай Анатольевич Чеканский написать так и не успел. В ночь с 25-го на 26-е апреля 1976 года он скончался во сне. Говорят, что так умирают праведники.

* * *

Перечитал написанное и сначала решил, что слишком много взял на себя, замкнул историю жизни отца на себе. Но потом, поостыв, подумал, что сделал правильно, может быть, излишне эмоционально, но ведь и он был человеком эмоциональным, даже страстным, просто умел, вернее, время научило его эмоции сдерживать. А что до мыслей, идей, так это же он вложил их в меня, как и в головы многих десятков и даже сотен, а, может, и тысяч своих учеников.

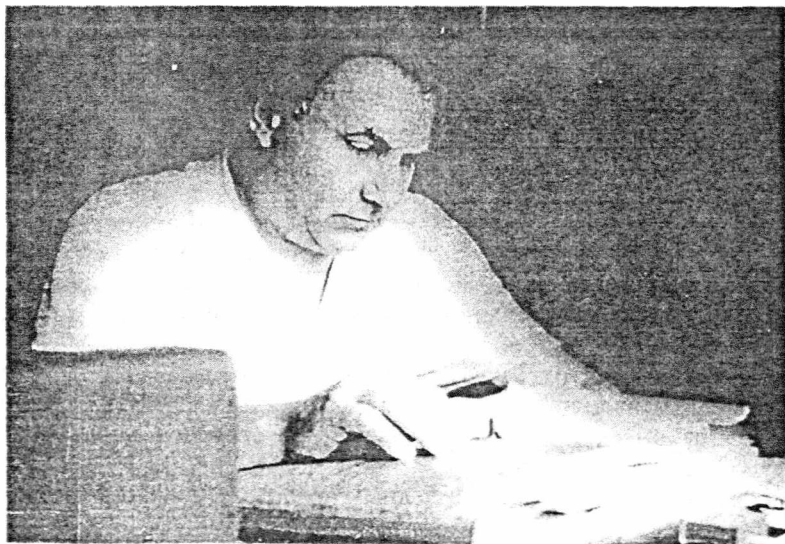
Он был педагог от Бога, нет не просто педагог, а Учитель с большой буквы, наставник, я бы даже сказал «пастырь», если б данным контексте это не прозвучало не столько напыщенно, сколько просто неуместно.

Конечно, он был превосходным преподавателем, иначе один из его студентов не произнес бы сакраментальной фразы: «А что Чеканский? Чеканский — это поэт статистики».

Особым красноречием он отличался только на лекциях, когда был уверен, что подготовлен на все сто. И никаких особых методических приемов не применял. Так в чем же секрет? Секрет в том, что он всегда оставался самим собой, таким, каким родился и каким его воспитали родители. А диктуемое временем наносное и чуждое, что проникало в него на какой-то период, он постепенно изживал в себе благодаря своим моральным устоям, которые никоим образом не были совместимы с угодничеством и предательством, распространившимися на всех ступеньках социальной лестницы.

Он установил довольно высокую этическую планку, ниже которой никогда не позволял себе опускаться, хотя, конечно, как и любому человеку, ему были свойственны слабости. Но при этом он умел прощать людей, действия которых не дотягивали до этой планки и были направлены против него. А вот если против других — тогда все, с такими людьми он никогда больше не здоровался.

Он просто жил и учил своим примером — наверное, это лучшая методика на свете. И вот она, красная нить, которой сши-

Н. А. Чеканский за рабочим столом. 1969 г.

та эта его главная в жизни методическая брошюра — неумение и нежелание поступиться перед совестью, благородство, человеколюбие, и самоирония, да-да, самоирония, ибо без нее нет сомнений в себе, а отсутствие сомнений в себе ведет к произволу.

«Бедный отец» — сколько раз посещала меня такая мысль, особенно в первое время после его ухода из жизни, да и сейчас еще не оставляет. «Бедный» — потому что скончался безвременно, потому что столько несчастий выпало на его долю, потому что не сбылись детские мечты, не осуществились надежды, появившиеся в зрелом возрасте, и не удалось вырваться из цепких лап глухого и жестокого времени.

«Бедный» — имею ли я право так говорить о нем? Не уверен, однако, даже если имею, никогда не забуду одного: он не был страдальцем, хотя страдал немало, но, страдая, он знал, за что.

А вот в чем я уверен, так это в том, что мне повезло. Мне повезло еще до рождения, когда апрельским вечером сорок третьего мой будущий отец не сделал лишнего шага или, может быть, полушага, и остался в живых, и еще раз, когда через год, вернувшись в Архангельск, он встретился с моей будущей матерью. Но больше всего мне повезло в том, что мой отец был одним из самых порядочных людей, которых я когда-либо знал. Нет, в этом смысле мне повезло даже вдвойне, потому что жена моего отца, моя мать — Ольга Сергеевна Чеканская — принадлежала к тому же роду людей.

И хотя любительские стихотворные строки формально посвящены памяти отца, они в равной степени относятся и к ней.

ПАМЯТИ ОТЦА

I

О подвигах, о доблести, о славе
А. Блок

Я не знаю Войны Отечественной:
Год рождения — сорок восьмой.
Но — осколками искалеченный —
Мой отец возвратился домой.

Был он вправе звенеть медалями
И навинчивать ордена,
Только байками госпитальными
Не кормил своего пацана.
Не о подвигах, доблести, славе —
О полях и домах в дыму,
О расстрелянной переправе,
Где машины топили в Дону,
О станицах пустых, полустанках
Он рассказывал — голос тих —
И о том, как бросались под танки,
И о том, как бежали от них,
И о том, что в умах миллионных:
Не в тылу ли опаснее враг?
И в каких уголках укромных
От обстрелов прятался страх.
Эта школа была не в тягость:
Кожей впитывал я слова,
И от майских победных стягов
Не кружилась хмельно голова.
Но всего брала за душу прежде
Навевавшая дружные сны
О несбывшемся быть, о надежде
На заветное «после войны».
Нам, выходит, свинцом не отмеченным,
Братъ — ничью ли? — на плечи вину
Я не знаю войны Отечественной,
Я отцовскую помню войну.

1978 г.

II

Отец, за меня не волнуйся:
Пусть время не тронется вспять,
Я нашей Стромынкую-улицей
Сегодня прошелся опять.
Так много она сохранила
От облика той старины,
Которой название было

«Надежда на после войны».
За годы до крови и пепла
Из страхов она возросла,
Под пулей и бомбой окрепла
И с голоду не умерла.
Но в камне ей не воплотиться,
В граните ли, стали, стекле,
В рекордах на поле пшеницы,
В заздравной газетной строке.
От смерти она не спасала —
Не карточка на житье.
Своих под наветы бросала
Порою во имя свое.
Не пьянка с друзьями до рвоты,
Не мелочная кутерьма,
Но тяжкая сердца забота,
В предел напряженье ума.
Надежда взрослела, да рядом,
Знакомым взметая быльем,
Вершилось иного заряда,
Идеи иной бытие.
И вот — помаячила вроде,
Да так и не вылилась в явь.
Солдаты надежды уходят,
Но выросли их сыновья!
Отец, за меня не волнуйся:
Как ты в стародавнем году,
Я нынче Стромынкую-улицей
С надеждою нашей иду.

1982 г.

А.Н. Чеканский,
заведующий кафедрой скандинавских языков
МГИМО МИД России

ИВАН НИКИТИЧ ТРЕГУБОВ. ОН НИКОГДА НИ НА ЧТО НЕ ЖАЛОВАЛСЯ ¹

Профессор И. Н. Трегубов

Я не думал, что мне когда-нибудь придется писать об Иване Никитиче Трегубове. Поводом к созданию этих заметок послужило предложение М. М. Загорюлько, директора НИИ проблем экономической истории России XX века ВолГУ, принять участие в проекте «Война и мир в судьбах ученых-экономистов». Я согласился написать о профессоре И. Н. Трегубове, двадцать лет возглавлявшем кафедру политической экономии в Иркутском университете. До направления Отделом науки ЦК КПСС в 1953 году заведующим кафедрой политической экономии в Иркутский университет он восемь лет преподавал политэкономии в Ульяновском педагогическом институте. Заведующим кафедрой в сибирском вузе И. Н. Трегубов стал в 32 года.

Воспоминания об Иване Никитиче Трегубове всегда согревают мою душу. Со студенческих лет я запомнил его как человека, тонко мыслившего, интеллигентного, настоящего университетского ученого, увлеченно работавшего с молодежью. Он сам вел научный кружок по политической экономии. Одной из негласных целей кружка был подбор кадров для кафедры политэкономии. Кадры черпались прежде всего из числа студентов-юристов, так как юристам читались большие, в течение двух лет, курсы политической экономии. В 1974 году Иван Никитич рекомендовал меня, выпускника юридического факультета, на ста-

жировку в Ленинградский университет с последующим поступлением в целевую аспирантуру по политической экономии. Словом, определил мою дальнейшую судьбу.

Берясь за эти заметки, я прекрасно понимал, что об Иване Никитиче как участнике боевых действий я вряд ли смогу отыскать какие-либо подробные сведения. И. Н. Трегубов почти никогда не рассказывал о военном периоде своей жизни. Даже не все из его коллег знали о тяжелом ранении, которое он получил. В анкетных данных написано: с IX.1938 по IV.1941 — студент Ленинградского университета. С VII.1941 по IX.1941 — боец народного ополчения. Участвовал в боях по обороне Ленинграда. С X.1941 по III.1942 находился в госпитале № 922 г. Ленинграда. Демобилизован из рядов Советской Армии как инвалид Отечественной войны III группы. С IV.1942 по IX.1945 продолжил обучение в качестве студента, затем — аспиранта экономического факультета ЛГУ.

Непродолжительное участие двадцатилетнего студента в боевых действиях, закончившееся тяжелым ранением, — что можно еще сказать о ветеране Великой Отечественной войны И. Н. Трегубове? Пожалуй, лишь то, что сам Иван Никитич оценил подарок судьбы, сохранившей ему жизнь, и проявил удивительную жизнестойкость и жизнелюбие. Он в полной мере наслаждался жизнью, минимальными условиями комфорта, которые предоставлялись в послевоенные годы идеологическим кадрам партии. Жизнелюбие Ивана Никитича, элегантно одевавшегося, интересовавшегося литературой, искусством, посещавшего театр, кино, передавалось нам, студентам. До сих пор помню его голос — баритон с мягкими интонациями. От Ивана Никитича никогда не исходило упрека молодым: «Вы не воевали».

Стало быть, для рассказа о И. Н. Трегубове как участнике Великой Отечественной войны остается выбрать подход «не военный». Чтобы реализовать замысел данной книги, как мне кажется, важно показать экономистов-фронтовиков и в их мирной жизни — на историческом фоне послевоенных событий XX века. Задача непростая. Что взять за основу ее решения?

Во-первых, собственные воспоминания. Свои, личные. Чужие — не в счет. Вначале хотел расспросить коллег по Иркутскому университету, которые работали с Иваном Никитичем. Потом отверг эту идею: субъективные оценки бывают полярно про-

тивоположными. Во-вторых, документальные свидетельства. Научные труды, публикации в периодической печати, бесспорные биографические факты.

Найти научные труды проще всего. Держу в руках монографию И.Н. Трегубова «Колхозное производство и его экономическая эффективность (По материалам колхозов Восточной Сибири)», изданную в Иркутске в 1966 году. На титульном листе автограф: «Чудесным работникам научной библиотеки и их главному директору Нонне Константиновне Потаповой. С благодарностью, автор». Книга удостоена Диплома I-й степени на Российском республиканском конкурсе работ по аграрной тематике. Вот автореферат докторской диссертации «Проблемы расширенного воспроизводства в колхозах». Защита состоялась в Ленинградском университете 26 декабря 1968 года. Официальные оппоненты — доктора экономических наук, профессора В.К. Логвиненко, Н.А. Моисеенко, Д.К. Трифонов. Ведущая организация — Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева.

Сложнее оказалось найти персональные данные: архив Иркутского университета пострадал от затопления. Делаю запрос в Тверской университет, где с 1974 года И.Н. Трегубов работал заведующим кафедрой. К неописуемой радости получаю от заведующего кафедрой экономической теории ТвГУ, профессора В.А. Петрищева «Личное дело Трегубова Ивана Никитича № 95» из архива Центрального райкома КПСС г. Калинин. В нем — личный листок по учету кадров, автобиография, характеристики, копии документов о высшем образовании и научной квалификации, выписки из приказов ректора, постановления бюро РК КПСС. Узнаю: Иван Никитич Трегубов родился 19 января 1921 года на станции Кочетовка Мичуринского района Тамбовской области в семье рабочего железнодорожного транспорта. В 1938 году окончил среднюю школу № 50 г. Мичуринска.

Осталось выбрать верный угол зрения для исторической оценки личности Ивана Никитича, а именно такой оценки, на мой взгляд, и ждут читатели книги. Это — более трудная задача. Но и здесь мне сопутствовала удача.

Спасибо Интернету, точнее — профессору Н.С. Коноплеву. Доктор философских наук, в прошлом студент историко-филологического факультета и член редколлегии многотиражной газеты «Иркутский университет», Николай Сергеевич опубликовал

вал в электронной газете ИГУ статью, в которой описывает факт, позволяющий оценить личность И.Н. Трегубова как либерального экономиста послесталинской эпохи — эпохи хрущевской политической оттепели и косыгинской экономической реформы.

«Случилась передряга, — пишет Н.С. Коноплев. — Заведующий кафедрой политэкономики (впоследствии доктор-экономист) И.Н. Трегубов полетел в Москву. Сидя в Ту-104 с одним американским бизнесменом, поведал ему сердечно-простодушный Иван Никитич о «социалистических пробуксовках» в ходе соревнования двух мировых систем: не все еще, мол, наши люди прониклись духом противоборства. Вернувшись из командировки, идейно незрелый работник высшей школы перенес «недозволительные сентенции» на страницы многотиражки. Видите ли, «оттепелью» решил «отметиться» разгоряченный либерал». Далее Н.С. Коноплев описывает «ковровое промывание мозгов» членам редколлегии на заседании парткома. «Обошлось постановкой на вид редактору многотиражной газеты «Иркутский университет» коммунисту Валисевичу». Интересно, что коммунист Трегубов на это заседание парткома приглашен не был.

Проницательный философ, Н.С. Коноплев мимоходом высветил главную черту профессора И.Н. Трегубова. Иван Никитич действительно был либеральным экономистом, «шестидесятником» в политической экономике. Он довольно критически относился к советской системе хозяйства. При этом его позиция идеологически была неуязвима. Он ставил в центр идеологического воспитания вопрос о соревновании двух мировых систем, через призму которого и обнажались «пробуксовки» социалистической экономики.

Причины этих «пробуксовок» И.Н. Трегубов видел в преобладании административных методов управления над экономическими, в отсутствии материальной заинтересованности работников в результатах своего труда, в слабом развитии производственной демократии. «Преобладание административных методов руководства хозяйством над экономическими, — писал он в своей монографии, — задерживает развитие социалистической экономики и препятствует реализации колоссальных преимуществ, которые внутренне присущи социалистической экономике по сравнению с капиталистической».

В статье «Реформа и ее эффект», опубликованной в «Иркутском университете» 14 октября 1965 года, он прямо указывал на то, что «преимущества социалистической системы над капиталистической все еще используются в недостаточной степени. Более того, в последние годы имело место снижение эффективности социалистического производства». В этой же статье, ссылаясь на американского журналиста, И.Н. Трегубов писал, что «сравнение темпов роста советской и американской экономик стало в каком-то смысле важнее сообщений о победах и поражениях периода Второй мировой войны». Участник Великой Отечественной, он не хотел поражения своей страны на фронте экономического противоборства.

Нетрудно понять, почему «разгоряченный либерал» И.Н. Трегубов был так опасен для руководства парткома, трусливо отчитавшего редакционную коллегию многотиражки в его отсутствие. С ним невозможно было спорить, потому что он был прав. Сегодня, через сорок с лишним лет, видно, насколько грамотно и принципиально ставил Иван Никитич вопрос о соревновании двух мировых систем, насколько его беспокоило будущее нашей страны.

К чести (не парткома!) партийного руководства областной наукой именно «либеральный экономист» Трегубов был рекомендован Минвузу СССР для командировки в Чехословакию, где он в 1972/73 учебном году читал лекции студентам Карлова университета в Праге. Кандидатура профессора Трегубова была подобрана идеально. Демократический стиль общения с молодежью, отсутствие догматической зашоренности, умение аргументированно отвечать на самые острые вопросы, интеллигентность и приятный внешний вид советского профессора из Иркутска как нельзя лучше подходили для работы с чехословацкими студентами после известных событий 1968—1969 годов.

Командировка в Чехословакию была большим жизненным успехом И.Н. Трегубова. Она повышала его авторитет, в том числе и в глазах его семьи. Ивану Никитичу шел 53-й год. Холодный и голодный Иркутск с его отдаленностью от столичных центров уже не устраивал Трегубовых. Нужно было решаться на переезд. Мне запомнился выпускной вечер по случаю окончания университета. На него был приглашен профессор Трегубов. Вечер проходил в ресторане «Ангара». Иван Никитич пришел с женой. Весе-

лился, произносил тосты, танцевал. Только потом я понял, что в тот майский вечер 1974-го Иван Никитич прощался с иркутским студенчеством.

Спустя десять лет я встретился с ним в Кудепсте на семинаре докторантов, периодически проводившемся председателем Головного совета Минвуза РСФСР по политической экономии Н.Д. Колесовым. Мы сидели с Иваном Никитичем за одним обеденным столиком и много спорили. Заметно постаревший, он оставался таким же жизнелюбимым, галантным, интересным в общении. При мне он подошел к молодой докторантке, опустился на колени и стал помогать ей зашнуровывать ботинок. Потом, словно извиняясь, сказал: «Я нахожусь сейчас в таком возрасте, когда могу просто наслаждаться — хорошей книгой, прекрасной картиной, красивой женщиной». Просто наслаждаться, то есть, для души, без каких-либо других соображений.

О последних годах жизни Ивана Никитича я знаю мало. Слышал, что он похоронил жену и сына. Был очень болен. Он никогда ни на что не жаловался. В последнем письме ко мне он, как бы между прочим, написал: «Надеюсь дожить до 50-летия Победы». Иван Никитич Трегубов не дожид до дня Победы совсем немного: он умер 17 марта 1995 года.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА И.Н. ТРЕГУБОВА

1. Расширенное социалистическое воспроизводство в колхозах. М.: Знание, 1958. 40 с.

2. Размышления по пути в столицу // Иркутский университет. 1962. № 7. С. 2.

3. Совещание в Кремле (заметки участника) // Иркутский университет. 1962. № 8. С. 1.

4. Реформа и ее эффект // Иркутский университет. 1965. № 30. С. 2.

5. Колхозное производство и его экономическая эффективность: (По материалам колхозов Восточной Сибири). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 185 с.

6. Использование экономических законов и категорий социализма в хозяйственной практике: Межвуз. темат. сб. / Под ред. *И.Н. Трегубова*. Калинин: КГУ, 1977. 163 с.

7. Развитие форм производства в условиях зрелого социализма: Межвуз. темат. сб. / Под ред. *И.Н. Трегубова*. Калинин, 1981. 131 с.

8. Развитие непосредственно общественного характера социалистического производства в условиях его интенсификации: Сб. науч. тр. / Под ред. *И.Н. Трегубова*. Калинин: КГУ, 1985. 145 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При подготовке очерка использовались следующие материалы: Профессор политэкономии: к 50-летию со дня рождения И.Н. Трегубова // Иркутский университет. 1971. № 3. С. 1; *Коноплев Н.С.* «Мне любо с газетой бодрствовать»: репортаж о начальной поре в многотиражной газете «Иркутский университет» // Иркутский университет. 2002. № 6. С. 6—8.

М.П. Рачков,
доктор экономических наук,
профессор Байкальского государственного
университета экономики и права, г. Иркутск

НАБИУЛЛ ГАЛИУЛЛОВИЧ ГАЛИАСКАРОВ. ПУТЬ СОЛДАТА

Родился я 20 декабря 1923 года в селе Звериноголовское, тогда Челябинской, а теперь Курганской области. Свое название село получило потому, что однажды вблизи него копали колодец и нашли звериную голову необычайной величины, которая была перевезена в Петербург и помещена в краеведческом музее. Наша семья была многодетной. У моих родителей было десять детей, из которых двое умерли в младенческом возрасте. Из нашей семьи трое: я, брат и сестра были участниками Великой Отечественной войны. С фронта все вернулись живыми.

По социальному положению, согласно справке сельсовета, наша семья считалась бедняцкой. Родители имели 1,5—2,0 гектара земли, лошадь и корову. Сколько себя помню, с детских лет приходилось трудиться, помогать родителям. Весной пахали землю и сеяли хлеб, сажали картофель, а осенью убирали урожай. Все работы выполнялись вручную, так как кроме сохи и бороны никакой техники не было. Хлеб срезали серпом. Вязали в снопы и вручную молотили. Небольшой участок земли, а также лошадь и корова позволяли нам хотя бы как-то выживать.

В 1929 году была организована коммуна под названием «Красный пахарь». Всех трудоспособных крестьян, в том числе моих родителей, заставили вступить в эту коммуну. Причем землю, лошадь и корову у нас отобрали. Предполагалось, что продукты членам коммуны будут выделяться из фондов коммуны. Отец и

Доцент, заслуженный
экономист России
Н.Г. Галиаскаров

мать с утра и до вечера работали, но ничего не получали. Выжидали за счет огорода.

В 1931 году на базе коммуны было организовано несколько колхозов, в один из которых под названием «Пламя» и вступили мои родители.

За работу в колхозе начислялись так называемые трудодни, именуемые в простонародье «колами». За трудодни в конце года предполагалось выделять продукты: зерно, мясо, но практически ничего не выделяли.

Из-за нищенского существования в дни школьных каникул мне вместе с отцом приходилось трудиться на колхозных полях. На полевых станах работников кормили. Я прошел все стадии заготовки сена: кошение, подбор, копнение и скирдование.

После заготовки сена наступала пора уборки хлебов. Косили хлеба такими механизмами, как «Лобогрейка», «Самосвал», в которые запрягали двух быков и одну лошадь. Вот и приходилось работать погонщиком. Удобрений не было и, поэтому, урожай были крайне низкими. После «механизированной» уборки на сбор оставшихся в поле колосков привлекались все школьники.

Так прошло мое детство.

В июне 1941 года началась Великая Отечественная война. О нападении немецко-фашистских захватчиков мы узнали во время лодочного похода по реке Тобол от Зверинки до Каменки, который мы совершали с группой школьников в честь окончания учебного года. Я тогда окончил 9 классов. Сразу же после возвращения, я вместе с другими комсомольцами обратился в военкомат с просьбой направить меня на фронт. В военкомате ответили, что придет время, и нас призовут.

В августе 1941 года меня призвали в армию и направили в Челябинский облвоенкомат. Там я узнал, что меня хотели направить в военное училище, но я опоздал, и эшелон с призывниками был уже отправлен к месту назначения. Меня вернули домой до следующего призыва.

4 апреля меня снова призвали и направили в 13-й запасной стрелковый полк в город Чебаркуль Челябинской области. Здесь я проходил строевую и боевую подготовку. Кормили в полку исключительно плохо, выдавали 250 граммов хлеба, а заниматься приходилось с утра до вечера. На пути в тир и на стрельбище заставляли петь песни, но для этого не было ни сил, ни желания.

При отказе командовали «Ложись!», и мы падали в грязную землю, а ведь был только апрель.

К счастью, в полк приехал представитель 106-й танковой бригады, формировавшейся в то время в Свердловске. Он отобрал 5 солдат, имеющих 9—10 классов образования, в том числе и меня.

Бригада размещалась в добротном здании школы на улице Щорса. В бригаде была совершенно другая обстановка. Здесь хорошо кормили и вместо обмоток нам выдали кирзовые сапоги. Меня зачислили в роту управления. В состав роты входили взводы: разведки, саперный, связи и материального обеспечения. Обучение я проходил в составе разведвзвода.

Как имеющего образование, меня стали привлекать для проведения политинформаций, и вскоре я получил звание замполитрука. Замполитруки носили на петлицах 4 треугольника и звезду на рукаве.

В конце лета 1942 года нас перебросили в Подмоскowie и разместили в деревне Костерево. Здесь бригада была оснащена танками Т-34 и другой техникой. В состав бригады входили: два танковых батальона, два мотострелковых батальона, бойцы которых во время боевых действий садились на танки сверху и в любое время могли вступить в бой, а также рота управления, медсанчасть и другие вспомогательные подразделения.

В августе 1942 года бригаду погрузили в железнодорожный состав и отправили в резерв Западного фронта, которым в то время командовал маршал Г.К. Жуков.

В пути следования на станции Бутурлиновка на наш эшелон напала немецкая авиация. В результате налета часть танков была выведена из строя, большие потери были и среди личного состава. Во время бомбежки я остался живым только потому, что успел спрятаться в воронке от взрыва авиабомбы. После этого около двух недель лечился в медсанчасти бригады.

106-я танковая бригада.
Свердловск, май 1942 г.

Воронежский фронт. 1942 г.

но вражеские потери были значительно больше, много фашистов было взято в плен. В бою погиб командир нашей бригады полковник Алексеев, получил ранение командир роты. За освобождение города Россошь полковнику Алексееву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Насколько мне известно, благодарные жители Россоши в городском парке поставили ему памятник.

Поскольку я служил в роте управления, то неоднократно с катушкой телефонного провода и автоматом на спине устанавливал связь, участвовал в строительстве переправы для прохода танков и принимал непосредственное участие в боевых операциях.

После одного из сражений бригада получила пополнение за счет новобранцев. Их вооружили автоматами ППШ с боеприпасами, а нас переодеть в военную форму не успели. Оставшимся в живых офицерам и сержантскому составу дали по 50—100 новобранцев. Мне, сержанту, поручили командовать ротой. Ожесточенные бои продолжались. Наша бригада участвовала в освобождении Мерефы — пригорода Харькова. Новобранцы особого желания идти в атаку не проявляли, некоторые при удобном случае прятались и дезертировали, поэтому в бой иногда приходилось их «вести» под дулом автомата.

Весной 1943 года под Харьковом большая группа советских войск, в том числе наша часть, попала в немецкое окружение. Ббли разгромлены штаб и политотдел. Машина политотдела была подожжена, и все документы: партбилеты, наградные листы, в том числе и на меня, были уничтожены.

Я уцелел в том бою, притворившись мертвым, и пролежал среди погибших до вечера. Когда стемнело, оставшиеся в живых стали подниматься. Нас собралось человек пять или шесть, в том числе один в звании капитана и один раненый лейтенант, которого положили на носилки, сооруженные из подручных материалов. Он умолял, чтобы его пристрелили, но мы все-таки его вынесли. Под руководством капитана, у которого была топографическая карта местности, мы стали выбираться из «котла».

Пробирались из окружения ночами, а днем прятались в лесу. Продуктов не было, и от голода мы съели все имеющиеся ремни. Через четверо суток дошли до своих. Все мы обморозились, а в одной из перестрелок с немцами я получил ранение в левую ногу. К счастью, рана оказалась легкой. Лечился я в эвакогоспиталях, сначала во фронтовом, а затем, начиная с марта и до конца июня 1943 года, — в Тамбовском.

После излечения меня направили в Учебный танковый полк 1-го Украинского фронта, где я занимался подготовкой стрелков-радиостов танка Т-34. Полк находился во втором эшелоне фронта, однако несколько раз на полк нападали украинские националисты-бендеровцы, но все их атаки были отбиты.

После очередного ранения и лечения в госпитале во Львове, я был направлен во внутренние войска.

Службу закончил в 1955 году в звании старшего лейтенанта.

За участие в боевых операциях я награжден орденом Отечественной войны II-й степени, медалями «За боевые заслуги» и «За Победу над Германией в Великой

Иркутск. 1955 г.

Отечественной войне 1941—1945 гг.», многими юбилейными медалями.

После войны, продолжая служить и работать, заочно окончил юридическую школу, Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), Иркутский финансово-экономический институт и аспирантуру. В апреле 1968 года защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Работал старшим инженером в Иркутском совнархозе, а затем начальником планово-производственного отдела ГПИ «Иркутский Промстройпроект».

В 1966 году перешел на работу в Восточно-Сибирский филиал НИИ труда Госкомтруда СССР сначала начальником отдела, а с апреля 1968 года по октябрь 1989 года работал директором этого научного учреждения.

В дни празднования очередной годовщины Великой Победы

Институт занимался исследованием актуальных проблем экономики труда, а именно: производительностью труда, организацией и нормированием труда, заработной платой и материальным стимулированием, условиями труда рабочих на производстве. По результатам научных исследований давались рекомендации предприятиям и представлялись материалы в директивные органы для принятия соответствующих решений.

Был награжден медалью «За доблестный труд» в связи со 100-летием со дня рождения В.И. Ленина.

В период строительства БАМа институт провел ряд исследований по проблемам экономики труда для строитель-

ных организаций, работающих на строительстве дороги. В числе других научных сотрудников я был награжден медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали».

Весь период работы в НИИ я также занимался и педагогической деятельностью. Преподавал в высших учебных заведениях Иркутска экономику труда и политическую экономию. В 1970 году мне было присвоено ученое звание доцента.

В 1983 году награжден нагрудным знаком «За активную работу в системе Госкомтруда СССР».

В центральных и местных изданиях мною опубликовано 70 научных трудов общим объемом 50 печатных листов. Все они посвящены проблемам повышения эффективности труда на производстве.

За заслуги в области экономической работы и многолетний добросовестный труд в 1987 году мне было присвоено звание «Заслуженный экономист РСФСР».

В октябре 1989 года мне была установлена персональная пенсия республиканского значения, которая в начале перестройки была отменена.

После ухода на пенсию я продолжал трудиться как экономист и юрист: работал главным специалистом, финансовым директором и руководителем юридической службы в коммерческих структурах.

В настоящее время на общественных началах работаю в Совете ветеранов, провожу беседы со школьниками и преподавателями в школах Иркутска.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ДОЦЕНТА Н.Г. ГАЛИАСКАРОВА

1. Механизация проектно-конструкторских работ и ее эффективность. Иркутск: Восточно-Сибирское книжн. изд-во, 1967. (1,7 п. л.)

2. Трудовые ресурсы, вопросы подготовки кадров и благосостояния трудящихся. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. (1,0 п. л.)

3. Хозяйственный расчет в проектных организациях. М.: Стройиздат, 1973. (5,0 п. л.)

4. Комплексная система организации учета и сокращения ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда в

промышленности (Межотраслевые рекомендации). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. (1,85 п. л.)

5. Совершенствование хозяйственного механизма и эффективность производства. Иркутск: Знание, 1980. (2,25 п. л.)

6. Методические рекомендации по разработке целевой программы повышения эффективности использования трудовых ресурсов предприятия (организации) на 1986—1990 гг. Иркутск, 1985. (3,25 п. л.)

Н.Г. Галиаскаров,
участник Великой Отечественной войны,
кандидат экономических наук

ЭКОНОМИСТЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА — УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Данные, опубликованные в печати, свидетельствуют, что за свободу своей Родины — Союза советских Социалистических Республик — наш народ заплатил жизнью 27 миллионов человек, из которых 14 миллионов участвовали в военных действиях.

Война не обошла стороной и коллектив Ленинградского сельскохозяйственного института (ЛСХИ) и Пушкинского сельскохозяйственного института, который был объединен с ЛСХИ в 1949 году.

В институте работали замечательные ученые-педагоги, патриоты: академики К.Д. Глинка (ректор), Н.И. Вавилов, Е.Ф. Лискун, М.И. Дьяков, В.Н. Сукачев, профессора Н.Н. Богданов-Катьков (ректор), К.И. Дебу, П.А. Борисов, Е.С. Лондон, А.А. Ячевский, В.В. Пашкевич, Н.А. Наумов, С.П. Кравков, С.Л. Соболев, соратники В.И. Ленина — профессор Д.И. Лещенко и сотрудник М.В. Фофанова, «хозяйка» его последней конспиративной квартиры. В предвоенные годы в институте преподавали профессор М.П. Макаров, награжденный орденом Ленина (в годы войны участник обороны Ленинграда), профессор В.А. Тютин, доценты А.А. Кейлин (участник гражданской войны), Н.В. Иголкин и Н.П. Аверкиев.

Экономический факультет был образован в 1922 году. У истоков его организации стояли видные профессора Е.А. Энгель, В.И. Рыков, Н.Н. Кожанов, И.В. Чернышев. Студентами экономического факультета в основном становились участники гражданской войны, рабфаковцы, сельские комсомольцы, многие студенты направлялись общественными организациями. Кроме

молодежи на факультете учились люди с большим жизненным опытом и политической закалкой.

В предвоенные годы в ЛСХИ (ныне — Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (СПбГАУ)) и в Пушкинском сельскохозяйственном институте проводилась большая работа по патриотическому воспитанию.

В Пушкинском СХИ активно работал студенческий клуб «В Ратной палате», одним из организаторов которого был сотрудник В.Н. Смирнов (будущий создатель музея ЛСХИ). В клубе в разное время выступали известные литераторы Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Максим Горький, Алексей Толстой, Вячеслав Шишков и другие.

Начальником военной кафедры Пушкинского СХИ был майор К.В. Зубцов. За плечами у него было 4 войны (первая мировая, гражданская, война с басмачами на Туркестанском фронте в 20-е годы XX века и советско-финская 1939—1940 гг.). Кафедра была одной из лучших в Ленинградском военном округе, который проводил стрелковые соревнования, развивал военно-прикладные виды спорта. Работала конно-спортивная секция. Существовала тесная связь с курсами Красного Креста (РОКК) Пушкинского района, на которых готовились медицинские сестры. В годы финской войны кафедра сформировала лыжный батальон. Некоторые студенты за мужество и героизм были награждены орденами и медалями.

В советско-финской войне 1939—1940 годов участвовали и преподаватели ЛСХИ профессор В.А. Тютин, доцент Н.П. Аверкиев. Сохранились письма Н.П. Аверкиева родным. Они глубоко патриотичны, проникнуты оптимизмом, верой в победу, заботой о родных и друзьях.

И не удивительно, что преподаватели, сотрудники, студенты ЛСХИ и Пушкинского СХИ с начала Великой Отечественной войны записались в народное ополчение.

* * *

Не думая о доблести и славе,
Услышав нашей Родины веленье,
Вы по приказу собственного сердца,
Пошли в родное ополченье.

Эти строки адресованы ленинградцам, вставшим в первые дни войны по зову Родины, по велению сердца в ряды доблестных защитников города на Неве. Среди них было много профессоров, преподавателей, сотрудников и студентов пяти ленинградских сельскохозяйственных вузов, объединенных ныне в Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Каждый ополченец давал клятву, в которой были такие слова: «Клянусь перед всеми вами, мои друзья, мои товарищи по оружию, что этой винтовкой я буду беспощадно бить врага. Только смерть может разжать мои пальцы». Такие слова произносили люди, сменившие гражданскую одежду на солдатские гимнастерки, едва прозвучал тревожный набат войны.

Была создана Ленинградская армия народного ополчения, состоявшая из 10 дивизий и 16 пулеметно-артиллерийских батальонов общей численностью в 160 000 человек.

В Пушкине был сформирован батальон добровольцев, который вошел в состав 2-й дивизии народного ополчения, формируемой в Московском районе Ленинграда. Ядром батальона были преподаватели, сотрудники и студенты Пушкинского сельскохозяйственного института. Среди них доценты *Н.В. Иголкин*, *А.П. Петренко*, *Н. Давыдов*, *Л. Левин*, позже в ней воевали профессор *Г.Р. Романченко*, сотрудник *П.С. Петренко*.

В начале июля 1941 года под звуки военного оркестра провожаемая студентами и жителями Пушкина колонна добровольцев-ополченцев, прошедших недельный курс начальной военной подготовки, была направлена в Ленинград. В районе товарной станции Купчино секретно, ночью, эшелон с ополченцами 2-й дивизии выехал на фронт.

Ополченцы высадились недалеко от станции Веймарн, под Кингиссепом. Здесь они попали под сильную бомбежку. Несмотря на тяжелые бои на Лужском рубеже, боевые потери, ополченцы выполняли боевую задачу — стояли насмерть на своих позициях, часто переходили в контратаки. Бои на Лужском рубеже, проходившие в течение от одного до полутора месяцев — на разных участках, позволили командованию фронта подготовиться для обороны Ленинграда Красногвардейский (Гатчинский) и Пулковский рубежи, остановившие врага.

В этих первых боях многие ополченцы погибли или были ранены. Те, кто остался живым в составе 2-й дивизии (ставшей с

23 сентября 1941 года 85-й стрелковой, в дальнейшем Краснознаменной Павловской), участвовали в боях на Ораниенбаумском плацдарме, в районе Невы, на Пулковских высотах, в освобождении от фашистов Пушкина и Павловска, других городов Ленинградской области, населенных пунктов Прибалтики, в разгроме Курляндской группировки врага.

Как одно из лучших соединений Ленинградской армии народного ополчения и в память о подвиге добровольцев, дивизия в послевоенные годы осталась в составе Вооруженных сил СССР, а теперь России. Многие петербуржцы, пушкинцы и павловчане служат в этой дивизии. Происходит обмен делегациями ветеранов и воинов-сибиряков (дивизия находится в Сибири). Организуются поездки по местам боев.

В составе 3-й Фрунзенской дивизии народного ополчения, воевавшей на Лужском рубеже, наводчиком артиллерийской батареи первого полка был доцент *Э.Ю. Гальперин*; в начале войны командиром 2-го Приморского (по названию района Ленинграда) полка, 3-й Фрунзенской дивизии стал начальник военной кафедры Пушкинского СХИ майор *К.В. Зубцов*.

За короткий срок вчерашние рабочие, служащие, студенты, учащиеся школ и техникумов, пройдя подготовку, стали солдатами, защитниками Ленинграда.

В конце июля 1941 года дивизия была переброшена под город Олонец (Карелия) (без первого полка, который оборонял 30-километровый Лужский рубеж, ранее предназначенный для всей дивизии). Вместе с другими соединениями и частями дивизия должна была не допустить прорыва врага к реке Свирь и объединения фашистских частей. Тем самым предполагалось сорвать попытку фашистов создать 2-е кольцо блокады Ленинграда в районе Лодейного поля.

Во время штурма высоты 40.0 в районе поселка Сяндеба военфельдшер полка Аня Павлова после гибели командира роты лейтенанта Б. Измайлова подняла бойцов в атаку. Высота была взята, но Павлова погибла. Посмертно она была награждена орденом Ленина.

В дни боев в Карелии фронтовая газета «За Родину» написала о майоре *К.В. Зубцове*: «Сколько раз этот обаятельный, на вид спокойный человек личным примером вел в бой. Падал на землю, поднимался и снова шел». Вражеская пуля ранила Зубцова в

бою у станции Токари. Полгода он пролежал в госпитале. После выздоровления вернулся в строй и стал заместителем командира дивизии. Второе ранение он получил уже в бою под Вязмой на Центральном фронте. Поправился, получил звание полковника и был назначен командиром 3-й стрелковой дивизии на 2-м Украинском фронте.

23 декабря 1943 года под городом Александрия Кировоградской области Клавдий Васильевич повел в бой воинов дивизии и героически погиб.

В парке Александрии находится могила К.В. Зубцова. У памятника боевому командиру — всегда живые цветы. Стенды, посвященные К.В. Зубцову, имеются в школьных музеях 3-й Фрунзенской дивизии в школах № 320 и 57, лицее № 299 Санкт-Петербурга и в городе Олонец. Чтят его память и на военной кафедре СПбГАУ.

В этой же дивизии воевал профессор *П.А. Кальм*. В летописи ополчения есть такие строки: «4 августа 1941 года. 44-й день войны. Огнем артиллерии третьей дивизии народного ополчения в районе деревни Верхний Конец уничтожено скопление вражеских войск и боевой техники. Командовал батареей лейтенант *П.А. Кальм*». Ополченцы оборудовали огневые позиции, укрытия для личного состава, лошадей, наблюдательные пункты, наладили связь. Позиции батареи, осуществлявшей артподдержку 3-го Выборгского полка (по названию района Ленинграда), располагались по возвышенному берегу реки Тулокса. Артиллеристы *П.А. Кальма* успешно подавляли ураганный огонь, который противник обрушивал на наши части. По приказу *П.А. Кальма* разведчики батареи и связисты действовали в тылу противника, сообщая о местонахождении вражеских частей, вызывая огонь на разведанные цели.

Ополченцы, преодолевая яростное сопротивление противника, пробившись через окружение к реке Свирь, форсировали ее на подручных средствах, неся огромные потери. *П.А. Кальм* поддерживал в воинах боевой дух, личным примером помогал преодолевать трудности и невзгоды. Он последним покинул берег Свири, обеспечил спасение знамени полка военфельдшером *Аней Шерман*.

П.А. Кальм участвовал в освобождении Южной Карелии, Советского Заполярья, Норвежского города Киркенес, пройдя

боевой путь от командира батареи до начальника штаба артиллерийской бригады.

В послевоенные годы П.А. Кальм заведовал кафедрой организации сельского хозяйства, был проректором ЛСХИ по научной работе, советником министра сельского хозяйства Венгрии. Получил звание Заслуженный деятель науки РСФСР. В течение 10 лет П.А. Кальм был депутатом Ленинградского областного Совета и председателем постоянной депутатской комиссии по сельскому хозяйству.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I-й степени, медалями.

Профессор *Владимир Алексеевич Тютин* — участник советско-финской войны 1939—1940 годов. Через год с небольшим после демобилизации он становится ополченцем 5-й дивизии народного ополчения Выборгского района. Он комиссар артиллерийского дивизиона.

В критический момент обороны Ленинграда, в сентябре 1941 года во время штурма фашистами города, дивизия заняла позиции на Пулковском рубеже и стояла здесь насмерть всю блокаду. Стойкость воинов дивизии высоко оценил маршал Г.К. Жуков, который подчеркивал, что как в 1917 году враги не смогли овладеть Пулковской высотой, так и в Великую Отечественную войну они не смогли этого достигнуть.

После снятия блокады дивизия освобождала Ленинградскую область, Прибалтику, Польшу, Германию.

Министерство сельского хозяйства СССР обращалось к командованию с просьбой отозвать профессора Тютина для научной и педагогической деятельности, но сам Владимир Алексеевич отклонил это предложение и продолжал воевать до Победы.

Он имеет боевые награды: 2 ордена Красной Звезды, Отечественной войны I-й степени, медали.

После войны В.А. Тютин работал заместителем заведующего сельскохозяйственным отделом, заведовал кафедрой экономики.

В 6-й дивизии народного ополчения, занимавшей оборону вблизи Пушкина, воевал профессор *Иван Степанович Кардашов*. Он был начальником отдела пропаганды дивизии, в дальнейшем лектором политуправления Ленинградского фронта, а затем лектором главного политуправления Красной Армии. Во-

евал под Сталинградом и на 3-м Белорусском фронте. Штурмовал Кенигсберг.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I-й степени, медалями.

В послевоенные годы И.С. Кардашов заведовал кафедрой философии. Он автор монографий по проблемам патриотизма и интернационализма, в частности книги «Интернациональный долг вооруженных сил СССР» (М.: Воениздат, 1971).

Николай Андреевич Моисеенко воевал в 276-м пулеметно-артиллерийском дивизионе. В ополчение вступил после окончания 3-го курса экономического факультета Ленинградского университета.

Батальон в августе 1941 года держал оборону в Гатчинском районе. После тяжелых боев из ополченцев в живых осталось только трое, как поется в известной песне «На безымянной высоте».

Новое назначение Н.А. Моисеенко получил в партизанский отряд Дорощеева. В сентябре, октябре, ноябре отряд воевал в Ленинградской области: совершал налеты на фашистские гарнизоны, контролировал ряд дорог, наносил удары по тыловым соединениям врага, минировал железные дороги и другие коммуникации. Преследуемый карателями партизанский отряд в конце ноября 1941 года вышел к переднему краю советских войск в районе Тихвина.

Н.А. Моисеенко был направлен в 44-ю Стрелковую дивизию (бывшую 3-ю гвардейскую дивизию народного ополчения) командиром разведроты. Накануне штурма Тихвина Моисеенко получает приказ: проникнуть в тыл врага в районе монастыря, разгромить засевшую там фашистскую группу и имитировать наступления наших войск. Операция была проведена блестяще. Немцы были застигнуты врасплох, разгромлены, и наши части успешно атаковали фашистов с фронта. За руководство этой операцией Н.А. Моисеенко был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В дальнейшем он участвовал в боях за город Кириши, был ранен. После госпиталя окончил артиллерийские курсы и получил назначение во 2-ю гвардейскую артиллерийскую дивизию прорыва. Принимал участие в оборонительных боях на реке Мице, в освобождении Украины, Крыма, Белоруссии, Прибалтики.

Прошел боевой путь от командира батареи до командира минометного полка.

В послевоенные годы Н.А. Моисеенко стал Почетным гражданином городов Тихвин и Балтимор (США). Награжден семью боевыми орденами, среди которых орден Александра Невского. В 90-е годы XX века Николай Андреевич был избран первым председателем необычного союза — союза кавалеров ордена Александра Невского Ленинграда.

Будучи профессором, Н.А. Моисеенко заведовал в ЛСХИ кафедрой политэкономики, затем кафедрой управления в Санкт-Петербургском университете, был деканом экономического факультета. Он был удостоен звания Заслуженный деятель науки РСФСР, избран академиком Петровской академии науки и искусства. Похоронен на кладбище Александро-Невской Лавры на площадке кавалеров ордена Александра Невского.

Александр Семенович Харченко перед войной был директором совхоза «Агитатор» Новгородского округа Ленинградской области. В совхозе было 500 коров высокопродуктивной датской породы и 20 тысяч свиней. Шла к концу первая половина 1941 года, совхоз спешил отправить продукцию в Ленинград, чтобы досрочно завершить полугодовой план. В субботу 21 июня весь день грузили в вагоны скот для отправки на ленинградский мясокombинат. С эшелонот отправился и А.С. Харченко.

Узнав в Ленинграде о начале войны, он вернулся в совхоз. В военкомате получил направление в танковую дивизию — Первую Краснознаменную. Дивизия сходу вступила в бой на Лужском рубеже под Кингиссепом. Больше месяца она отражала яростные атаки фашистов.

Совхоз возглавила Анна Михайловна Харченко, жена ушедшего на фронт директора. Она организовала эвакуацию коров в Вологодскую область, а свиньи были розданы крестьянам при приближении фашистов.

А.С. Харченко, став начальником оргинструкторского отдела политотдела 55-й армии, воевал под Пушкиным, в районе Невской Дубровки. Часто бывал на передовой, выступал с лекциями, докладами, беседовал с солдатами, организовывал встречи с делегациями заводов и фабрик Ленинграда, проводил шефскую работу в воинских частях и предприятиях города.

А.С. Харченко — участник прорыва обороны Ленинграда. В этих боях он был ранен осколком мины. После лечения в госпитале был политработником на Карельском фронте. Довелось Александру Семеновичу воевать и в Заполярье. После победы над фашистской Германией сражался в составе Первого Дальневосточного фронта (25-я армия) против милитаристской Японии. Закончил войну в Северной Корее в звании майора, награжден тремя орденами Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда» и другими.

После войны А.С. Харченко работал начальником Управления сельского хозяйства в Новгородской, Вологодской и Ленинградской областях. В течение ряда лет доктор экономических наук, профессор А.С. Харченко заведовал кафедрой, был деканом экономического факультета.

Сражались преподаватели и сотрудники сельскохозяйственных институтов и на легендарной Дороге жизни. Командиром орудия на бронепоезде воевал профессор *Василий Ефимович Григоровский*, в послевоенные годы заведовавший кафедрой политэкономии. Старшим диспетчером 17-й автомобильной бригады, перевозившей грузы, раненых, эвакуируемых из Ленинграда, технику и боеприпасы, служил *Самуил Абрамович Иофинов*. С целью усиления грузопотоков было принято решение ночью освещать трассу. По дну Ладожского озера был проложен силовой кабель. Только в первую блокадную зиму было перевезено более 360 тысяч тонн грузов, главным образом, продовольствие, эвакуировано 550 тысяч человек гражданского населения и 35 тысяч раненых бойцов, вывезено из Ленинграда ценного оборудования 3677 железнодорожных вагонов. После войны С.А. Иофинов стал профессором, Заслуженным деятелем науки и техники. Командиром взвода зенитчиков был доцент *В.В. Шведов*. До войны сотрудником ЛСХИ был член военного совета Ленфронта генерал-майор *Н. Соловьев*.

На Ораниенбаумском плацдарме заместителем командира танкового полка воевал *Н.С. Ждановский*. Он и его боевые товарищи сумели под огнем врага отремонтировать и эвакуировать с «ничейной» земли и ввести в строй 7 советских танков, подбитых фашистами в 1941 — начале 1942 года. После войны Н.С. Ждановский стал профессором, получил звание Заслуженный деятель науки и техники.

На легендарном Невском пятачке, протяженностью 2 километра и глубиной 400 метров, где каждый квадратный метр содержал больше металла, чем земли, воевали профессор *Г.А. Почебут* и заведующий музеем СПбГАУ *В.Н. Смирнов*. *Г.А. Почебут* был сапером-пантонером, а *В.Н.Смирнов* — начальником штаба минометного батальона и десять раз под ураганным огнем переправлялся через Неву.

В прорыве блокады Ленинграда и в боях по ее полному снятию участвовали профессора *З.В. Абрамова*, *С.И. Боголюбский*, *Н.В. Бондаренко*, *Г.А. Почебут*, сотрудники *В.Н. Смирнов* и *Н.Ш. Насурлаев*.

В морской авиации на Ленинградском фронте воевал доцент *А.А. Михайлов*, тридцатитысячник, ставший проректором по повышению квалификации.

В блокадном Ленинграде медсестрами были сотрудники *Г.А. Шапкина* и *З.Г. Левочкина*.

Под Колпиным и Синявиным воевала старший преподаватель *И.Н. Александрова*. Здесь она была тяжело ранена. После госпиталя участвовала в боях в Польше, Восточной Пруссии, Чехословакии, Австрии.

На Ленинградском фронте воевали профессор *П.Д. Сахаров*, участвовавший в разведке по захвату «языков», *Н.П. Аверкиев*, на Ленинградском фронте встретил войну профессор *Ю.Н. Новиков*. В дальнейшем он воевал под Москвой, под Воронежем, на 3-м Украинском и 2-м Белорусском фронтах командиром минометной батареи гвардейского полка.

На Севере в Карелии воевали ректор, профессор *Константин Николаевич Капорулин*, профессор *Семен Владимирович Фраер*, преподаватели *Г.К. Погосов* и *М.А. Жуков*.

На Калининградском фронте старшим адъютантом батальона воевал доцент *А.А. Кастирин*.

В обороне Сталинграда в составе знаменитой «железной» дивизии участвовал командир взвода разведки доцент *С.И. Левочкин*. Высоту 133,4 в составе 42-й отдельной стрелковой бригады прославленной 62-й армии Чуйкова оборонял преподаватель *М.О. Каитан*. С боями от границы до стен Сталинграда отступал сапер *А.А. Шестиперов*. Здесь он был тяжело ранен. После войны *А.А. Шестиперов* стал Заслуженным деятелем науки.

В гвардейском бомбардировочном полку, осуществлявшем боевые операции на Украине, в Румынии, Польше, Чехословакии и Германии воевал летчиком сотрудник *В.В. Капацинский*.

Сотрудник *В.С. Степанов* был танкистом. Воевал на Западном фронте, под Москвой, на Курской дуге, в Румынии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, участвовал в разгроме японских милитаристов.

В обороне Кавказа участвовал преподаватель *Л.Н. Порицкий*.

Доцент *В.Ф. Климченков* воевал в Брянских лесах партизаном.

Академик *Николай Григорьевич Дмитриев* в 15 лет стал партизаном. Участвовал в боях в составе 5-й партизанской Гатчинской дивизии на Нарвском плацдарме. Был тяжело ранен. Награжден двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденами «Знак почета», Трудового Красного знамени, Октябрьской революции.

Героем Советского Союза стал *В.М. Зайцев*. Василий Михайлович Зайцев окончил Пушкинский сельхозинститут в 1936 году. Получил назначение в Карелию. Стал работать агрономом МТС, в управлении сельского хозяйства Карелии. Участник советско-финской войны 1939—1940 годов. С первого дня Великой Отечественной войны на фронте. Воевал под Тихвином. 22 ноября 1941 года на танке 3 раза ходил в атаку уничтожил около 300 солдат и офицеров противника, 30 пулеметов, несколько пушек и автомашин.

Накануне штурма Тихвина в декабре 1941 года в ходе разведки в районе деревни Лазаревичи танкисты истребили около 20 фашистских пулеметчиков, несколько тщательно укрытых огневых точек. После доклада командиру полка полковнику Косогорскому Зайцев получил новую задачу: разведать обстановку в районе деревни Старый Погорелец, вблизи Лазаревичей. Выполнив приказ, танк при возвращении попал в засаду. На помощь Зайцеву был направлен танковый батальон под командованием А.Д. Маркова. А от Зайцева пришла радиограмма «Горим Врагу не сдаемся». Танковый батальон ворвался в Лазаревичи, пробился к месту, где вел бой танк Зайцева. Но помощь, к сожалению, опоздала. Отважные танкисты младший лейтенант В. М. Зайцев и стрелок-радист А. И. Рашупкин погибли.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 декабря 1941 года В. М. Зайцеву было присвоено звание Героя Совете-

кого Союза. Его именем названы совхоз в Карелии, улицы в Петрозаводске и Тихвине. В СПбГАУ ежегодно проводится кросс памяти героя.

В годы Великой Отечественной войны коллектив экономического факультета: профессора, доценты, сотрудники и студенты — выполнил свой долг перед Родиной. Их подвиг — достойный пример грядущим поколениям.

После окончания войны экономисты-аграрии принимали самое активное участие в разработке научных основ сельскохозяйственного производства в целях достижения продовольственной безопасности страны, ликвидации условий, порождающих голод, а также в целях удовлетворения основных потребностей населения с учетом научно обоснованных норм потребления.

Большой вклад в исследование этих проблем внесли работы профессора-фронтовика *Г.Р. Романченко*.

Он родился 10 октября 1903 года в городе Бобринце Кировоградской области. Окончил начальную школу, а затем высшее начальное училище и профтехническую школу. Срочную военную службу проходил на Балтике, на подводной лодке. Там же был принят в партию парторганизацией бригады подводных лодок Балтийского флота. В 1933 году Г.Р. Романченко окончил Ленинградский плановый институт. Затем был на партийной работе — заместителем начальника политотдела Детскосельской МТС Ленинградской области, секретарем парткома курсов марксизма-ленинизма при Ленинградском обкоме ВКП (б), секретарем Всеволожского района Ленинградской области. Окончив аспирантуру, Г.Р. Романченко был принят на работу преподавателем Планового института. С первых дней Великой Отечественной войны Г.Р. Романченко на фронте. В должности помощника начальника штаба батальона, а потом полка он в составе 2-й дивизии народного ополчения (с сентября 1941 г. 85-я стрелковая дивизия) дошел до Германии.

После войны Г.Р. Романченко до 1955 года преподавал в Плановом институте, а затем, защитив докторскую диссертацию, — в ЛСХИ. В дальнейшем стал профессором Санкт-Петербургского государственного университета. Все годы работы преподавателем Г.Р. Романченко вел теоретические семинары с профессорско-преподавательским составом, умело вовлекая аудиторию в рассмотрение сложных проблем. Он был блестящим лекто-

ром, выступая не только в студенческой аудитории, но и на районных и городских семинарах, научных конференциях. Читал лекции по путевкам общества «Знание» в районах области.

Последние годы Г.Р. Романченко работал старшим научным сотрудником Ленинградской лаборатории НИИ по ценообразованию Госкомцен СССР. Принимал активное участие в работе научного совета по проблемам ценообразования АН СССР и Госкомцен СССР. Профессор Г.Р. Романченко создал свою школу в секции «Ценообразование на сельскохозяйственную продукцию». Многие ее участники защитили докторские и кандидатские диссертации. Среди них можно назвать В.Р. Боева, И.И. Лукинова, В.Е. Есипова, А.М. Залкинда, Н.А. Моисеенко, В.В. Рагозина, М. Такумбетова, А.Я. Тихонова и других. Многие выпускники ЛСХИ стали прекрасными организаторами колхозного производства и добились высоких результатов в хозяйственной деятельности.

Анализируя направление развития колхозного производства, Г.Р. Романченко связывал их с развитием товарно-денежных отношений и функционированием социалистического рынка. Это теоретическое положение было выдвинуто сорок лет назад, а применение оно нашло в 2002 году, когда на XVI съезде Коммунистической партии Китая был поставлен вопрос о том, что социалистическое товарное производство является основой развития экономики Китая и будет сохраняться длительный период времени в связи с наличием множества форм собственности, но при ведущей и определяющей роли общественной собственности.

Теоретические высказывания Г.Р. Романченко 60-х годов перекликаются и с современной экономической теорией. Он писал, что величина стоимости в соответствии с общественными потребностями определяется платежеспособным спросом, но поскольку в масштабах народного хозяйства «никто не может точно предвидеть, сколько и каких именно товаров будет продано, то цены всегда будут отклоняться от стоимости и только приблизительно отражать ее величину». Большое внимание в работах Г.Р. Романченко уделялось проблемам ценообразования на колхозную продукцию, и центральное место в его исследовании заняла разработка экономически обоснованного (оптимального) уровня рентабельности колхозного производства, который должен обеспечивать условия расширенного воспроизводства хозяй-

ства, а также платежи в бюджет, создание условий для развития социальной сферы на селе и постепенного сближения условий жизни и работы в деревне с городом.

Оплату труда колхозников в то время рекомендовалось ориентировать на уровень оплаты работников совхозов, а затем рабочих промышленных предприятий. А с достижением данного уровня она могла быть и выше, если валовой и чистый доход колхозов превышал средний уровень по народному хозяйству.

Большое внимание в работах Г.Р. Романченко было уделено и проблемам арендной платы и взимания подоходного налога. Данные платежи в бюджет не должны были нарушать условия расширенного воспроизводства сельского хозяйства. Борьба за создание таких условий носила острый характер, и известный художественный фильм «Председатель» объективно показал и недостатки, и преимущества, и возможности колхозного строя.

Научная деятельность Г.Р. Романченко была посвящена исследованию проблем развития колхозного строя в СССР. Результаты этих исследований нашли отражение в его монографии «Рентабельность колхозного производства». Представление о содержании и результатах проведенных исследований дает следующий раздел данной монографии.

ОБЩЕХОЗЯЙСТВЕННАЯ РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА КОЛХОЗОВ

Чистый доход всего хозяйства обычно принято сопоставлять с совокупными затратами. Экономический смысл такого сопоставления двоякий. Во-первых, полученная норма рентабельности характеризует эффективность израсходованных средств и, таким образом, в более обобщенном виде показывает результат хозяйственной деятельности. Во-вторых, взятые за ряд лет показатели нормы рентабельности позволяют судить об улучшении или ухудшении работы хозяйства.

Сложные и противоречивые условия, в которых развивались колхозы после реорганизации МТС, сказались на совокупной рентабельности (см. табл. 1).

Норма рентабельности в колхозах (в %)

Республики и экономические районы	Годы					
	1957	1958	1964	1965	1966	1967
РСФСР	38,6	41,7	36,4	44,5	51,9	46,3
Украинская ССР	45,5	55,2	39,6	49,7	50,4	43,5
Прибалтийский	33,6	34,4	21,5	42,3	36,9	36,4
Закавказский	33,4	42,7	32,3	21,8	21,0	13,9
Среднеазиатский	35,9	49,2	41,5	41,0	34,2	23,4
Казахская ССР	24,0	49,5	39,4	32,4	62,5	34,0
Белорусская ССР	43,3	46,8	26,4	44,4	42,8	37,9
Молдавская ССР	52,2	72,8	55,2	53,5	49,0	49,9

В 1958 г. рентабельность производства, неделимых и других общественных фондов была одной из самых высоких.

Нередко указывалось на то, что закупочные цены, введенные в 1958 г., также способствовали повышению рентабельности колхозного производства. На самом деле это не так.

Если все затраты государства по заготовкам колхозной продукции представить в виде совокупной цены, то она формировалась с учетом прошлых затрат государства по заготовкам и на содержание МТС. Такой принцип формирования совокупной цены исключал возможность повышения чистого дохода колхозов за счет цен. Кроме того, на основе закупочных цен 1958 г. изменилась рентабельность, измеряемая отношением денежной части чистого дохода к совокупным затратам. Она всюду повысилась. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, этот год оказался значительно более благоприятным, чем предыдущие, и валовая продукция сельского хозяйства по всем категориям хозяйств увеличилась с 44,1 млрд рублей до 48,5 млрд рублей, что не могло не сказаться на рентабельности производства. Во-вторых, затраты на механизированные работы во многих районах оказались ниже стоимости натуральной оплаты за работы МТС, что также способствовало повышению рентабельности. В-третьих, многие колхозы увеличили отчисления на пополнение отдельных видов продуктов.

Поскольку влияние трех указанных факторов было неодинаковым, то и повышение нормы рентабельности было также различным. Незначительно повысилась рентабельность в колхозах РСФСР, Прибалтики и Белоруссии. И это не случайно. Во многих хозяйствах этих республик расходы на выполнение трак-

торных работ после реорганизация МТС не были компенсированы повышением доходов колхозов, цены на зерно и продукты животноводства не покрывали затрат, а в итоге оказывалась низкой общая норма рентабельности.

Благоприятные погодные условия 1958 г. и ошибочное мнение о том, что единые закупочные цены являются экономически обоснованными, создали неправильное представление о возможностях развития колхозов. Казалось, что созданы необходимые условия для высоких темпов расширенного воспроизводства в колхозах, и они даже располагают для этого излишними доходами.

Чтобы сократить эти излишки, был приведен в действие стоимостной механизм: повышены для колхозов отпускные цены на нефтепродукты и запасные части, закупочные же цены оставались неизменными только формально, на самом деле снижались на основе положения об их подвижности. В условиях некоторого спада уровня производства по сравнению с благоприятным 1958 г., а также уменьшения материальной заинтересованности колхозников рентабельность производства сократилась. В 1964 г. норма рентабельности оказалась значительно ниже, чем в 1958 г., особенно в РСФСР, Белоруссии и некоторых других республиках. Снижение нормы рентабельности продолжалось вплоть до 1962 г., и даже повышение закупочных цен на продукты животноводства не прекратило в некоторых республиках этого процесса.

В 1961 и в последующие годы в действие вступил такой фактор снижения рентабельности, как повышение оплаты труда, предпринятое для погашения материальной заинтересованности, поэтому даже в 1964 г. норма рентабельности оказалась всюду ниже уровня 1958 г.

Таким образом, опыт развития колхозов после 1958 г. приводит к следующим выводам. Во-первых, с точки зрения рентабельности производства повышение отпускных цен на промышленные средства производства и понижение оплаты труда дали отрицательные результаты, состоящие в снижении чистого дохода. Не случайно впоследствии пришлось снизить отпускные цены и повысить оплату труда.

Во-вторых, оплата труда до тех пор, пока она не достигла общественно необходимого уровня, может повышаться более быстрыми темпами, чем прирост валовой продукции (денежной выручки) или валового дохода. Хотя при этом снижается чистый доход,

но создаются нормальные условия для повышения производительности труда и рентабельности производства в будущем.

В-третьих, нельзя снижение рентабельности считать нормальным явлением колхозной экономики. После того как оплата труда достигла общественно необходимого уровня, должен вступить в действие закон опережающих темпов роста производительности труда над его оплатой.

В конкретном выражении этот закон означает, что валовой доход, являющийся единственным источником оплаты труда и чистого дохода, должен увеличиваться быстрее, чем оплата труда. Только при таком сочетании этих частей валовой продукции возможно решение двух противоречивых задач: повышения материальной заинтересованности колхозников при одновременном росте рентабельности производства.

Условия, необходимые для обеспечения опережающего роста валового дохода над оплатой труда, созданы погашением в 1965 г. закупочных цен и внедрением гарантированной оплаты труда колхозников. Дальнейшее зависит от того, насколько быстро будут приведены в действие резервы увеличения выхода продукции и повышения производительности труда.

В 1965 г. гарантированная оплата труда колхозников еще не была внедрена, что сказалось и на показателях рентабельности производства.

Новые закупочные цены на зерно, подсолнечник и продукты животноводства привели к повышению оплаты труда и рентабельности производства.

Самой низкой была оплата в Белоруссии, чем в значительной мере объясняется относительно высокая норма рентабельности. Это — результат того, что чистый доход формировался отчасти за счет оплаты труда.

Самой высокой оказалась норма рентабельности в Киргизии. В колхозах Армении оплата труда также высокая, однако совокупная норма рентабельности самая низкая.

Существует зависимость нормы рентабельности от уровня производительности труда и доли совокупных затрат в валовой продукции. Так, выход валовой продукции в расчете на трудоспособного в колхозах РСФСР и Молдавии почти одинаков, однако более низкая доля затрат обеспечивает колхозам Молдавии значительно более высокую норму рентабельности. Самая высокая

выработка продукции оказалась в Эстонской ССР, однако норма рентабельности здесь ниже, чем в Киргизской ССР, где получено меньше продукции при более низкой доле затрат. В Белорусской ССР и Армянской ССР выработка на трудоспособного также одинакова, что при различной доле затрат приводит к разной норме рентабельности. Нельзя, разумеется, упускать из виду факторы, обусловившие тот или иной уровень затрат. Он ниже в Белорусской ССР потому, что здесь очень низкая оплата труда. Если же пересчитать затраты на оплату труда по ставкам Армянской ССР, то норма рентабельности в Белоруссии значительно уменьшится.

В 1966 г. в целом по колхозам СССР норма рентабельности повысилась и составила 40,6 % против 39,3 % в 1965 г.

По сравнению со средним по стране этот показатель оказался самым низким в Закавказском экономическом районе (Грузинская ССР — 12,8 %, Армянская ССР — 15,6 %, Азербайджанская ССР — 19,4 %). Выше среднего норма рентабельности в колхозах РСФСР — 51,9 %, Украинской ССР — 50,4, Молдавской ССР — 49,0, Казахской ССР — 62,5 %.

Если сравнить данные за 1965 и 1966 гг., то оказывается, что норма рентабельности повысилась в колхозах РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Азербайджанской ССР и Таджикской ССР. Во всех остальных республиках этот показатель снизился, причем больше всего в Узбекской ССР: с 38,1 до 23,3 %. Рассмотрим причины этих явлений на примере отдельных республик.

В колхозах РСФСР валовая продукция в 1966 г. увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 15 %; затраты на ее производство выросли на 12 %, в том числе фонд оплаты труда — на 17 % и все другие затраты — на 8 %. Более высокие темпы роста валовой продукции по сравнению с затратами должны были привести к повышению рентабельности. Если учесть реальное образование доходов, то оказывается, что валовой доход увеличился на 22 %, а чистый — на 32 %. Значительное превышение темпов роста чистого дохода над валовой продукцией и затратами определило повышение рентабельности в 1966 г. Примерно такое же положение сложилось в Казахской ССР. Валовая продукция увеличилась на 35 %, оплата человекодня — на 24 %, весь фонд оплаты — на 32 %, совокупные затраты — на 26 %, валовой доход — на 63 %, а чистый доход — на 133 %. Здесь также наблюдается значительное превышение темпов роста чистого до-

хода над затратами, что явилось причиной значительного повышения нормы рентабельности.

Примеры этих республик позволяют сформулировать общую закономерность повышения нормы рентабельности. Последняя обусловлена превышением темпов роста чистого дохода над затратами, возникающего на базе увеличения производства продукции и снижения затрат на ее единицу.

Норма рентабельности в колхозах Узбекской ССР снизилась. При этом валовая продукция осталась на уровне 1965 г., а совокупные затраты повысились на 8 %. Такой разрыв в темпах роста валовой продукции и затрат привел к сокращению валового и чистого дохода. Последний составил 79,5 процента от уровня 1965 г., что сказалось на показателе нормы рентабельности.

1967 год был менее благоприятным в климатическом отношении, чем 1966 год. Это сказалось на рентабельности производства, которая почти всюду снизилась. Конкретными причинами падения общехозяйственной рентабельности явилось увеличение затрат средств и затрат по оплате труда, что привело к сокращению общей суммы чистого дохода. Так, в колхозах СССР себестоимость всей продукции повысилась на 11 %, а чистый доход снизился на 5 %. В колхозах Украинской ССР себестоимость повысилась на 5 %, а чистый доход снизился на 13 %.

Своеобразное положение сложилось в колхозах Эстонской ССР. Последние два года рентабельность здесь снижается при общем увеличении валового дохода. Однако оплата труда увеличивается более быстрыми темпами, в связи с чем ее доля в валовом доходе повысилась с 55,6 % в 1965 г. до 58,2 % в 1966 г.

Опережающий рост оплаты труда снижает чистый доход и рентабельность производства, в связи с чем этот показатель искажает результаты хозяйственной деятельности. При таком положении показатели рентабельности оказываются несопоставимыми за ряд лет в одном и том же хозяйстве или республике. Но они не вполне сопоставимы и между республиками в одном и том же году. Причина этого — различный уровень оплаты труда.

Это не означает, что показатели рентабельности вообще не имеют познавательного значения. При всех условиях они свидетельствуют об определенном превышении чистого дохода над затратами, а следовательно, о возможностях расширенного воспроизводства.

Таким образом, норма рентабельности изменяется в зависимости от увеличения продукции и снижения затрат на ее производство. Поэтому все факторы, приводящие к увеличению производства продукции и снижению затрат, в конечном итоге оказывают влияние на совокупную норму рентабельности.

При всем, несомненно, важном познавательном и практическом значении нормы рентабельности последняя не может быть единственным показателем эффективности производства, поскольку он страдает двумя существенными недостатками. Во-первых, по этому показателю невозможно судить об эффективности использования основных производственных фондов, а потому и выбрать наиболее рациональное направление капитальных вложений. Показателем нормы рентабельности можно было ограничиваться, пока в колхозах не было машинной техники, а их собственные основные средства состояли главным образом из построек, скота и транспортных средств. Однако в этот период норму рентабельности вообще не исчисляли. В настоящее же время, когда колхозы стали собственниками всех основных средств производства, кроме земли, и их материально-техническая база неуклонно развивается, норма рентабельности не может отразить этих изменений. Поэтому наряду с ней в колхозах необходимо исчислять норму прибыли, которая позволяет судить об эффективности использования основных и оборотных фондов.

Во-вторых, норма рентабельности не дает представления о возможностях накопления. Так, по показателю таблицы совершенно невозможно установить, какие накопления обеспечиваются при той или иной норме рентабельности. Остается неясно, достаточна ли для колхозов норма рентабельности 17 % или ее необходимо поднимать до 50 %. Вопрос о необходимой норме рентабельности имеет особенно большое значение в условиях планового хозяйства, когда колхозы получают плановые задания по продаже продукции государству. Им необходимо знать, какая для этого требуется рентабельность. Ответ на этот вопрос также может дать только норма прибыли.

В силу этого необходимо исчислять и показатели нормы рентабельности, и норму прибыли, особенно по общественному хозяйству в целом. Дело в том, что прибыль одних отраслей может перераспределяться в пользу других, а совокупная норма прибыли определяет возможности расширенного воспроизводства хозяйства.

Особенно важно выявить пути повышения нормы прибыли. С теоретической точки зрения такими путями являются: повышение фондоотдачи; рост производительности труда, измеряемый чистой продукцией (валовым доходом); увеличение нормы чистого дохода.

В фондоотдаче, выраженной нормой валовой продукции, заложены все элементы будущей нормы прибыли. Часть валовой продукции содержит чистый доход. Чем больше ее объем, тем больше при прочих равных условиях эта часть. Но эти условия не остаются неизменными. При росте валовой продукции валовой доход может и увеличиваться, и снижаться. Распределение его может изменить норму чистого дохода. Таким образом, структура числителя (валовой продукции) оказывает решающее влияние на норму прибыли. Знаменатель же для показателей нормы валовой продукции и нормы прибыли единый. Если он изменяется, это сказывается на обоих показателях (см. табл. 2).

Приведенная таблица 2 показывает основную закономерность повышения нормы прибыли. Последняя изменяется под влиянием фондоотдачи и производительности труда. При этом рост производительности труда приводит не только к увеличению валового дохода на 100 человекоднев, но и к повышению нормы чистого дохода. Поскольку, однако, распределение обладает относительной самостоятельностью, это позволяет увеличить норму прибыли при относительно низкой производительности труда.

Так, в областях Центрально-Черноземного района норма прибыли следует за повышением нормы валовой продукции. Валовой доход нарастает в иной последовательности, чем норма валовой продукции. Липецкая область должна следовать за Тамбовской, хотя там норма валовой продукции ниже, а Курская область по валовому доходу занимает последнее место в экономическом районе. Норма чистого дохода в Липецкой области очень высокая, что обеспечивает соответствующую норму прибыли при относительно низкой производительности труда. Такое же положение в Курской области. Более высокая, чем в Тамбовской области, норма прибыли при низкой производительности труда достигается за счет фондоотдачи и повышения нормы чистого дохода. Тамбовская область по производительности труда находится на втором месте, однако низкие фондоотдача и норма чи-

стого дохода приводят к тому, что норма прибыли оказывается более низкой, чем в Курской и Липецкой областях.

Таблица 2

**Фондоотдача, норма чистого дохода и норма прибыли
в колхозах**

Области, края и республики	Норма валовой продукции (%)	Валовой доход на 100 человекодней (руб.)	Норма чистого дохода (%)	Норма прибыли (%)
<i>Центрально-Черноземный район (1962 г.)</i>				
Воронежская	72,7	389	107,5	20,5
Липецкая	72,4	256	134,5	19,2
Курская	70,4	221	106,2	17,3
Тамбовская	68,5	298	96,5	16,3
Белгородская	66,2	254	89,0	15,4
<i>Поволжье (1964 г.)</i>				
Волгоградская	73,8	702	129,0	22,8
Саратовская	65,0	548	103,5	19,8
Куйбышевская	61,9	388	98,5	15,0
Астраханская	60,8	483	78,2	16,0
Пензенская	60,4	288	81,0	13,4
Татарская АССР	59,5	256	80,3	12,1
<i>Западная Сибирь (1966 г.)</i>				
Тюменская	63,6	836	35,4	12,7
Новосибирская	66,8	1000	38,0	14,4
Омская	71,5	1010	42,8	17,6
Томская	74,0	1115	46,0	21,4
Алтайский край	80,0	1220	49,5	31,4
<i>Северный Кавказ (1967 г.)</i>				
Дагестанская АССР	57,0	390	16,3	7,6
Ростовская	64,2	687	35,8	13,9
Ставропольский край	65,8	773	40,6	16,0
Кабардино- Балкарская АССР	67,0	750	44,1	18,4
Краснодарский край	76,5	862	45,0	22,9

По областям Поволжского района, исключая Астраханскую область, наблюдается строго последовательная связь показателей: с понижением фондоотдачи сокращается валовой доход на 100 человекодней, снижаются норма чистого дохода и норма прибыли.

Высокий уровень валового дохода в Астраханской области, не соответствующий фондоотдаче, позволяет при относительно низкой норме чистого дохода добиваться высокой нормы прибыли.

Такая же связь показателей наблюдается по другим экономическим районам: с повышением фондоотдачи увеличиваются валовой доход на единицу затраченного времени, норма чистого дохода и норма прибыли. Это не означает, что во всех случаях наблюдается только такая зависимость. Так, в Новосибирской и Омской областях фондоотдача различна, в то время как валовой доход на 100 человекодней одинаков. В этом случае различная норма чистого дохода оказывается решающим фактором нормы прибыли. Высокой фондоотдаче может соответствовать относительно низкий показатель валового дохода на 100 человекодней, что видно на примере Ставропольского края и Кабардино-Балкарской АССР.

Причина такого положения — различная структура валовой продукции, выраженная долей затрат материальных средств и валового дохода, а также неодинаковый уровень валовой продукции, полученной в расчете на 100 человекодней.

Таблица 2 показывает значительную дифференциацию колхозов по норме прибыли. Так, если сравнить Тюменскую область и Алтайский край по валовому доходу, то различие между ними окажется не столь значительным, как по норме прибыли. Но так как только последний показатель характеризует возможности накопления и расширенного воспроизводства фондов, то существующая дифференциация — предпосылка различных темпов развития сельского хозяйства.

Материалы по четырем экономическим районам РСФСР показывают, что основным фактором повышения нормы прибыли является рост фондоотдачи. При неизменной или даже снижающейся валовой продукции норма прибыли также может повышаться на базе высокого уровня валового дохода, высокой нормы чистого дохода или того и другого одновременно.

Повышение же фондоотдачи затрагивает всю сферу производства. Особо важное значение имеют структура хозяйства, соотношение высокофондоёмких и малофондоёмких отраслей, техническая вооруженность и структура основных средств, повышение доли активной части средств производства. Поэтому не только в пределах одного экономического, но и одного административного района возможны серьезные различия между колхозами по показателям фондоотдачи. В экономических районах, где природные факторы являются более или менее выравненными,

а структура производства существенно не различается, фондоотдача колеблется в небольших пределах.

При значительной дифференциации природных и экономических условий в Северо-Кавказском экономическом районе колебания фондоотдачи довольно значительны. Различия в фондоотдаче являются определяющими в образовании нормы прибыли.

Необходимо отметить, что в некоторых районах фондоотдача снижалась, в других она оставалась неизменной, а в ряде случаев повышалась. То или иное изменение фондоотдачи сказывалось на норме прибыли. Однако последняя уменьшалась в некоторых районах под влиянием снижения не только нормы валовой продукции, но и нормы чистого дохода, происходившего в результате изменения распределения валового дохода в сторону повышения в нем доли оплаты труда.

Если рассмотреть показатели в динамике, то оказывается, что в 1958 г. норма прибыли по республикам и экономическим районам повысилась по сравнению с предшествующим годом. В 1959 г. произошло снижение, продолжавшееся до 1961 г. Исключение составляли колхозы Узбекской ССР и Таджикской ССР, где норма прибыли в 1959 г. оказалась более высокой, чем в 1958 г., а снизилась в 1960 г. Это — результат более высокой урожайности хлопчатника в 1959 г., когда колхозы Узбекской ССР собрали по 24,4 ц, а Таджикской — по 27,9 ц хлопка-сырца с гектара против 23,3 и 27,2 ц в 1958 г. Существенную роль сыграло в Узбекистане и понижение оплаты труда, что сократило общие издержки производства.

В колхозах Киргизской ССР норма прибыли несколько снизилась в 1958 г., а в последующие годы неуклонно повышалась.

При сопоставлении движения нормы прибыли с 1958 г. необходимо иметь в виду, что этот год был исключительно благоприятным по урожайности. Кроме того, часть машинной техники еще находилась в МТС. Поэтому более обоснованной базой является 1959 год. Если сравнивать с этим годом, то норма прибыли в РСФСР и некоторых других республиках повышалась.

Однако во многих колхозах норма прибыли и по сравнению с 1959 г. неуклонно снижалась, особенно в Украинской ССР, Прибалтике и Белоруссии. Объясняется это тем, что из-за неправильного руководства колхозами затраты на производ-

ство неуклонно росли, увеличивались также основные фонды, а чистый доход если и возрастал, то медленно, а в отдельные годы даже снижался. Возьмем для примера колхозы Украины (см. табл. 3).

Из этих данных видно, что темпы увеличения чистого дохода отставали от прироста затрат и от увеличения основных фондов. Это приводило к тому, что показатели рентабельности также снижались.

Норма прибыли повысилась только в 1958 г., а все последующие годы снижалась, что было результатом недостаточно эффективного использования трудовых ресурсов и производственных фондов.

Таблица 3

**Динамика затрат, основных фондов и нормы прибыли
в колхозах Украинской ССР**

Показатели	Годы					
	1959	1960	1961	1962	1964	1967
Совокупные затраты	100,0	103,0	121,6	137,8	176,0	240,0
Основные фонды	100,0	108,5	125,5	138,0	145,0	198,0
Чистый доход	100,0	98,6	109,2	123,3	131,0	174,0
Норма прибыли	100,0	93,5	87,4	86,8	81,0	82,4

Пример украинских колхозов показывает, что возможно одновременное повышение нормы рентабельности и снижение нормы прибыли и что более достоверным показателем эффективности производства является норма прибыли, в движении которой отражаются результаты использования как оборотных, так и основных производственных фондов.

Если не вдаваться в причины снижения нормы прибыли, то можно было бы сделать вывод о наличии здесь закономерной тенденции. Такой вывод и делают некоторые экономисты. Норма прибыли в колхозах может падать под влиянием трех факторов: в результате изменения распределения валового дохода в сторону увеличения в нем доли оплаты труда; на основе повышения цен на промышленные средства производства и снижения цен на продукты сельского хозяйства; под влиянием падающей эффективности последовательных вложений. В конкретной действительности были налицо все эти факторы. Более высокая норма прибыли в 1959 г. основывалась отчасти на низкой оплате труда. Последующее ее повышение было необходимо, но его нельзя

относить к числу закономерных факторов падения нормы прибыли. Не вызывался необходимостью и рост цен на промышленные средства производства, отпускаемые колхозам, и их в 1962 г. пришлось снизить.

Падающая эффективность добавочных вложений также объяснялась не внутренними закономерностями, а экспериментами со структурой посевных площадей, направлением капитальных вложений, медленными темпами повышения урожайности, отсутствием комплексной механизации производства и т. п.

Там, где влияние факторов падающей нормы прибыли парализовалось повышением производительности труда, наблюдались противоположные результаты. Приведем данные по колхозам Киргизской ССР (см. табл. 4).

Таблица 4

**Динамика затрат, основных фондов и нормы прибыли
в колхозах Киргизской ССР**

Показатели	Годы					
	1959	1960	1961	1962	1964	1967
Совокупные затраты	100,0	95,5	102,0	124,2	161,0	186,0
Основные фонды	100,0	94,8	82,5	82,0	101,0	194,0
Чистый доход	100,0	105,5	99,0	114,3	141,0	156,0
Норма прибыли	100,0	111,8	116,5	113,1	121,3	109,2

В колхозах Киргизии действовали некоторые из тех же факторов, что и в украинских. Здесь также увеличивался фонд оплаты труда, применялись повышенные цены на промышленные средства производства.

Начиная с 1959 г. норма прибыли повышалась и падающей эффективности добавочных вложений не наблюдалось. Объяснение этому надо искать в различной структуре производства и особенностях природных условий. В Киргизской ССР самая высокая по стране урожайность сахарной свеклы, высокие урожаи дают хлопчатник, виноград и другие культуры. Животноводство, главная отрасль которого является овцеводство, базируется в значительной степени на естественных кормовых угодьях. Поэтому здесь чистый доход увеличивается из года в год высокими темпами, а увеличение нормы рентабельности идет одновременно с ростом нормы прибыли.

Таким образом, в реальной действительности возможно как повышение, так и понижение нормы прибыли при одновремен-

ном увеличении нормы рентабельности. Несомненно, что закономерной тенденцией является повышение нормы прибыли, происходящее на основе роста производительности труда. Но поскольку ни в том, ни в другом нет автоматизма, исключительное значение приобретают те меры, которые позволяют повышать норму прибыли.

В 1965 г. норма прибыли повысилась в результате изменения распределения национального дохода и повышения в нем доли сельского хозяйства. Приведем соответствующие данные по союзным республикам и экономическим районам (см. табл. 5).

Таблица 5

Фондоотдача и норма прибыли в колхозах

Союзные республики и экономические районы	Норма валовой продукции			Норма прибыли		
	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.
РСФСР	58,4	60,2	59,5	13,1	15,5	13,1
Украинская ССР	61,0	59,4	56,7	16,1	16,3	14,3
Прибалтийский	52,4	51,8	53,2	12,2	10,3	10,1
Среднеазиатский	72,7	69,0	68,1	20,0	18,6	14,4
Закавказский	47,3	48,3	48,2	7,2	6,8	4,7
Белорусская ССР	64,5	71,0	62,0	13,2	14,2	11,2
Казахская ССР	53,3	75,0	54,9	10,4	20,4	10,4
Молдавская ССР	67,2	63,5	64,7	21,4	18,2	17,1

Приведенные показатели отражают одну из существенных сторон экономики колхозов — эффективность производства. Фондоотдача дает об этом приближенное представление, норма прибыли — более точное. Данные трех лет недостаточны для общих выводов о тенденциях, возникших в последние годы. Однако некоторые частные выводы могут быть сделаны. Во-первых, фондоотдача в 1967 г. по сравнению с 1966 г. почти всюду снизилась, что сказалось и на норме прибыли. Снижение фондоотдачи — результат неблагоприятных условий года, из-за которых урожайность основных культур была ниже, чем в 1966 г.

Во-вторых, в Среднеазиатском экономическом районе наблюдается снижение эффективности производства по сравнению не только с 1966, но и с 1965 г. Основная причина этого — отставание темпов роста валовой продукции от увеличения производственных фондов. Исключение составляет Туркменская ССР,

где фондоотдача повысилась с 70,8 % в 1965 г. до 73,8 % в 1966 г. и 74,6 % в 1967 г.

В-третьих, хотя в Закавказских республиках норма валовой продукции не снизилась по сравнению с 1965 г., норма прибыли здесь неуклонно снижается. Это в особенности относится к колхозам Грузии, где норма прибыли составила в 1965 г. 6,0 %, в 1966 г. 4,7 %, в 1967 г. — всего 2,8 % и была самой низкой в стране. Подобные изменения — результат структурных сдвигов в валовой продукции и валовом доходе, в результате которых сокращается чистый доход.

В-четвертых, сложившаяся в последние годы норма прибыли создает различные возможности для накопления и расширенного воспроизводства. Максимальная норма прибыли в 1967 г. (17,9 %), полученная колхозами Туркменской ССР, превышает минимальную в 6 раз. Низкая норма прибыли в ряде союзных республик — серьезное препятствие к осуществлению высоких темпов расширенного воспроизводства.

Из анализа нормы прибыли по союзным республикам и экономическим районам вытекают две тесно связанные проблемы: во-первых, проблема выравнивания рентабельности. Нет никаких оснований для того, чтобы в условиях единой социалистической системы хозяйства колхозы одних республик имели высокую рентабельность и таким образом обеспечивали высокие темпы накопления, а других — низкую рентабельность, почти исключаящую возможность накопления. Во-вторых, возникает проблема общественно необходимого уровня рентабельности, которая самым тесным и непосредственным образом связана с первой.

Если, предположим, необходимая для колхозов норма прибыли должна составлять 20 %, то это означает, что выравнивать колхозы по рентабельности производства необходимо, ориентируясь на указанный выше уровень. Если же признать, что для нормального развития колхозов достаточно 10 % нормы прибыли, то соответственно с этим необходимо принимать ряд мер организационно-экономического характера. В зависимости от необходимого уровня рентабельности определяются методы решения проблемы выравнивания. Добиться того, чтобы повсеместно норма прибыли была не ниже 10 %, можно путем осуществления ряда мер, предусматривающих изменение распределения чи-

стого дохода. Но если признать, что для колхозов необходима норма прибыли в 20 %, то решить эту проблему путем распределения общей суммы чистого дохода невозможно. Поэтому проблема необходимого уровня рентабельности была одной из центральных проблем экономики колхозов.

Коллективизация сельского хозяйства стихийно началась с первых лет советской власти, но проходила она медленно: в 1928 г. — 1,7 %; в 1929 г. — 3,9 % крестьянских хозяйств.

Толчком к массовой коллективизации послужили обстоятельства, которые обычно рассматривают изолированно, что искажает ее правильную оценку.

Исследования, проведенные Г.Р. Романченко, показывают, что в конце 20-х годов наблюдался подъем аграрного производства. Однако страна столкнулась с трудностями в заготовке зерна. Зерно было, но крестьяне неохотно продавали его государству. Вторым обстоятельством был самый крупный в истории экономический кризис 1929—1933 годов, охвативший все капиталистические страны и усиливший антирыночные настроения в руководстве СССР. И третьим обстоятельством явился принятый правительством СССР ускоренный курс на индустриализацию страны, предполагавший, как определил И.В. Сталин, преодоление за 10 лет того пути, который Запад проходил за 100—150 лет. Сталин считал Вторую мировую войну неизбежной, сроки до ее начала — крайне ограниченными, и за эти кратчайшие сроки страна должна была решить огромный комплекс задач по переводу ее из чисто аграрной с преимущественно сельским населением (более 80 %) в современную индустриально развитую и хорошо вооруженную державу. Финансовые средства, продовольствие и сырье для промышленности, трудовые ресурсы для строительства новых городов, промышленных предприятий, других народнохозяйственных и оборонных объектов необходимо было изыскать внутри страны. Основная тяжесть в решении всех этих задач ложилась на сельскохозяйственный сектор. Чтобы высвободить трудовые ресурсы без снижения темпов производства аграрной продукции, само сельскохозяйственное производство требовалось механизировать, для чего необходимо было укрупнить размеры хозяйств, сделать труд более производительным. Осуществить этот комплекс задач в кратчайшие сроки позволяла коллективизация.

Массовая и в ряде случаев принудительная коллективизация началась в 1930 г. с принятия Постановления ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором были определены сжатые сроки коллективизации в основном в зерновых районах страны (к весне 1931 г.), а в остальных — весной 1932 г. Постановлением «О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрупнения колхозов» (август 1931 г.) предлагалось завершить коллективизацию во всех районах страны в 1932—1933 гг. Динамика коллективизации была такова: 1930 г. — 26,3 %; 1931 г. — 52,7 %; 1932 г. — 61,5 %; 1934 г. — 71,4 %; 1935 г. — 83,5 %; 1936 г. — 90,5 %; 1940 г. — 96,9 %. В период проведения коллективизации производство аграрной продукции снизилось более чем на 10 % и восстановилось только к концу 30-х годов — завершению коллективизации. Если стоимость валовой сельскохозяйственной продукции в сопоставимых ценах 1983 г. составила в среднегодовом исчислении в 1926—1930 гг. 66,7 млрд руб., то в 1931—1935 гг. — 60,0 млрд руб., в 1936—1940 гг. — 66,4 млрд руб.

Второй Всероссийский съезд колхозников (11—17 февраля 1935 г.) принял Примерный устав сельскохозяйственной артели, утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП (б), определяющий цели создания и порядок функционирования колхоза. В уставе указано, что земля артели (как и всякая другая земля в СССР) есть общенародная государственная собственность, закрепляется за артелью в бессрочное пользование и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче артели в аренду. Устав определял норму содержания скота в хозяйстве колхозника.

Для оснащения колхозов техникой были построены тракторные заводы и создана сеть МТС. Число тракторов в сельском хозяйстве с 28 тыс. штук в 1928 г. к 1940 г. увеличилось до 531 тыс. штук, зерновых комбайнов — с 2 тыс. штук до 182 тыс., грузовых автомобилей — с 0,7 тыс. до 228 тысяч. Сократившийся в годы войны объем производства сельскохозяйственной продукции на 40 % был восстановлен уже в 1950 г. и все последующие годы прогрессивно нарастал.

При всех издержках, с которыми коллективизация сельского хозяйства была осуществлена, стратегически это был верный путь, позволивший, как справедливо отметил один из

«главных недругов» нашей страны Уинстон Черчилль, не только защитит страну, но и поднять ее от сохи до атома и космических высот. Неоспоримые преимущества крупных коллективных хозяйств перед семейными фермерскими сегодня могут оспаривать только экономически безграмотные люди. Это в годы Великой Отечественной войны быстро смекнули главаря фашистской Германии, закрытым письмом Геббельса запретив (из опасения остаться без продовольствия) начатую гауляйтером оккупированной Украины Альфредом Кохом ликвидацию колхозов; правительство сегодняшней объединенной Германии быстро отказалось от идеи ликвидации коллективных хозяйств на территории бывшей ГДР; на крупные коллективные хозяйства ориентируется теперь и правительство США. Коллективные хозяйства сегодняшней России выдержали яростную экономическую, идеологическую, правовую и административную атаку реформаторов-либералов и вопреки их надеждам и ожиданиям продолжают все же кормить страну, чего, к сожалению, нельзя сказать о фермерстве, социальная база для развития которого давно утрачена, а экономическая вообще отсутствует.

Вновь созданные за годы реформ хозяйствующие субъекты не были подготовлены к работе в новых условиях, не смогли воспользоваться предоставленной им свободой. Сельское хозяйство попало в жесткие тиски ценового диспаритета, товарной экспансии импортного продовольствия, натурализации обменных отношений. И как результат: с 1990 по 2001 годы из сельскохозяйственного оборота вышли десятки миллионов гектаров земель, катастрофически снижается плодородие почв, многократно уменьшилось производственное строительство, стареют основные фонды, увеличивается нагрузка на трактор, комбайн. Сегодня на ремонте машин и оборудования заняты мощности и рабочая сила, по численности превышающие занятых в основном сельхозмашиностроении. Начался процесс физического распада производительных сил АПК, снижается его спрос на научно-техническую продукцию, идет деградация научно-технического потенциала, разрушена социальная структура села, остановлены заводы сельскохозяйственного машиностроения, а валовая продукция их сократилась на 37,2 %. Все это находит отражение в особенностях потребления (см. табл. 6).

Таблица 6

**Потребление основных продуктов питания в России и СССР
на душу населения в год, кг**

Продукты	1913 г.	Рекомендации Института питания на 1990 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	2003 г.
Мясо и мясопродукты	29	70	48	58	62	69	45
Молоко и молокопродукты	151	360	307	314	325	386	216
Яйца, штук	48	256	159	239	260	297	229
Рыба и рыбопродукты	6	18,2	15,4	17,6	18,0	20,0	9,9
Сахар	8	35,3	38,8	44,4	42,2	47,0	35,0
Растительное масло	1,8	13,2	6,8	8,8	9,7	10,2	10,0
Картофель	240	110	130	109	104	106	118
Овощи и бахчевые	-	165	82	97	102	89	86,3
Фрукты и ягоды	-	80	35	38	48	35	34,0
Хлебопродукты	16	110	149	138	133	119	118,0
Содержание в суточном рационе (г):							
Белки		85	75	77	80	85	62
Жиры		104	81	93	101	107	81
Углеводы		386	468	458	452	465	349
Энергия (ккал.)		2837	2917	2992	3050	3100	2390

Ответ павшим воинам за результаты проведенных либеральных реформ в аграрном секторе России, направленных на ликвидацию колхозного строя, дал Юрий Николаевич Иванченко, в семье которого четыре человека не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны:

* * *

Не надо громких эпитафий —
 Народ своей судьбы творец...
 А с пожелтевших фотографий
 С укором смотрит мой отец:
 — Не торопись, сынок, с ответом,
 Но объясни мне, как же так,
 И флаг не тот над сельсоветом,
 И поле вспахано не так?

— Прости, отец, что не сумели
Понять, где свой, а где чужой.
Ты часто снишься мне в шинели,
А мать все верит, что живой...
Нет, не забыли вас, славяне,
Но и не кончена война.
Сегодня снова вас помянем
И вспомним ваши имена.
А завтра поспешим с ответом,
Всех дел осталось, так сказать, —
Вернуть тот флаг над сельсоветом
Да поле заново вспахать ¹.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА Г.Р. РОМАНЧЕНКО

1. Валовой и чистый доход в колхозах. Дис. ... д-ра эконом. наук. Л., 1958. (30 п.л.)
2. Проблемы рентабельности колхозного производства. Л.: Лениздат, 1963. (10 п.л.)
3. Рентабельность колхозного производства. М.: Колос, 1964. (20 п.л.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стихотворение Ю.Н. Иванченко было опубликовано в газете «Правда» (№ 3 от 14—17 января 2005 г.).

В.Е. Есипов,
доктор экономических наук, профессор;
Э.Ю. Гальперин,
кандидат исторических наук, доцент

|| СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
<i>Летенко А. В., Качалов Р. М.</i> НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ФЕДОРЕНКО. Ученый, гражданин человек	4
<i>Петриков А. В.</i> АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ. Жизнь и творческий путь академика	20
<i>Черковец В. Н.</i> ВИКТОР НИКИТИЧ ЧЕРКОВЕЦ. На фронтах военных и теоретических	38
<i>Солодков В. М.</i> МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СОЛОДКОВ. Солдат, ученый и учитель	86
<i>Лебединский Н. П.</i> НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ЛЕБЕДИНСКИЙ. Из кладовой памяти	100
<i>Худокормов А. Г.</i> ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ХУДОКОРМОВ. Человек и ученый	112
<i>Ефремова Е. Я., Половенко С. И.</i> ЕВГЕНИЙ СЕМЕНОВИЧ ГОРОДЕЦКИЙ. Человек, ученый, воин	131
<i>Фокина Л. В.</i> АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ БУТЕНКО. Философ, политолог, участник Великой Отечественной войны	141
<i>Мерлин Г. М.</i> НАУМ ГРИГОРЬЕВИЧ НАРОВЛЯНСКИЙ. Человек, который никогда не останавливался на достигнутом	156
<i>Самаруха В. И.</i> ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОМБАЛЕВСКИЙ. Экономист и фронтовик	164

<i>Митаев В.А.</i> ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ МИТАЕВ. Жизненный путь фронтовика	172
<i>Чеканский А.Н.</i> НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЧЕКАНСКИЙ. Красная нить	182
<i>Рачков М.П.</i> ИВАН НИКИТИЧ ТРЕГУБОВ. Он никогда ни на что не жаловался	198
<i>Галиаскаров Н.Г.</i> НАБИУЛЛ ГАЛИУЛЛОВИЧ ГАЛИАСКАРОВ. Путь солдата	205
Экономисты Ленинградского сельскохозяйственного института — участники Великой Отечественной войны. К 60-летию Великой Победы	213

Научно-популярное издание

**ВОЙНА И МИР В СУДЬБАХ
УЧЕНЫХ-ЭКОНОМИСТОВ**

Очерки

Выпуск 5

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *Е.М. Шентухина*
Корректоры: *С.А. Астахова, Н.В. Горева*
Технический редактор *М.Н. Растёгина*

Подписано в печать 11.05 2005 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 14,4.
Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 200 экз. Заказ **107** . «С» 64.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

